Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

на правах рукописи

ГАЛКИНА ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА

ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент Бабинцев В.А.

Екатеринбург – 2018

Оглавление

Введение…….....3

Глава 1. Октябрь 1914 – декабрь 1915: «поддержать русский колосс»…….....17

§ 1.1. Осознание неэффективности довоенной системы военного представительства в России…….17

§ 1.2. Развёртывание военно-технического сотрудничества: миссия Пио…35

Глава 2. Январь 1916 – июль 1917: «концентрировать усилия вплоть до окончательной победы»……....50

§ 2.1. Реорганизация миссии как путь к сверхконцентрации…….50

§ 2.2. Февраль 1917: от сверконцентрации к фрагментации……...86

Глава 3. 1917-1918: «в поисках Рюрика»……..106

§ 3.1. Idée fixe Анри Нисселя: национальные армии…….....106

§ 3.2. Левая иллюзия: Альбер Тома, Жак Садуль и другие…….....119

§ 3.3. Французская военная миссия и создание Красной Армии….....127

§ 3.4. Антибольшевистская деятельность французской миссии: «кровь патриотов» для «дерева свободы»…….....131

§ 3.5. Интервенция как решение…….....161

Глава 4. Поражение французской военной миссии…….175

Заключение……...187

Список литературы и источников……..193

ВВЕДЕНИЕ

Первая мировая война, ставшая роковым событием XX столетия и сегодня остается одной из самых актуальных тем: ведущие французские историки Стефан Одуэн-Рузо и Анетт Беккер говорят о ее «трагическом обновлении» в современном мире: война не закончилась, она началась снова, *«в 1992 году в новостных сводках, как и в 1914, зазвучало Сараево»*[1]. Эту мысль разделяют некоторые отечественные публицисты: искусствовед М. Трофименков в статье «Поколение мертвых» заметил: *«О любом поколении можно сказать, что в отмеренный ему час оно «ушло». О любом, но только не о «потерянном». Его дети, внуки, правнуки воспроизводили и продолжают воспроизводить его опыт, зажигая и проигрывая новые войны на старых полях сражений: в оперативных сводках - привычные имена: Сараево, Мосул, Луганск»* [2]. Актуализация «неразрешенного наследия» Первой мировой осложняется тем, что российская и европейская память о войне расколота. Как отмечают немецкие исследователи в журнале «Восточная Европа»: «войну на Западе удалось поместить в пространство межнациональной памяти, которое делят между собой французы, бельгийцы, британцы и, с известной оговоркой, даже немцы. В этой памяти Запада и сегодня практически нет места войне на Восточном фронте»[3]: данный сюжет относится к числу маргинальных. С другой стороны, и для отечественной памяти о Первой мировой войне Западный фронт остаётся недостаточно известным. События Революции 1917 года также не способствуют становлению исторического взаимопонимания, раскалывая Антанту уже по идеологическому признаку. Сюжет о деятельности французской военной миссии в России – один из примеров взаимодействия русского и западного миров, позволяющий преодолеть раскол в исторической памяти России и Европы, продемонстрировать опыт

[1] Audoin-Rouzeau S., Becker A. 14-18, retrouver la Guerre. Paris, 2000. P. 19.
[2] Трофименков М. Поколение мертвых. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2493842 (дата обращения: 02.02.2016)
[3] Totentanz : Der Ersten Weltkrieg im Osten Europas // Osteuropa. Berlin, 2014. URL : https://www.zeitschrift-osteuropa.de/hefte/2014/2-4/ (дата обращения: 13.08.2017)

продуктивного и контрпродуктивного взаимодействия стран Антанты на фоне войны и Революции.

В этой связи диссертация также апеллирует к проблеме союзничества и объединения военных усилий: важнейшей особенностью Первой мировой войны стал её коалиционный характер, осуществлявшийся между воюющими блоками через согласование стратегических планов, поставки вооружения и боеприпасов, обмене разведывательной информацией и др. [4] Как отмечает А.Ю. Павлов, русский и французский фронты были главными фронтами Первой мировой войны, чья теснейшая связь стала видна уже во время первых сражений кампании 1914 г., тем не менее, проблема русско-французского стратегического взаимодействия не подвергалась в отечественной историографии должному осмыслению[5].

Сюжет, посвящённый истории становления, развития и деятельности французской военной миссии в России актуален и с точки зрения современных подходов в военной истории. Французский исследователь Лоран Эннингер, обобщивший опыт методологических изысканий в области военной истории, полагал перспективным направлением изучение эволюции военных структур и их влияния на практику войны[6]. Несмотря на то, что с момента постановки проблемы прошло более 15 лет, комплексная история французской армии, как и история эволюции её отдельных институтов, не была написана[7].

Обращаясь непосредственно к сюжету о французской военной миссии, отметим отсутствие как в отечественной, так и в зарубежной историографии комплексных исследований по данному вопросу. Советская традиция рассматривала союзнические миссии, в основном, как инструмент

[4] Сергеев Е.Ю. Новые подходы к исследованию Первой мировой войны // Великая война: сто лет. М., СПб., 2014. С.15.
[5] Павлов А.Ю. Стратегическое взаимодействие России и Франции // Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн.1. Россия в стратегии Антанты. СПб., 2014. С. 9-10; Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в коалиционной войне, 1914-1917 гг. // Первая мировая война, Версальская система и современность. Сборник статей. СПб., 2012. С. 20-31.
[6] Henninger L. La nouvelle histoire-bataille // Espaces Temps. 1999. № 71-73. P. 36.
[7] Cochet F., Porte R. Histoire de l’armée française 1914-1918. Paris, 2017. P. 7.

антибольшевистской политики, вписывала их в контекст межсоюзнической интервенции. В свою очередь, рост интереса к вопросам взаимодействия стран Антанты, в частности, России и Франции, как и появление более объективных исследований, произошли сравнительно недавно: в последние два десятилетия. Отсутствие должной проработки данной проблематики привело к тому, что французская военная миссия (равно как и работавшие в России дипломаты и гражданские служащие Третьей республики) оказалась полностью исключены из пространства исторической памяти о войне и Революции в массовом сознании[8].

Таким образом, актуальность темы диссертационного исследования обусловлена необходимостью преодолеть отсутствие понимания действительной роли французской военной миссии в России в годы войны и Революции 1917-1918 гг. При этом необходимость актуализации данной темы не исчерпывается переосмыслением революционных событий в России. В отечественной науке просматривается недостаточный исследовательский интерес к одному из выдающихся феноменов XX века - левому движению, как отечественному и международному. Между тем, левая идея может рассматриваться в качестве серьёзного фактора взаимодействия, как вносившего раскол в ряды официальных представителей Третьей республики, так и служившего потенциальной платформой для налаживания, силами неофициальных агентов Антанты, отношений между Советской Россией и союзниками в 1917-1918 гг.

В качестве **объекта исследования** выступает французская военная миссия в России в годы Первой мировой войны. **Предметом исследования** является эволюция французского военного представительства в России в условиях коалиционной войны.

[8] В современных литературных и кинематографических образах, посвящённых Революции 1917 г., акцент делается, как правило, на англичанах – персонажах т.н. «дела Локкарта» (кинофильмы: «Вихри враждебные», «Заговор послов»), история союзных миссий на Севере России также популяризирована на примере деятельности англичан и американцев (роман В. Пикуля «Из тупика»). В свою очередь, современный многосерийный фильм «Гибель империи» (реж. В. Хотиненко) пытается реконструировать российские события лета 1918 г. на Украине и в Петрограде, в которых принимали активнейшее участие сотрудники французских разведслужб, отсутствующие на экране.

Степень изученности проблемы. Несмотря на то, что французская миссия была наиболее значительным по численности и влиянию представителем Антанты на территории России, её деятельность стала объектом пристального внимания историков лишь в последние два десятилетия. Можно сказать, что историографии вопроса, как таковой, пока не сложилось. В связи с данным обстоятельством, французская миссия, если и упоминается, то, как правило, в контексте того или иного исследования. Поэтому представляется целесообразным разбить историографию на две части: первая посвящена проблемам функционирования французской военной миссии в годы Первой мировой войны и межсоюзническому взаимодействию России и Франции, вторая затрагивает проблемы деятельности миссии в годы Революции и Гражданской войны, включая иностранную интервенцию. При этом историографическая традиция, разрабатывавшая вопросы антисоветской деятельности миссии более обширна, но тематически и концептуально, скорее, бедна, так как длительное время советскими специалистами по франко-русским отношениям первой половины XX века рассматривался крайне ограниченный круг сюжетов, связанных с деятельностью Миссии в 1917-1918 гг.: «заговор Локкарта», участие в диверсионных операциях, интервенция, поддержка белых армий. Ко всему прочему описываемая картина была слабо детализированной.

В первом случае, из наиболее значительных публикаций следует выделить монографические исследования и статьи А.Ю. Павлова[9]. Акцент в этих работах приходится на проблемы франко-русского взаимодействия на уровне верховных главнокомандующих, автор глубоко рассматривает проблемы коалиционной стратегии Антанты и обращается к сюжету о французской военной миссии как инструменту диалога в верхах. Сюжеты, связанные с военно-техническим

[9] Павлов А.Ю. Французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны // Великая война 1914-1918. Вып.3. М., 2013. С. 33-41; Он же. Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны 1914-1917. СПб., 2004; Он же. Стратегическое взаимодействие России и Франции // Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 1. Россия в стратегии Антанты. СПб., 2014. С. 9–114; Он же. Заграничные поставки артиллерии для русской армии // Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны. СПб., 2017. С. 294-360.

сотрудничеством России и Франции представлены в работах А.В. Бодрова[10]: автор уделяет внимание французской военной миссии в Архангельске, работе артиллерийской миссии Пио, союзническим поставкам вооружений. Важно отметить также публикации представительниц уральской школы франковедения О.С. Даниловой, Т.В. Краевой, Л.В. Слуцкой[11], посвящённые деятельности французской военной миссии и состоявшим в ней левым интеллектуалам, а также представителям французского левого движения, принявшим живое участие в событиях 1917-1918 гг. в России. Продолжая тему участия левых интеллектуалов Третьей республики в идеологическом становлении ранней Советской республики, взглядах французских политиков на происходящие в России события, следует также обратиться к работам А.А. Вершинина[12].

В качестве новейших исследований, посвящённых периоду 1917-1918 гг. можно привести публикации А. А. Здановича[13], С. С. Поповой[14], Н.Е. Быстровой[15]. Благодаря этим авторам, на историческую сцену вышли ранее неизвестные лица французской военной миссии (например, такие, как капитан Пьер Лоран), а исторические сюжеты обогатились новыми зарубежными и

[10] Бодров А.В. Формирование системы военно-технического сотрудничества России и Франции в 1915 г. // Великая война 1914-1918. Вып.3. М., 2013. С. 42-28; Он же. Доставка военных грузов через порты Севера России // Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны. СПб., 2017. С. 431-476.

[11] Данилова О.С., Краева Т.В. Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания ее сотрудников о пребывании на Урале // Вестник Уральского отделения РАН. Наука, человек, общество. 2011. № 1. С. 87–98; Данилова О.С. Военная интервенция союзников в Сибири: библиографический обзор франкоязычной литературы // Десятые Татищевские чтения : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20-21 ноября 2013 года). Екатеринбург, 2013. С. 217-221; Она же. Воспоминания французского капеллана о Сибири (1918–1919) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11); Краева Т.В. Французские левые в русской революции: 1917-1921 гг. // ФЕ 2009. М., 2009. С. 193-195; Слуцкая Л. В. Французы на службе интересов Советской России: политический аспект сотрудничества // Вышэйшая школа. 2011. № 4. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/13080

[12] Вершинин А.А. Революция 1917 года в России глазами французских политиков // Новая и новейшая история. 2017. №5. С. 126-148; Он же. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919-1923): к истокам французского коммунистического движения. М., 2012; Он же. Марсель Кашен: политическая эволюция социалиста (1914-1920) // Новая и новейшая история. 2009. №1. С. 183-199.

[13] Зданович А.А. Деятельность иностранных разведок в России во время Первой мировой войны // Клио. 2016. №1. С. 167-173; Он же. Тема «Заговор Локкарта» в исторической литературе: нерешенные вопросы и воспроизведение мифов // Клио. 2017. № 8. С. 73-91; Он же. Польский крест советской контрразведки. М., 2017.

[14] Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010.

[15] Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 - начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М., СПб., 2016.

отечественными источниками, были пересмотрены некоторые устоявшиеся в советской историографии представления о деятельности Антанты в 1917-1918 гг.

Советская историографическая традиция не выделяла французскую военную миссию в качестве особого инструмента регулирования отношений внутри воюющей коалиции. Более того, сюжеты, связанные со взаимодействием России и Франции в годы Первой мировой войны, как правило, оказывались за рамками исследовательского фокуса, основной акцент делался на антисоветской активности сотрудников Миссии: в центре внимания были сюжеты, связанные с борьбой на Севере России, поддержкой французами усилий А. Колчака, деятельностью Б. Савинкова, выступлением чехословацкого армейского корпуса. Однако, отдельные сюжеты, затрагивающие конструктивную деятельность французской миссии, например, ее согласие участвовать в процессе реорганизации Красной армии, были упомянуты еще М. Левидовым[16].

В рамках советской историографической традиции стоит особо выделить монографию В. Васюкова «Предыстория интервенции. Февраль 1917 – Март 1918» [17] . Несмотря на то, что работа содержит некоторые существенные неточности в описании структуры Миссии, и в распоряжении автора не было оригинальных французских документов, он смог опереться на современные ему достижения французской историографии (например, работы Жана Дельма) и представить читателю неизвестные до этого времени персоналии Миссии, а также более детально осветить её антисоветские инициативы.

Зарубежная историческая наука также не породила комплексного исследования по истории французской военной миссии в России и представлена статьями. Историки рассматривают либо отдельные аспекты деятельности Миссии, либо обращаются к более общей проблематике межсоюзнического взаимодействия. Рассматривая зарубежную историографическую традицию

[16] Левидов М.Ю. К вопросу о союзнической интервенции. Т.1. Л., 1925.
[17] Васюков В.С. Предыстория интервенции. Февраль 1917 – Март 1918. М., 1968.

нельзя пройти мимо работ Жана Дельма, посвятившего деятельности французской военной миссии и политике верховного командования Франции диссертационное исследование [18] и ряд публикаций [19], Жана-Ноэля Грандома, фактически поставившего точку в вопросах франко-румынского и франко-русского взаимодействия на Юге России[20], канадского историка Майкла Карлея[21], разрабатывавшего проблематику, связанную с союзнической интервенций и деятельностью французского финансового капитала в России в начале XX века. Вклад в изучение вопросов, связанных с франко-русским взаимодействием, внес американский исследователь Джозеф Брэдли, посвятивший ряд публикаций чехословацкому выступлению и проблемам межсоюзнического взаимодействия в 1917-1918 гг. на материалах французских архивов [22]. В настоящее время проблематику, связанную с деятельностью военных атташе Франции в России в период с 1916 по 1920 год, разрабатывает молодой исследователь Артур Бенето. В своей статье «Служить интересам Франции...» он пытается вывести обобщенный портрет французского военного атташе в России, выделяя два типа такового - «атташе-дипломата» и «атташе-командира», обозначает круг их обязанностей и порядок информирования вышестоящего командования, а также рассматривает военных атташе как носителей «мнения о России», выделяя некоторые особенности восприятия ими страны-союзника[23].

[18] Delmas J. L'état-major français et le front oriental après la révolution bolchevique. T. 1-2. Thèse de 3e cycle, sous la direction du doyen Pierre Renouvin. Paris, 1965.
[19] Напр.: Delmas J. La paix de Brest-Litovsk et le maintien en Russie de la mission militaire française // Aux vents des puissances. Paris, 2009.
[20] Grandhomme J.-N. Le Général Berthelot et l'action de la France en Roumanie et en Russie méridionale (1916-1918). Paris, 2000.
[21] Carley M.J. From Revolution to Dissolution: The Quai d'Orsay, the Banque Russo-Asiatique, and the Chinese Eastern Railway, 1917-1926 // The International History Review. 1990. № 4. P. 721-761; Он же. The Origins of the French Intervention in the Russian Civil War, January-May 1918: A Reappraisal // The Journal of Modern History. 1976. №3. P. 413-439.
[22] Bradley J.F.N. The Czechoslovak Revolt against the Bolsheviks // Soviet Studies. 1963. №2. P. 124-151; Он же. La Légion Tchécoslovaque en Russie 1914-1920. Paris, 1965; Он же. The allies and Russia in the light of French archives (7 November 1917 - 15 March 1918) // Soviet Studies. 1964. №2. P. 166-185.
[23] Beneteau A. Servir les intérêts français en plein chaos révolutionnaire. Étude des attachés militaires en Russie, 1916-1920 // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2018. №47. P. 61-72.

Цель диссертационного исследования – определить причины, этапы и результаты становления и трансформации французской военной миссии в России в годы Первой мировой войны и Революции, её деятельности по реализации коалиционного взаимодействия между Западным и Русским фронтами и поддержанию военных усилий Российской Империи.

Для достижения цели поставлен ряд **задач:**

– рассмотреть структуру, принципы функционирования и деятельность французской военной миссии на протяжении Первой мировой войны;

– исследовать механизмы взаимодействия французской военной миссии с российскими органами власти;

– определить роль и значение технических миссий Франции в России (миссия Пио, миссия Оливари, миссия Пенсмена, и др.), подчинявшихся военному атташе миссии;

– выявить этапы работы французской миссии и определить, чем они обусловлены;

– установить роль и значение французской военной миссии в сохранении боеспособности русского фронта.

Источниковая база исследования обширна и разнообразна. Ее основу составляет делопроизводственная документация: рапорты, отчёты, донесения, послужные списки, информационные, оперативные, аналитические материалы представителей французской военной миссии в России, выявленная в фондах Исторической службы Министерства обороны Франции (Service historique de la Defense). Данная группа источников наиболее целостно и объективно отражает практически все аспекты функционирования миссии: от рефлексии её сотрудников относительно эффективности работы военного представительства и фиксации наблюдений о происходящих в России событиях политического и военного порядка до постановлений об организационной трансформации структур Третьей республики, директив верховного командования Франции и

министерств, определяющих действия миссии по отношению к русскому политическому и военному руководству, сведений о структуре численности миссии. В работе над диссертационным исследованием были задействованы фонды Кабинета министров (5N), личный фонд Жоржа Клемансо (6N), фонды 2 Бюро Генерального штаба Франции и документы фонда военного атташе в России (7N), а также т.н. «московские фонды» архива, репатриированные из России (ЦГАОР СССР) в 1993-1994 гг.[24], из числа этих документов автором привлекались бумаги Второго бюро Генерального штаба Франции (7NN). Автор исследования обращался к материалам отечественных архивов, представленных, как правило, делопроизводственной документацией следующих структур: Главного управления артиллерии (РГВИА), ВЧК, в частности, следственные дела и протоколы судебных заседаний по лицам, сотрудничавшим с французской контрразведкой (ГАРФ), а также личные документы и переписка Ф.Э. Дзержинского (РГАСПИ).

Важную группу источников составляют документы дипломатических служб и служебная переписка, хранящаяся в архиве Министерства иностранных дел Франции, позволяющая в динамике отслеживать реакции дипломатических и военных представителей на происходящие события, служебные перемещения, выявлять ситуации напряжённости в отношениях.

В диссертационном исследовании также задействованы материалы частной переписки и делопроизводственная документация Школы Восточных языков (г. Париж), представленная в фондах Национального архива Франции, сумевшей деятельно вмешаться в события Революции и Гражданской войны в России.

Следует отметить такую особенность, как неравномерное распределение документов в структуре диссертационного исследования: меньший их объем освещает события 1914-1915 гг., это объясняется тем, что в этот период миссия

[24] Подробнее см.: Heiser S., Texier N. Archives militaires : mode d’emploi. Guide du lecteur dans les fonds du Service Historique de la Défense. Paris, 2013. P. 27.

действовала в рамках довоенных служебных практик. Процессы реорганизации миссии, увеличение её персонала и расширение её функций объясняют резкое увеличение делопроизводственной документации, что отразилось на более внушительном насыщении материалом двух оставшихся глав диссертационного исследования, посвящённых событиям 1916-1918 гг.

Весьма ценными для понимания исторической действительности являются источники личного происхождения. Особого внимания заслуживают дневники сотрудника службы пропаганды Пьера Паскаля [25], представившие множество ценных сведений о сотрудниках французской миссии, воспоминания главы шифровальной службы Анри Оливари[26], оставившие глубоко детализированную картину состояния радиоразведки и криптографии в русской армии, также усилий миссии по внедрению новых технологий в этой области, и, конечно, мемуары главы французской военной миссии Мориса Жанена [27] (апрель 1916 – ноябрь 1917), отразившие политические и военные перемены в жизни Российской Империи на сломе эпохи. Автором привлекались воспоминания и других военачальников, дипломатов, гражданских служащих[28].

Методология исследования. В виду отсутствия комплексных исследований по заданной проблематике, автор, прежде всего, прибегает к нарративному методу и методу периодизации, с целью создания целостного описания структуры, принципов функционирования и деятельности французской военной миссии в России и выделения в ней этапов развития. Более разностороннее изучение проблемы позволяет осуществить системный метод, определяющий систему как совокупность взаимосвязанных элементов: сюжет о французской военной миссии рассматривается в широком контексте,

[25] Паскаль П. Русский дневник: во французской военной миссии (1916-1918). Екатеринбург, 2014.
[26] Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie (1916). Paris, 2008.
[27] Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917). Paris, 2015.
[28] Пуанкаре Р. На службе Франции 1914-1915: воспоминания. Мемуары. М., Минск, 2002; Он же. На службе Франции 1915-1916: воспоминания. Мемуары. М., Минск, 2002; Verstraete M. Mes Cahiers Russes. Paris, 1920; Body M. Un piano en bouleau de Carelie. Mes annees de Russie 1917-1927. Paris, 1981; Mémoires du maréchal Joffre, 1910-1917. T. 2. Paris, 1932; Sinanoglou I. Journal de Russie d'Albert Thomas (22 avril - 19 juin 1917) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. №1-2. P. 86-204.

включающем в себя деятельность дипломатического представительства Франции в России, неофициальных агентов[29] Третьей республики и гражданских лиц, представляющих французскую колонию в России. Это позволяет увидеть Миссию как единую, целостную и не изолированную от общества систему, в которой «внекорпоративные» связи играли значительную роль, что ярко прослеживается в деятельности Миссии в годы Революции и начале Гражданской войны. Автор стремился проследить деятельность миссии в изменяющихся политических обстоятельствах, выявить изменение структуры Миссии, целей её пребывания и деятельности в зависимости от вызовов, которые ставила Великая война, а также, прибегая к такому методологическому направлению как историческая имагология, проанализировать перемены в восприятии французами русских на протяжении Первой мировой войны. Нам близка точка зрения социолога И. Кона, подчёркивавшего, что национальное самосознание предполагает «осознанное или неосознанное соотнесение собственных качеств с качествами кого-то другого»[30]: в исследовании автор уделяет внимание анализу культурных стереотипов французов, связанных с принципами реализации стратегического и профессионального взаимодействия, трансляцией собственного исторического опыта.

Научная новизна обусловлена с одной стороны, отсутствием комплексного исследования по данной проблематике, с другой – стремлением переосмыслить ряд существующих в современной историографии положений о структуре и значении французской военной миссии, а также тем, что деятельность французской военной миссии в России впервые реконструируется на основе обширного массива ранее неопубликованных материалов архивов Французской республики.

[29] Под неофициальными агентами понимаются граждане Франции, проживающие на территории России или командированные в Россию французскими структурами, но не имеющие полномочий на официальном уровне представлять Францию.
[30] Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. М., 2011. С. 254.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть положены в основу развития темы деятельности союзнических миссий в России в годы Первой мировой войны (американской, английской, итальянской, и др.), вопросов, связанных с коалиционным взаимодействием внутри Антанты в годы войны и франко-русской политики памяти. Выводы, сделанные в рамках диссертационного исследования, могут стать основой для написания методических пособий по тематике Первой мировой войны, а также лечь в программу лекционных курсов по всеобщей и отечественной истории.

Степень достоверности результатов проведенного исследования определяется репрезентативностью источниковой базы, обращением к значительному комплексу архивных источников Франции и России, позволяющим подробно реконструировать деятельность французской военной миссии в России.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации представлены в научных публикациях автора. Всего по теме исследования опубликовано 10 статей общим объемом 6,2 п.л., в том числе - 3 статьи - в журналах перечня ВАК и 1 статья - в журнале, рецензируемом международной системой SCOPUS. Помимо этого, отдельные вопросы исследования были представлены автором в докладах на 3 конференциях: регионального, всероссийского и международного уровня.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В ходе Первой мировой войны французское военное представительство, ограничивавшееся фигурой военного атташе при посольстве, претерпело существенные изменения. Если до начала войны военный атташе был лишь советником дипломатического представителя по военным вопросам и даже не имел собственных каналов связи, то к концу 1914 года необходимость интенсификации обмена информацией между союзниками привела к пониманию

неприемлемости прежних схем взаимодействия и необходимости их трансформации.

2. В 1916 году миссия сумела превратиться в мощный, выстроенный в духе единоначалия, инструмент военно-технической помощи союзнику, координировавший работу в России широкого круга специалистов в области радиоразведки и криптографии, снарядного производства, авиационной техники, железнодорожного транспорта и военной логистики. В определённой мере это способствовало стабилизации положения Российской Империи на фронтах.

3. В ходе своей деятельности французская военная миссия стремилась выйти за пределы своей «корпорации» и в интересах повышения собственной эффективности работала с обширным кругом дипломатов и гражданских лиц: интеллектуалов, промышленников, финансистов, политиков, и т.д., привлекаемых как из Парижа, так и из французской колонии в России. В свою очередь, их участие вызывало к жизни новые практики взаимодействия в сфере помощи союзнику.

4. К 1917 году в Российском Империи существовала многочисленная и крепко спаянная французская колония, объединившаяся вокруг военной миссии. Осознав невозможность продолжения Россией войны, после падения монархии и провального наступления Керенского летом 1917 года, в интересах Третьей республики, французская миссия сумела перейти на позиции политического вмешательства во внутреннюю политику России. Это выразилось, в первую очередь, в «реанимации» Восточного фронта за счёт национальных контингентов и русских подразделений, сохранивших верность Антанте, а затем, в ходе идеологического сращивания немецкой и большевистской угрозы, - в расширении антибольшевистской деятельности по ряду направлений.

5. На примере донесений и отчётов сотрудников французской военной миссии, а также лиц, выполнявших задания по их приказу, можно выявить круг причин, приведших представителей Антанты к неудаче в борьбе с Советской

республикой. Как правило, это клишированное мышление по отношению к «восточному союзнику», преувеличение значимости собственного политического опыта вкупе с ограниченными возможностями военного вмешательства.

ГЛАВА 1. ОКТЯБРЬ 1914 – ДЕКАБРЬ 1915: «ПОДДЕРЖАТЬ РУССКИЙ КОЛОСС»

§ 1.1. Осознание неэффективности довоенной системы военного представительства в России

В начале Первой мировой войны французское военное представительство в странах-союзниках продолжало функционировать в рамках дипломатической традиции мирного времени: взаимодействие стран Согласия осуществлялось через аппарат военных атташе при посольствах Франции, в своей деятельности руководствовавшихся инструкцией Министерства иностранных дел от 21 февраля 1903 года, согласно которой они являлись не полномочными военными представителями, но помощниками главы дипломатической миссии в стране пребывания, исполнявшими его указания. Их личная работа направлялась и контролировалась военным (или морским) министром [31] , а задачи концентрировались в основном на сборе информации о военном потенциале страны пребывания: этой работой они дополняли усилия 2 бюро Генерального Штаба Франции. Кроме этого взаимодействие русской Ставки и верховных командований союзных армий осуществлялось по дипломатическим каналам МИД.

Однако в конфликте нового типа традиционный формат военного и дипломатического представительства вскоре проявил свою недостаточность. Впервые это стало очевидным в Сербии, которая запросила у Франции помощи в борьбе с австро-венгерскими мониторами, угрожавшими Белграду. Ответом стала отправка в Сербию 25 октября 1914 года отряда артиллеристов, получивших название «Mission D»[32]. Можно сказать, что с этого момента начинается процесс

[31] Forcade O. La République Secrète. Histoire des services spéciaux français de 1918 à 1939. Paris, 2008. P. 66-67.
[32] Extraits du rapport du 30 octobre 1915 du Capitaine de Frégate PICOT, commandant la mission D // Delannoy G. Guerre 1914-1918. Citations a l'ordre de l'armee des formations et batiments de la marine française. P. 163

формирования специфики французских военных миссий, как инструмента предоставления союзникам недостающих им технических средств борьбы.

Хотя Россия и Сербия, разумеется, были несопоставимы, масштабы войны, оказавшиеся неожиданными для всех воюющих сторон, предъявляли качественно новые требования и к уровню франко-русского сотрудничества.

В 1914 году в качестве французского военного представителя в России находился военный атташе Франции, дивизионный генерал маркиз Пьер де Лагиш со своим помощником, майором Верленом[33]. Господствовавшее представление о краткосрочности начавшейся войны первоначально не предполагало необходимости какой-то специальной реорганизации военного представительства в странах-союзниках. Но ход и результаты кампании 1914 года поставили воюющие стороны перед перспективой затяжной войны. Французы считали (во многом обоснованно), что они вместе с англичанами, напрягая все силы, сдержали натиск главных сил немцев. Почему же русские все ещё не в Берлине? Обратимся к записям президента Третьей республики Раймона Пуанкаре от 18-19 октября 1914 года: *«… С каждым днём все более очевидно, что война затянется и что нашими зимними квартирами будут обледенелые и грязные окопы»; «…Ещё раз, где же тот разрушительный каток, о котором писала оптимистичная пресса?»*[34]. Французское руководство получало сведения о делах русского фронта по традиционным дипломатическим каналам – то есть в виде телеграмм посла в России, для которых военный атташе предоставлял информацию военного характера. При этом следует учитывать, что в распоряжении военного атташе практически отсутствовал исполнительный аппарат. Таким образом, французский военный представитель передавал своему военно-политическому руководству через посла сведения, которые получал от русских союзников, главным образом из центральных органов военного

[33] Павлов А.Ю. Французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. С. 33.
[34] Пуанкаре Р. На службе Франции. 1914-1915. С. 307.

управления – Ставки, Генштаба, Военного министерства, методом периодических рабочих встреч. Другим каналом связи с союзником был аналогичный аппарат русского военно-дипломатического представительства в столице Франции. В таких обстоятельствах проблема нехватки информации о положении на русском фронте обозначилась уже осенью 1914 года. *«Великий князь желает знать, намерен ли генерал Жоффр вскоре продолжать продвижение вперёд. Как видно, он не подозревает о тех трудностях, на которое мы наталкиваемся, да и мы сами, возможно, не представляем себе тех трудностей, которые останавливают его»* [35]; *«Каким образом русская армия со своим численным превосходством оказывается столь бессильной? Как это Великий князь Николай Николаевич может думать о том, чтобы ограничиться обороной?»* [36]. Сложившаяся до войны схема связи не позволяла французскому руководству своевременно получать исчерпывающие ответы на эти вопросы, её недостатки также отмечал Морис Палеолог: *«Я ссылаюсь на трудности телеграфного обмена между GQG[37] и Петербургом <…> Я не компетентен определять, как нашему Генеральному Штабу должно получать информацию о вооруженных силах союзников. Но кажется разумным сконцентрировать всю нашу военно-информационную службу в руках генерала, ежедневно находящегося рядом с Великим Князем»*[38].

Необходимость повышения эффективности коалиционного сотрудничества требовала иного уровня доверия между Генеральными Штабами Франции и России и оперативного обмена значимой информацией. Кроме того, помимо вышеописанных организационно-технических проблем встал вопрос о соответствии военного атташе новому кругу задач, продиктованному изменившейся обстановкой. По выражению секретаря министерства иностранных дел, Абеля Ферри, военный атташе генерал де Лагиш был «салонным офицером»,

[35] Пуанкаре Р. На службе Франции 1914-1915. С. 383.
[36] Там же. С. 385.
[37] GQG (Grand Quartier General) – Французская главная квартира
[38] Service historique de la Défense, Terre (SHD/T), 5 N 74. Télégramme, Petrograde, 1er décembre 1914 (Paléologue).

чьи донесения не отличались чёткостью и ясностью [39]. Чтобы исправить положение в феврале 1915 года в Петроград был направлен другой дивизионный генерал – Поль По. Формально он исполнял политическую миссию по награждению отличившихся русских военнослужащих французскими наградами [40], в то же время перед ним ставилась задача «сбора сведений и документов» «для уточнения материального и морального состояния войск». Данная поездка предпринималась также в контексте начавшейся Дарданелльской операции[41]. В августе 1915 из Парижа в Петербург по приказу Жоффра отбыл генерал д'Амад, с целью сбора информации о военном положении России [42], однако состояние здоровья не позволило очередному французскому генералу надолго задержаться. Впоследствии, в декабре того же года в должность главы французской военной миссии в России вступил Поль По [43]. Скорее всего, это назначение не внушало ему оптимизма, после февральской поездки в Россию, он сетовал Пуанкаре, что *«вряд ли получит в ставке намного больше сведений, чем это удавалось де Лагишу»*: *«русские словно воды в рот набрали»*[44]. Де Лагиш остался работать в качестве помощника генерала По, однако это приносило ему определённое огорчение: в декабре 1915 года Пуанкаре писал: *«…генерал де Лагиш, все же, как видно, обижен тем, что поставлен в подчинение ему [Полю По – прим. Ю.Г.]. Он просит освободить его от его обязанностей»*[45].

Тем не менее объяснять назначение генерала По только лишь «нечеткими донесениями» де Лагиша, равно как и его неуместной «салонностью», было бы некорректно. Де Лагиш действовал в русле старых порядков: по источникам может сложиться впечатление о его безынициативности, но вряд ли бездействие было его намерением. Так он понимал свой долг: быть военным помощником

[39] Павлов А.Ю. Французские военные миссии в России в период Первой мировой войны. С. 34.
[40] Пуанкаре Р. На службе Франции. 1914-1915. С. 451.
[41] SHD/T, 7 N 1548. Extraits du rapport établi par le Général Pau, à la suite de sa mission (février-avril 1915) en Russie et dans les pays Balkaniques. Помимо России Поль По посетил также Италию, Сербию и Румынию.
[42] Пуанкаре Р. На службе Франции 1915-1916. С. 41.
[43] Mémoires du maréchal Joffre.T. 2. P. 177.
[44] Пуанкаре Р. На службе Франции 1915-1916. С. 220.
[45] Там же. С. 270.

дипломатического представителя. Де Лагиш, безупречно владевший русским языком, был достойным продолжателем дела своих предшественников: Элизабет Гринэлг обращает внимание на то, что, вступив в должность атташе в 1912 году, он направлял в Париж обстоятельные донесения о состоянии русской авиации и железных дорог[46]. На наш взгляд, основной причиной ухода де Лагиша на второй план была не только его неспособность полностью перестроить своё мышление сообразно нуждам войны нового типа, но и отсутствие с его стороны готовности деятельно улучшать ситуацию. Дополнительным аргументом в пользу отзыва де Лагиша, вероятно послужила преследовавшая его негативная репутация германофила, что отметил в своих дневниках Морис Жанен[47].

В данной обстановке требовался военачальник, чья репутация в глазах русской Ставки не подлежала бы сомнению и с кем русские, возможно, были бы более откровенны. Первоначально Жоффр полагал, что фигура генерала По идеальна для поста главы французского представительства в России: *«Что касается генерала По, можно было надеяться, что престиж, окружавший эту фигуру прекрасного солдата, будет полезным для укрепления связей между двумя штабами»*[48]. Тем не менее, оказалось, что французский главнокомандующий переоценил этот «престиж» и взаимодействие французского командования с русским осложнилось неприятием личности генерала По в Ставке[49]. Таким образом, сложилась ситуация, при которой один генерал вызывал недовольство Парижа (де Лагиш), а второй вызывал неприятие Петербурга (По). При всем этом полномочия двух представителей Третьей республики при Ставке не были чётко разграничены, что влияло на эффективность миссии двух генералов[50] и создавало предпосылку для её будущей трансформации.

[46] Greenhalgh E. The French army and the First World War. Cambridge, 2014. P. 23.
[47] Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917). P. 34.
[48] Mémoires du maréchal Joffre.T.2. P.178
[49] Ibid.
[50] Павлов А.Ю. Французские военные миссии в России в период Первой мировой войны. С. 35.

В историографии Первой мировой войны поиски формата коалиционного взаимодействия, отвечающего вызовам времени, наиболее исследованы на примере англо-французского сотрудничества [51] . Английский опыт продемонстрировал, что одним из способов преодоления трений в лагере союзников является деятельность офицера связи в военном и дипломатическом поле. Историк Элизабет Гринэлг определяет офицера связи как «глаза, уши и рот своего командования», который обязан поддерживать контакты и вести переговоры в разных сферах военной иерархии, в целях обеспечения взаимопонимания и достижения единства целей и действий. Это особенно актуально в условиях, когда стороны принадлежат к разным языковым и культурным традициям, что усиливает риск возникновения конфликтов[52].

В конце декабря 1914 года[53] по инициативе Жозефа Жоффра в качестве офицера связи в Россию был командирован бывший глава Русской секции Генштаба Франции майор Жак Габриэль Ланглуа. В общей сложности он совершил восемь визитов в Россию (с января 1915 г. по февраль 1917 г.). Каждая поездка сопровождалась детальным рапортом, содержащим аналитические сведения по самому разному кругу вопросов: общественное мнение в России, настроения в Правительстве и царской семье, отношение русских к французам (и шире – к союзникам по Антанте), материальное и моральное состояние русской армии. В первых рапортах майор Ланглуа концентрировал внимание на недостатках организации службы офицера связи, настаивая на пересмотре некоторых её оснований. Главным образом, предполагалось принять меры по усилению безопасности и секретности миссии офицера связи, а также повышению степени его осведомлённости о планах Генерального Штаба и руководства Франции[54].

[51] Greenhalhg E. Victory through coalition. Britain and France during the First World War. Cambridge, 2014.
[52] Ibid. P. 75.
[53] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa Mission en Russie (5 Février 1915).
[54] Ibid. Rapport du Commandant Langlois sur sa Mission en Russie (5 Février 1915), Rapport du Commandant Langlois sur sa Seconde Mission en Russie (10 Avril 1915)

Одним из тревожных симптомов Ланглуа считал засилье пренебрежительного отношения к возможностям и действиям французской армии: эта оценка относилась, прежде всего, к государственным деятелям и представителям торгово-промышленных кругов. Эта обеспокоенность прослеживается практически в каждом его донесении. Французский офицер обвинял военного министра Сухомлинова, министра внутренних дел Маклакова в том, что они считают действия французской армии «мягкотелыми», хотя в целом, констатировал восхищенное отношение к Франции со стороны большинства представителей русского военного руководства[55].

Общественное мнение, по убеждению Ланглуа, страдало от скудости информации о боевых действиях на Западном фронте и потому являлось носителем нелестных оценок о роли союзников, в чем была повинна и русская пресса, уделявшая мало внимания боевым действиям на Западе. Единственным источником сведений для русского читателя были «краткие и малоинтересные» французские коммюнике[56]. Эту проблему подчёркивал и военный агент А. Игнатьев, отмечавший, что эти официальные коммюнике «славились» не только краткостью, но *«подчас совершенно не соответствовали истинному положению вещей»*[57]. Аналогичная ситуация, связанная с недостоверным информированием французского общественного мнения о событиях в России, наблюдалась и в западных изданиях[58]. Эта проблема актуализировалась в условиях появления массового субъекта, проявившего себя в военное время в виде массовых армий, в связи с чем возникла необходимость создания инструментов морально-психологического влияния на воинские контингенты, а также на мирное население, жившее слухами в условиях «информационного голода». Так, в годы Первой мировой войны пропаганда приобретает особое значение как инструмент формирования положительного образа союзника (и негативного – врага) и

[55] Ibid. Rapport du Commandant Langlois sur sa Mission en Russie (5 Février 1915).
[56] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa Mission en Russie (5 Février 1915).
[57] Алексеев М. Военная разведка России. Кн.3. Ч.1. М., 2001. С. 113-114.
[58] Там же. С. 114.

манипулирования общественным мнением. Ланглуа отмечал: *«русские, по сути, ксенофобы, преувеличивающие значение своего оперативного театра, испытывают безразличие к союзнику, и в условиях дефицита французской прессы подвержены германской контрпропаганде»*[59].

Проблема взаимодействия Франции и России в этом аспекте заключалась в недопонимании друг друга, вызванном недостаточной оценкой военных усилий обеих сторон, вызванной спецификой театров военных действий. Это заставляло представителей французской миссии прилагать усилия по «разъяснению» настоящей роли Франции в войне, своевременно и точно информировать население России о ситуации на Западном фронте в прессе[60].

Попытка усилить французские позиции в отечественной прессе, согласно пожеланиям Ланглуа, осуществлялась, в основном путём увеличения количества поступающих в адрес французского военного атташе журналов, газет и коммюнике, предназначенных для воспроизведения в русских изданиях. Тем не менее, подобные меры не приводили к желаемому результату[61]. Возрастающая роль и значение печати соответствовали духу эпохи: понимание того, что война не будет краткосрочной, актуализировало связи руководства ряда европейских стран с местными средствами массовой информации. Например, председатель Совета министров Аристид Бриан обеспечил себе поддержку Жана Дюпюи, главного редактора популярной газеты «Пти Паризьен» с целью организации пропаганды и включения крупного игрока мира прессы в общую систему управления информационными потоками[62]. Владельцы французских газет были весьма влиятельными людьми, так как пресса Третьей республики была тесно сомкнута с политическими кругами. По всей видимости, ориентируясь на её политическое значение и роль в обществе Франции, в мае 1915 года посол Морис Палеолог докладывал о проекте создания «Journal de Russie», ежедневной газеты,

[59] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa Mission en Russie (5 Février 1915).
[60] Ibid.
[61] Ibid.
[62] Delporte C. Journalistes et correspondants de guerre // Encyclopedie de la Grande Guerre. Paris, 2013. P. 679.

предназначенной, главным образом для высшего общества России, промышленников и коммерсантов. Её директором должен был стать Борис Суварин при полностью французском правлении. Основные темы издания: политика, экономика, коммерция, финансы, культура, светские новости[63].

Желание поставить и российскую прессу на службу Франции чувствуется в рапортах Жака Ланглуа: *«Англичане сумели использовать прессу лучше нас»*; «*Их чрезмерные коммюнике, преувеличенные рассказы «от лица очевидца», газетная реклама английских усилий и существенной важности войск, введённых в бой на Западном фронте, заставляют русских верить, что британские войска оказывают нам колоссальную помощь, а ответственность за неподвижность нашего фронта лежит только на нас»* - продолжает офицер связи[64]. Ланглуа, впрочем, преувеличивал эффективность пропаганды Альбиона, антианглийские настроения в России были широко распространены после эйфории 1914 года[65]. Подобное отношение к английским усилиям были вызваны не только «дипломатической ревностью», но и предвкушением будущего. Ланглуа замечал, что после войны Россия будет вынуждена импортировать товары первой необходимости и крайне нежелательно, чтобы она, «неверно оценив Францию сейчас», предпочла английские марки французским, *«было бы нежелательно, чтобы после войны Англия могла занять место, которое по праву принадлежит нам»*[66].

Поскольку общественное мнение в России в годы Первой мировой войны характеризовалось чередованием эйфории и кризисов доверия между союзниками[67], представляется вероятным, что проявления кризисных состояний провоцировали две главные причины: слом стратегической схемы войны и

[63] Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (AMAE), Serie «Guerre 1914-1918» (SG), dossier 641. Telegramme, Petrograd, le 30 Mai (Paléologue).
[64] SHD/T, 7 N 1545. Rapport du Commandant Langlois sur sa Troisième Mission en Russie (20 Juin 1915).
[65] Поршнева О.С. Союзники глазами русского общества в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Общество и война: материалы докладов международного научного семинара. Екатеринбург, 26 ноября 2009 г. Екатеринбург, 2010. С. 17-37.
[66] SHD/T, 7 N 1545. Rapport du Commandant Langlois sur sa Troisième Mission en Russie (20 Juin 1915).
[67] Поршнева О.С. Союзники глазами русского общества…

нестабильное состояние Российской Империи, остро нуждавшейся в помощи союзников – неудачи на фронте требовали объяснения, и, как следствие, поиска «козлов отпущения», одним из которых можно было представить Францию. В связи с этим, сотрудника управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, полковника Скалона, например, подозревали в намеренно тенденциозной оценке сведений о дислокации немецких боевых соединений: *«ему недоставало критического духа, чтобы определить реальную ценность сведений»*, вследствие чего, большая часть немецких соединений «оказывалась» на русском фронте вместо французского – это создавало впечатление бездеятельности Третьей республики на фронтах Первой мировой в глазах общественного мнения [68]. Французы противопоставляли этому деятельность своего пропагандистского бюро, Пьер Паскаль вспоминал: *«Сочинял статью о французском фронте. Чтобы обойти трудности, полковник велел мне описывать немецкий фронт по данным 2 Бюро. Речь шла о том, чтобы показать французские усилия, внушая, что немцы держат у нас больше дивизий, чем в России»*[69].

Самым серьёзным образом Ланглуа волновала «русская ксенофобия», проявляющаяся в антисемитизме, ненависти к местным немцам и людям, носящим немецкие фамилии, и шире – ко всему иностранному[70]. В апреле 1915 года француз констатировал: *«Крайняя серьёзность движения, о котором идёт речь, состоит в том факте, что многие персоны в императорском окружении носят немецкие фамилии <…> если произойдут ксенофобские волнения, то агентам врага будет нетрудно обернуть их против императорского окружения. <…> По причинам силы этого гнева против русских немцев, можно опасаться взрывов народного буйства, которые на сей раз коснутся не только заводов или торговых домов, принадлежащих иностранцам, но пойдут дальше и могут*

[68] SHD/T, 7 N 1545. Rapport du Commandant Langlois sur sa Troisième Mission en Russie (20 Juin 1915).
[69] Паскаль П. Русский дневник 1916-1918. С. 59.
[70] SHD/T, 7 N 1545. Rapport du Commandant Langlois sur sa Troisième Mission en Russie (20 Juin 1915).

стать настоящей революцией»[71]. В этой свирепости Ланглуа усматривал зачатки того, что называют «общественным мнением», хотя ещё несколько месяцев назад уверял руководство, что в России его не существует.

Что касается вопроса о боеспособности русской армии, в первую голову волновавшего французское верховное командование, мнение информаторов Третьей республики не было однородным в полной мере. Как мы знаем, в виду ограниченных возможностей связи, военный атташе де Лагиш не имел возможности докладывать о состоянии Российский Империи со всей дотошностью так часто, как это хотелось бы Парижу. В одном из пространных рапортов 13 (25) октября 1914 года, де Лагиш описывал обстановку в России. Он писал военному министру, что *«Нам может показаться, будто довоенные усилия русских были незначительны, но это так, если не обращать внимания на специфику региона; в реальности же, принимая во внимание особенности этой страны, можно сказать, что усилия были проведены колоссальные»*. Де Лагиш хвалил энергию и усилия генерала Сухомлинова, пытался объяснить некие объективные причины сложности ведения войны в России (большие пространства) и убеждал Жоффра, что «будущее видится прекрасным» [72] . Ценность де Лагиша заключалась, прежде всего, в том, что он, пожалуй, единственный из официальных представителей Франции, кто в 1914-1915 гг., был наиболее информированным относительно ведения военных операций русскими войсками. Де Лагиш работал в России с 1912 года и снискал доверие Николая II, поэтому хорошее знание страны пребывания, лояльное отношение к нему российского руководства и наработанные за годы службы связи, позволяли составлять рапорты об особенностях ведения войны на русском фронте. Военный

[71] Ibid. Rapport du Commandant Langlois sur sa Seconde Mission en Russie (10 Avril 1915).
[72] SHD/T, 7 N 757. Le General de Laguiche, Attache Militaire, à Monsieur Le Ministre de la Guerre, Le 13/26 octobre 1914.

атташе неоднократно бывал в войсках[73], имел чёткое представление о скоростях и движении войск на российском пространстве, оперативных планах Ставки, о степени готовности воинских соединений и их текущем расположении. Де Лагиш не только воспроизводил услышанное в Ставке, но и пытался самостоятельно проникнуть в суть положения. Так он оценивал неудачу в Восточной Пруссии: *«…его армии [Николая Николаевича] вышли без конвоев, чтобы не терять времени. Они пострадали от этого и были в сложном положении для выполнения задачи в трудном регионе. <...> эта страна уже много лет была прекрасно подготовлена к защите. Русские колонны шли как на параде, не в состоянии поддерживать друг друга. Мы должны признать справедливость замечания Великого князя, но были допущены и ошибки, которых командующий фронтом мог бы избежать, старательнее скоординировав движение своей армии, и не допустив невежества в конкретных ситуациях. Это мнение имеет под собой основание, так как генерал Самсонов умер (этот случай остался совершенно в тумане, что с ним стало? Убит? Самоубийство?) Ренненкампф отступил, несмотря на отправленное подкрепление, генерал Жилинский должен уступить полномочия генералу Рузскому»*[74].

Впрочем, де Лагиш трезво оценивал ситуацию: *«Мы не могли ничего увидеть. Молчание длилось неделями и длится до сих пор»*[75]. Кроме того, де Лагиш направлял французскому руководству сведения по политическим вопросам: опасности и губительности отставки Великого Князя Николая Николаевича, негативном имидже Александры Федоровны[76] и др.

Аналогично в апреле 1915 года ситуацию оценивал и генерал По, инспектировавший войска в Галиции (Львов, Перемышль). Он отмечал высокий

[73] В рапорте от 1 (14) ноября 1914 г., де Лагиш подробно осветил свою поездку в Польшу (Варшава-Скирневице-Лодзь-Ивангород-Радом-Кельце-Пинчув), см.: SHD/T 7 N 757. Le General de Laguiche, Attache Militaire, a Monsieur Le Ministre de la Guerre, Le 1/14 novembre 1914.
[74] SHD/T, 7 N 757. Le General de Laguiche, Attache Militaire, à Monsieur Le Ministre de la Guerre, Le 13/26 octobre 1914.
[75] Ibid.
[76] Пуанкаре Р. На службе Франции 1915-1916. С. 65.

боевой дух армии, дисциплину, её хорошее оснащение и обмундирование, высоко был оценён и командный состав: генералы Янушкевич, Данилов, Иванов, Брусилов, Великий Князь Николай Николаевич. По утверждал, что русские провозгласили «священную войну» против немцев, и эта идея пронизывает всех: от командующего до последнего солдата. Существенным недостатком отмечал плохое состояние железнодорожной сети, и, как следствие – снабжения, но смягчил это «находчивостью русских», которые в этой ситуации сумели проложить вторые пути для однопутных линий. В то же время, По подвергал критике мнение, сложившееся о русской армии в прессе и французском обществе: он утверждал, что она вовсе не «дорожный каток», как это принято считать, но армия, ведущая войну на истощение. Бесконечность человеческого ресурса даёт ей возможность «истощать противника, не особенно истощаясь самой»[77].

Майор Ланглуа уверял Париж, что император Николай сохранил безупречный моральный дух и на протяжении всего 1915 года фиксировал это наблюдение. *«Солдат полон решимости вести войну до конца»*, неудачи его, солдата, не огорчают. «Моральное воздействие отступления в Галиции практически нулевое», страна единодушна в своей ненависти к германцам, кроме, разве что, Петрограда, и, побуждаемая «восхитительным чувством патриотизма», готова идти за руководством своей страны. Обращаясь к вопросу о политической жизни в России, Ланглуа писал, что «императорская дума получает все большее влияние, фундаментальные реформы будут осуществлены». Оптимизм офицера связи сохранился и к концу 1915 года: оценивая моральный дух армии в положительном ключе, он утверждал, что необходимо грамотно, в коалиционном духе, согласовать взаимодействие французов с генералом Алексеевым. В целом, действия командующих на фронтах не подвергались им критике и вообще какой-либо рефлексии, зато пристально отмечались все перестановки в верховном

[77] SHD/T 7 N 1548. Extraits du rapport établi par le Général Pau, à la suite de sa mission (février-avril 1915) en Russie et dans les pays Balkaniques.

командовании. Ланглуа неоднократно беседовал с Брусиловым, Рузским, Алексеевым, Радко-Дмитриевым, и всякий раз направлял во Францию их оптимистичные уверения в дальнейших неизбежных успехах на фронте, и сообщения об их преданности Антанте. Серьёзно воспринималось лишь проблема снабжения армии (о которой Ланглуа всякий раз старались напомнить), в зависимость от которой ставился успех операций, а также политические пертурбации в правительстве и закулисье военного руководства.

Рапорты Ланглуа были в большей мере политическими, чем военными. Складывается впечатление, что он не обладал всей полнотой информации о действиях на фронтах, следовательно, не мог подвергнуть критике, анализу действия русских военачальников. Скорее всего, получить информацию от русских штабистов было проблематично. Генерал Юрий Данилов писал об этом так: *«Он [Ланглуа] способствовал взаимной информации, но, естественно, не имели ни претензии, ни возможности содействовать разрешению в надлежащем объёме все настойчивее назревавшего вопроса о согласовании военных действий на всех фронтах…»* [78] . Описание провального наступления в Карпатах и катастрофы в Новогеоргиевске исполнено им в очень сдержанных тонах, и, что важно, Ланглуа сразу же отказался от рефлексии по поводу действий командования: *«Можно строить много разных гипотез военного плана* <ни одной гипотезы не приведено – прим. Ю.Г.>, *я уверен, что причина совсем в другом*». Как выразился Ланглуа, «позору Николая Николаевича» сопутствовали сугубо политические трудности. Он оправдывал Великого Князя, называя его «несравненным командующим армии» и обладающим огромным влиянием не только на армию, но и на весь народ, «чего не скажешь об Императоре, чьей популярности далеко да уровня Николая Николаевича», *«согласно народному мнению, Император невезуч и невезение преследует его всю жизнь»*[79]. Кризис

[78] Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914-1915. Берлин, 1924. С. 278.
[79] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa Quatrième Mission en Russie (16 Septembre 1915)

командования в русской армии связывался не с сообразностью решений этого командования в конкретной оперативной обстановке, но с назначением генералов, ассоциировавшихся с войной до победного конца, популярных в армии. Об этом свидетельствуют и телеграммы Мориса Палеолога, впервые употребившего термин «кризис высшего командования» исключительно по отношению к отставке Николая Николаевича[80].

Любопытным является замечание Ланглуа о равнодушии русского командования в отношении операций на Западном фронте. Офицер связи вспоминал, когда он разложил перед Николаем Николаевичем и генералом Янушкевичем подробные, масштабные карты французских операций, они же отнеслись к этому без всякого интереса. Он был поражён таким пренебрежением на самом высоком уровне и отметил, что после этого *«посвятил часть своего пребывания в России организации пропаганды в нашу пользу»* [81] . Огорчение вызывали публикации официальной газеты Военного министерства «Русский инвалид», по мнению Ланглуа, антифранцузской направленности[82].

Обратимся к другому синхронному источнику: в июле 1915 года Россию в неофициальном порядке посетил граф Франсуа де Шевийи[83], по итогам поездки он составил отчёт для 2 Бюро, где достаточно жёстко охарактеризовал ситуацию в России. Он констатировал наличие «множества симптомов будущих грандиозных потрясений», основообразующим была общепризнанная неготовность к войне, а также серьёзно обострившиеся противоречия между Думой и российским руководством, нежелание Николая II идти на уступки, обусловленные слабостью его характера. Шевийи предрекал «революцию антидинастического характера»: императрица обвиняется в германофилии, в прессе «разнузданно говорят практически о преступлениях» императорской фамилии. Отмечая, как и коллеги,

[80] AMAE, SG, dossier 641. Minute. Absolutement secret. Paris, le 9 Septembre 1915.
[81] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa Quatrième Mission en Russie (16 Septembre 1915)
[82] Ibid.
[83] **Граф Франсуа де Шевийи** - банкир, возвратился в строй из резерва с началом войны. В 1917 году стал руководителем комитета пропаганды в Петрограде, учреждённом Альбером Тома.

«превосходное состояние русской армии», Шевийи все же делает оговорку: существует определённое недовольство офицеров слабой сплочённостью высшего командования с нижестоящими кадрами, и даже о некотором «волюнтаризме» командующих: им недостаёт точных инструкций, и они имеют «большую свободу действий, зачастую сомнительных» [84] . Шевийи также даёт весьма острые характеристики Великим князьям: Николай Николаевич – «человек невеликих умственных способностей», но «сделанный из бронзы», а император - «характер впечатлительный и слабый, способный менять свои решения с удивительной быстротой»[85].

Подводя итог по аналитическим материалам, поступавшим во французский Генеральный Штаб и военное министерство, можно утверждать, что информаторы Третьей республики были единодушны относительно следующего круга проблем: слабость снарядного производства, плохое состояние железных дорог, перегруженность линий и вокзалов, недальновидности решения об отставке Великого князя Николая Николаевича, популярного в войсках, как в политическом (перенос ответственности, а значит и потенциальных неудач на первое лицо династии, «победа германофильской партии»), так и в военном отношении (армия лишилась любимого командующего, упадок её морального духа, сомнительные качества Николая II как полководца), а также концентрация пораженческих настроений и деструктивных слухов в Петрограде.

Четыре командировки в Россию обеспечили переход к более широкой постановке вопроса: в начале 1916 года, в своём пятом рапорте, Ланглуа обозначил ряд проблем в деятельности французского военного представительства в России и сформулировал детальный проект реорганизации с целью усиления эффективности его работы.

[84] SHD/T, 7 N 757. Notes pour le 2ème Bureau, 18 septembre 1915.
[85] Ibid.

Первоочередной была проблема связи с русской Ставкой. Ланглуа пришёл к выводу, что одного представителя (дивизионного генерала) с помощником будет вполне достаточно, в его ведении будут находиться вопросы оперативного характера, и подчиняться он будет Военному министерству Франции. Вторым человеком во французской миссии должен стать подполковник или полковник, подчинённый послу в качестве военного атташе, и главе военной миссии в вопросах военной службы. Под началом военного атташе должны находиться все локальные французские миссии (военные и технические) на территории России[86]. Это устанавливало чёткую субординацию в руководстве и исключало спекуляции на различиях в форме подачи информации. Ланглуа писал: *«Учитывая незначительную работу, которую надо делать в Генштабе, кажется, что присутствие двух дивизионных генералов там было бы излишеством. Оно, может, с другой стороны, представлять неудобства, либо, когда оно ставит одного из них в положение помощника, которое рискует понизить его до ранга итальянского майора или английского капитана, либо, когда оно имеет возможным результатом, даже если оба наших представителя выражают одни и те же идеи, но в разных формах, позволить противопоставить декларации одного противопоставить декларациям другого и таким образом, лишить их реального авторитета»*[87].

Рекомендации Ланглуа также предусматривали направление в штабы русских фронтов французских офицеров с целью «лучшей осведомлённости о состоянии армии», а также для сбора и отправки во Францию разведданных[88].

Существенной проблемой в условиях «снарядного голода» стало отсутствие единого центра, принимающего русские запросы на боеприпасы и вооружение. Даже в конце 1915 года Ланглуа отмечал, что такого рода заказы передавались через различные инстанции и должностных лиц - как начальнику артиллерийской

[86] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa Cinquieme Mission en Russie (9 Janvier 1916)
[87] Ibid.
[88] Ibid.

миссии[89], так и военному атташе, или его помощнику, что нередко вызывало большую путаницу. Более того, реакция французской стороны могла оказаться неожиданной: *«В течение лета два противоположных ответа на один и тот же запрос относительно 42-линейных пушек»*[90]. Для решения проблемы Ланглуа предлагал организовать Техническое бюро, начальник которого был бы облечён соответствующими полномочиями[91].

Рапорты Ланглуа составлялись в двух экземплярах: первый – для военного министра, второй – для Верховного главнокомандующего, каждый рапорт внимательно прорабатывался Жоффром, о чем свидетельствуют его многочисленные карандашные пометы на полях документов и штампы «Vu: Joffre»[92]. Кроме того, Ланглуа в ходе личных встреч сообщал информацию о состоянии русской армии и настроениях в правительстве президенту Третьей Республики Раймону Пуанкаре[93]. Однако главным результатом поездок офицера связи в Россию стала реализация практически всех изложенных им идей.

В России майор Ланглуа был принят с воодушевлением, российский генералитет и военное министерство составили о нем хорошее мнение. Военный министр генерал Поливанов отзывался о французском офицере следующим образом: *«… время от времени появлялся в России, чтобы делиться своим опытом»,* рассказывал об организации французской промышленности, работы заводов. В том числе давал ценные рекомендации по ведению позиционной войны, предлагая начать массовую заготовку ручного оружия (револьверы, кинжалы, ручные гранаты) для борьбы в окопах[94]. Французы отвечали Поливанову взаимностью, для них он был «человеком новых идей». Генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего Данилов также

[89] Имеется в виду миссия майора Пио, о ней речь пойдет дальше.
[90] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa Cinquieme Mission en Russie (9 Janvier 1916)
[91] Ibid.
[92] Просмотрено: Жоффр.
[93] Пуанкаре Р. На службе Франции 1915-1916. С. 297.
[94] Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907-1916 гг. Т.1. М., 1924. С. 184.

благожелательно отзывался о французском офицере как о заслужившем своим тактом и знаниями уважение и симпатии[95].

Сложившаяся в мирное время система обмена сведениями между столицами союзников, при всех её недостатках, позволила французам получить информацию о важнейшей проблеме русского фронта, не в последнюю очередь потому, что и в Петрограде этого хотели. Речь идёт о дефиците снарядов, возникшем в результате несоответствия реалий начавшейся войны предвоенным ожиданиям.

§ 1.2. Развёртывание военно-технического сотрудничества: миссия Пио

Попытка России преодолеть острую нехватку боеприпасов стимулировала развёртывание военно-технических связей со странами Антанты, в частности с Францией[96]. Военный атташе России во Франции Алексей Игнатьев вспоминал, что 29 декабря 1914 получил сообщение из Ставки о том, что русская армия испытывает сильную нехватку в снарядах и ружьях[97]. Надо сказать, что ещё до этой пространной телеграммы, критически описанной Игнатьевым, Париж ставил перед генералом де Лагишем задачу предоставить информацию о довоенных запасах снарядов российской армии и её текущих потребностях в артиллерийских боеприпасах. Помимо точного ответа на поставленный вопрос в телеграмме от 25 декабря 1914 г. французский посол, со слов военного атташе и его помощника, также уведомил об «абсолютном дефиците» снарядов и винтовок, вызвавших остановку русского наступления[98].

Так или иначе, можно констатировать, что к концу декабря 1914 года французы оказались перед необходимостью решать проблемы военного производства не только собственной промышленности, но и оказывать в этом

[95] Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914-1915. С. 278.
[96] Бодров А.В. Формирование военно-технического сотрудничества России и Франции в 1915 году. С. 42-48.
[97] Игнатьев А. Пятьдесят лет в строю. Т.2. М., 1989. С. 107.
[98] SHD/T, 5 N 74. Télégramme № 1151, Petrograd 25 décembre 1914 (Paléologue); Télégramme № 1152, Petrograd 25 décembre 1914 (Paléologue).

деле помощь союзнику, чья мощь, по довоенным представлениям, превосходила их собственную.

Мы знаем, что снарядный голод не был проблемой только Российской империи – он постиг все воюющие страны, в связи с чем французская сторона могла откликнуться на нужды России только после наращивания возможностей собственной военной промышленности. Таким образом, французы попросту не имели возможности немедленно поставить все то, чем, по мнению русского верховного главнокомандующего, были «так богаты союзники»[99]. Но в то же время Франция была готова транслировать в Россию свои технологические достижения и опыт увеличения производства, чтобы снизить необходимость прямых поставок военных материалов.

Начало такой стратегии было положено отправкой по инициативе военного министра Франции делегации с одиннадцатью техническими специалистами в области артиллерийского и химического производств, во главе которых стоял майор Пио – 21 января 1915 года они покинули Париж[100]. Дискуссионным вопросом является установление инициатора этой миссии: по словам военного агента Игнатьева, решение об отправке миссии Пио было принято, в том числе, и с его подачи, в ходе совещания, которое велось под руководством начальника артиллерийского управления Франции Бакэ с представителями частной металлургической и химической промышленности[101]. Будущий глава французской миссии Морис Жанен указывал, что миссия Пио была направлена Альбером Тома[102]: ещё в октябре 1914 года Тома поручили работу по организации производства боеприпасов, а в мае 1915 года он стал заместителем госсекретаря по производству боеприпасов и военного снаряжения. Цель миссии – ознакомить

[99] Игнатьев А. Пятьдесят лет в строю. Т.2. С. 107. ..
[100] Делькассе - Палеологу. Париж, 24 января 1915 года. // Documents diplomatiques français. 1915. Т. 1. (1 janvier - 25 mai). Paris, 2002. P. 142.
[101] Игнатьев А. Пятьдесят лет в строю. Т.2. С. 113.
[102] Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917). P. 42.

российское ГАУ с принятыми во Франции методами ускоренного производства снарядов[103].

Главной проблемой, с которой столкнулась в России группа Пио, стало непонимание и даже сопротивление российских властей принятию французских военно-технических и организационных инноваций: свои первые месяцы в России она провела практически в бездействии, вынужденная начинать работу в отсутствии поддержки со стороны российского руководства. С одной стороны, русское артиллерийское начальство миссию не запрашивало: Великий Князь, генерал-инспектор артиллерии Сергей Михайлович «наотрез отказал им в приёме»[104], с другой – скептически относилось к методам её работы (например, опасения вызывала необходимость передачи производства боеприпасов в частные руки)[105]. Российское руководство по разным причинам с недоверием относилось к частной инициативе в области производства военного имущества: Великий Князь был убеждён, что основная цель частника – закрепление высоких цен военного времени на свою продукцию, кроме того частный производитель неизбежно будет переманивать специалистов с казённых заводов, не имея своих[106].

Впоследствии, военный министр Шуваев во время демонстрации достижений миссии в области организации производства крупнокалиберных снарядов и вовсе сказал, что ему без разницы из чего они изготавливаются – из бронзы, стали или дерева[107]. Не останавливаясь подробно на личности Шуваева, все же трудно предположить, что военный министр одной из ведущих держав настолько безразличен к военному производству. Французский банкир Морис Верстрат был о нем вполне доброго мнения и называл «честным и работящим»[108].

---

[103] Игнатьев А. Пятьдесят лет в строю. С.112-113. Там же Игнатьев указывает пожелания русской стороны: «… удалось выяснить, что помощь союзников в первую голову должна выразиться в присылке не снарядов, а полных орудийных патронов с трубками, порохом, гильзами и взрывчатым веществом».
[104] Там же. С. 114.
[105] SHD/T, 7 N 1547. Huitieme rapport de mission du lieutenant-colonel Langlois (Russie et Roumanie).
[106] Поликарпов В. Русская военно-промышленная политика 1914-1917. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015. С. 79.
[107] Паскаль П. Русский дневник: во французской военной миссии (1916-1918). С. 122.
[108] Verstraete M. Mes Cahiers Russes. P. 64.

Представляется, что точка зрения Шуваева выражает не более чем скептическое отношение к «французскому учению», тем более что французы сами нередко отмечали, что «русские не любят, когда их поучают». Примечательно, что ещё в первые дни января 1915 года генерал Янушкевич, осведомлённый о скором прибытии французов, написал министру Сухомлинову с просьбой поддержать их усилия, так как предполагаемая им позиция ГАУ по отношению к зарубежным коллегам представлялась недоброжелательной: *«Желательны опыты с минами и ракетами по описанию француза Ланглуа, присланного Жоффром, и тех французов, которые едут к нам для помощи. Будьте милостивы их поддержать, а то г.а.у (Главн. Артиллер. Управл.) опять затянет с присяжными изобретателями à la Дурляхер и К.»*[109].

Только категорическая позиция Верховного Главнокомандующего, Великого князя Николая Николаевича, настаивавшего на увеличении отпуска снарядов в действующую армию любыми путями, а также настойчивость генерала де Лагиша и руководителей артиллерийской миссии, позволила сдвинуть дело с мертвой точки[110]. В начале апреля 1915 г. Великий князь Сергей Михайлович дал согласие на создание в составе ГАУ Управления уполномоченного по заготовлению снарядов по французскому образцу. Начальник Брянского арсенала генерал-майор Ванков 11 апреля 1915 получил предписание возглавить данное управление, разместившееся по адресу: Москва, Фуркасовский переулок 11, кв. 16. Кроме того, в распоряжении управления оказался Московский артиллерийский склад и его лаборатория. Там концентрировали готовую продукцию от всех поставщиков, снаряжали в унитарные выстрелы и рассылали в войска. Тем же предписанием в состав управления были назначены члены

[109] Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. Т. 2. 1922. С. 163.
[110] SHD/T 5 N 74, Télégramme № 516, Petrograd, le 4 avril 1915 (Paléologue). Стоит добавить, что, например, Морис Жанен впоследствии менее категорично оценивал Сергея Михайловича, заметив, что «хоть он и имел некоторые отсталые взгляды, например, по поводу бризантных снарядов, в области крупнокалиберной артиллерии он придерживался более прозорливого и справедливого мнения, чем корифеи французской артиллерии». См.: *Janin M.* En mission dans la Russie en guerre (1916-1917). P. 42.

«французской военной миссии»[111]: майор Эрнест Пио, майор Жан Таффанель, капитан Лукиан Понсе, лейтенант Евгений Жульен, горный инженер Елисей де Луази, военный химик Иосиф Фроссар [112] . Впоследствии состав миссии неоднократно расширялся.

В мае – июне 1915 года члены миссии представили своим русским визави техническую документацию по производству снарядов и взрывателей (в терминологии того времени – «трубок») к ним, а также требования военной приёмки [113] . С другой стороны, был пересмотрен сам процесс и технология производства. Французы одними из первых осознали «логику тотальной войны» и научились быстро наращивать массовое производство артиллерийских снарядов - *«… для удовлетворения всевозрастающей потребности собственного фронта французам пришлось отказаться от многих технических условий мирного времени. За недостатком в прессах они пошли даже на такой риск, как замена кованых корпусов снарядов сверлёными»*[114]. Решением французских специалистов, предложенным Управлению Артиллерии, стало удешевление их производства, и, как следствие, снижение требований военной приёмки – отныне на повестке дня стояло не качество, а количество снарядов. Эта же тенденция нашла своё отражение в химической промышленности: французы убедили ГАУ принять к производству худшие по своим эксплуатационным качествам (по сравнению с тротилом) взрывчатые вещества – меленит, шнейдерит и др.[115] Отладка заводов по производству этих взрывчатых веществ также легла на плечи миссии Пио: по состоянию на декабрь 1916 г. мелинитовые заводы давали 16 тонн вещества в день, шнейдеритовые – 44 тонны в день. Ланглуа отмечал, что эти заводы имели больший потенциал выработки взрывчатки (причиной тому служило, например,

[111] Данный оборот, похоже, впервые был употреблен по отношению к французскому военному персоналу именно по поводу назначения членов «миссии Пио» и лишь впоследствии превратится в наименование централизованной структуры французского военного представительства в России.
[112] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 512. Оп. 1. Д. 2. Л. 20-21.
[113] Напр.: РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 2. Л. 52-55, 72-74.
[114] Игнатьев А. Пятьдесят лет в строю. С. 111.
[115] SHD/T, 7 N 1547. Huitieme rapport de mission du lieutenant-colonel Langlois (Russie et Roumanie).

нерегулярное снабжения завода сырьём). Тетриловые, ксилитовые и др. заводы имели способность производства в 32 тонны в день. Химики миссии Пио также контролировали и развивали производство удушающих газов, организуя производство хлорпикрина, фосгена, винсеннита и угольных противогазов[116].

Ещё одним решением стало превращение заводов, специализировавшихся на «неснарядном производстве» в «снарядные» с соответствующим обучением персонала. С целью наладить такое производство, миссия создавала в индустриальных центрах России сеть Технических бюро, во главе которых стояли французские офицеры. Это позволяло оперативно решать производственные трудности, которые могли возникнуть на заводах. К марту 1917 г. в этих бюро насчитывалось около 500 офицеров и 2000 служащих. Лучшим и наиболее организованным стало Московское бюро. Прочие рассматривались, скорее, как дополнительные (Киев, Одесса, Екатеринослав) из-за сопротивления местных руководителей[117]. Французский военный атташе генерал де Лагиш в рапорте от 28 февраля 1916 г. с глубоким сожалением констатировал особое безразличие и враждебность к «французским новшествам» со стороны властей Киева[118].

В течение лета – осени 1915 года члены миссии Пио проинспектировали значительное количество частных заводов: так, например, обследуя Подмосковье, подполковник Таффанель обнаружил немецкий лакокрасочный завод, добился его реквизиции и наладил там производство взрывчатых веществ[119], а также вынесли заключение об их пригодности к производству, потенциалу расширения, имеющихся проблемах и т.п. В качестве другого примера можно привести рапорт майора Понсе о проверке готовности ряда заводов для производства детонаторных трубок. Им были обследованы заводы Зингера, Гакенталя и Ефремова. Последний признан самым слабым, в числе недостатков названы

[116] Ibid.
[117] Ibid.
[118] SHD/T, 7 N 762. Résumé du rapport № 22 de Général de Laguiche, Attaché Militaire à Petrograd (28 Février / 12 Mars 1916)
[119] SHD/T, 7 N 1547. Huitieme rapport de mission du lieutenant-colonel Langlois (Russie et Roumanie).

старые станки, плохое оборудование в целом, отсутствие опытных рабочих-инструментальщиков, устаревшая организация работ. По итогам приведены следующие данные об объёмах выпуска и перспективах расширения производства:

Таблица №1. Количество произведённых заводами Московского района детонаторных трубок по состоянию на 26.11.1915[120]

	Производство трубок в день	
	В настоящее время	К 15 декабря 1915 года
Завод Зингера	500	1000
Завод Гакенталя	500	800
Завод Ефремова	80	80

Помимо организации производства сотрудники управления контролировали соблюдение стандартов качества заводами-изготовителями, предпринимая незамедлительные меры к исправлению в случае обнаружения брака[121], а также осуществляли наблюдение за боевым применением снарядов, изготовленных по своим заказам[122].

Одной из главных проблем снарядного производства стало изготовление детонационных трубок, т.е. взрывателей. Кроме того, что на этот узел приходилось значительное число отказов[123], русская промышленность даже с помощью французов не могла освоить их производство в нужном количестве. Если производство корпусов снарядов, снарядных гильз, порохов и взрывчатых веществ удалось вывести на приемлемый уровень, то точность обработки металлических деталей сложной формы, требовавшаяся при изготовлении взрывателей, стала препятствием для достижения достаточных объёмов и

[120] РГВИА. Ф. 512. Оп.1. Д. 1100. Л. 1-4
[121] Там же. Л. 24.
[122] Там же. Д. 658. Л. 16.
[123] В ходе испытаний на ГАП под Петроградом с 26 января по 22 февраля 1917 года трубки Оптического завод дали 16 % отказов на 1320 выстрелов.

качества в условиях нехватки квалифицированных кадров и необходимого оборудования. Сложность представляло и то, что персонал завода из числа рабочих имел самое посредственное представление о производственном процессе, был очень инертен и консервативен по отношению к любого рода инновациям, а высококлассных технических специалистов критически не хватало. В. Поликарпов в своей монографии обозначил общее заключение историографии, что «слабость профессионально-технического образования в империи не позволяла в полной мере обеспечить возрастающие запросы промышленности на специалистов, обладающих высоким уровнем технической и практической подготовки»[124].

Капитан Понсе в марте 1916 года представил рапорт об имеющихся в наличии снарядах и снарядных взрывателях:

Таблица №2. Количество имеющихся в наличии трубок и снарядов по состоянию на март 1916 г.[125]

	Производство гранат, шт.	**Производство трубок, шт.**
Запас трубок к 1 марта		60000
Март	360000	105000
Апрель	300000	96000
Май	360000	130000
Июнь	450000	150000
Итого:	1470000	541000

Недостаток производства трубок до конца июня оценивался в 930000 шт. Понсе также уведомил, что считает единственным способом осуществить поставку снарядов в действующую армию только принятием чрезвычайных мер

[124] Поликарпов В. Русская военно-промышленная политика 1914-1917. С. 216.
[125] РГВИА. Ф. 512. Оп.1. Д. 1100. Л. 37-39.

по доставке находящихся в Александровске (коммерческий порт на Кольском полуострове) 714000 трубок[126]. Кроме того, можно рассчитывать на поставку ещё 800000 трубок из Франции в Архангельск до конца июня[127]. Проблему изготовления взрывателей в достаточном количестве так и не удалось решить до ликвидации управления в марте 1918 года, значительная часть произведённых в России снарядов французского образца комплектовалась привезёнными из Франции детонационными трубками.

В итоге деятельность Управления включала в себя получение заказов на производство снарядов и взрывчатки от ГАУ, распределение их по заводам, контроль качества производства, координация отпуска готовой продукции в действующую армию и сбор информации по боевому применению[128]. Результаты работы управления можно признать успешными: во-первых, к концу 1916 года Ванков и Пио стали обладателями многочисленных заказов, крупнейший из которых составлял 11,770,000 выстрелов[129], во-вторых, было существенно расширено производство разнообразных взрывчатых веществ и компонентов для них (ксилит, динитроафталин, тетрил, и др.) и производственные мощности: только мелинитовых заводов к 1916 году было семь[130]; для сравнения – к началу войны в Российской империи на взрывчатых веществах всех типов специализировалось три завода[131]. Сборка снарядов нередко организовывалась с нуля: *«Приходилось заниматься всем: конструировать и организовывать цеха, налаживать оборудование и, прежде всего, обучать персонал, состоящий из рабочих, среди которых никто никогда не занимался ни снарядами, ни взрывчатыми веществами. Первые снаряды заряжались французскими офицерами, которые подготовили несколько бригадиров, которым, в свою*

[126] При этом временная эксплуатация Мурманской железной дороги началась только в ноябре 1916 года.
[127] РГВИА. Ф. 512. Оп.1. Д. 1100. Л. 37-39.
[128] SHD/T, 7 N 1547. Huitieme rapport de mission du lieutenant-colonel Langlois (Russie et Roumanie).
[129] Ibid.
[130] Ibid.
[131] Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900-1917). Т.1. М., 1948–1949. С. 303.

очередь, было поручено обучать рабочих» [132]. При этом инженеры миссии заряжали не только снаряды «своих» заводов, но также помогали в этом путиловцам, Комитету военных промышленников и др. Жак Ланглуа рапортовал, что производство могло бы достигнуть 1 млн. снарядов в месяц к концу 1916 года, но в реальности было отпущено 700 тысяч трехдюймовых снарядов в виду нехватки металла на крупный калибр[133].

Почему это стало возможным? С одной стороны, миссия Пио предоставляла российским заводам готовые унифицированные технологические инструкции и чертежи, помогала создавать новые цеха и оборудование, а также предоставляла высококвалифицированный персонал, готовый обучить местных рабочих и в дальнейшем контролировать производство [134]. С другой стороны, преодолевая сопротивление политических и экономических установок российской элиты, группа Пио перестроила логику производства военных материалов: русские привыкли размещать военные заказы на казённых предприятиях или крупных заводах (типа Путиловского), а французы предлагали и внедряли не просто частную индустрию боеприпасов, но изготовление их на основе кооперации небольших частных фабрик, в большинстве своём не связанных до того с военным производством. В начале 1916 г. французами в России было организовано 29 таких «кооперативов». Кроме того, Ланглуа в середине 1915 года горячо рекомендовал французским промышленным и деловым кругам, работавшим в России присоединиться к усилиям русской промышленности и «принять как долг то, что они обязаны помогать и поддерживать российское производство, невзирая на «личные вопросы и частные интересы» [135]. В эту деятельность сразу включился известный французский промышленник Пьер Дарси - руководитель крупного российского картеля «Продамет», основанного в

[132] SHD/T, 7 N 1547. Huitieme rapport de mission du lieutenant-colonel Langlois (Russie et Roumanie).
[133] Ibid.
[134] SHD/T, 7 N 1547. Huitieme rapport de mission du lieutenant-colonel Langlois (Russie et Roumanie).
[135] SHD/T, 7 N 1545. Rapport du Commandant Langlois sur sa Troisième Mission en Russie (20 Juin 1915)

1902 г., который играл ведущую роль в развитии отечественной металлургии[136]. Кроме того, в России Дарси стал влиятельным человеком не только в промышленных кругах, он также являлся вице-президентом французского альянса для пропаганды языка и французского влияния, вице-президентом коммерческой палаты в Санкт-Петербурге и президентом французской колонии в Санкт-Петербурге[137].

К началу 1917 г. усилиями Пио и Ванкова производство было рассредоточено по 105 заводам, изготавливавшим снаряды со стальными корпусами, по 61 заводу, изготавливавшему снаряды с корпусами из сталистого чугуна, по 82 заводам, выпускавшим запальные стаканы и по 10 выпускавшим детонаторные трубки[138]. Привлекались самые неожиданные, специализированные на мирной продукции заводы, которые приходилось перепрофилировать, снабжать технической документацией, обучать персонал.

Таким образом, трудности с отправкой готового вооружения в рамках всеобщего «снарядного голода» породили инновационную практику трансляции технологии производства. Россия, по её итогам, разумеется, не сделалась мгновенно передовой промышленной державой, однако получила возможность продолжать войну.

Что характерно, проблемы, связанные с репрезентацией французских усилий на Западном фронте в русской прессе, были для французов далеко не единственным примером отношения к ним русских союзников. Майор Ланглуа описывал такой случай: *«Некоторое время назад «Русское слово» пожелало выпустить статью, изображающую с некоторыми деталями успешную деятельность миссии* [миссии майора Пио – прим. Ю.Г.]; *дважды эта статья была запрещена цензурой и редактор писал: «Цензура обосновывает свой запрет циркуляром, датированным началом пребывания в России французской миссии и*

[136] Kuzmina S. Pierre Darcy (1870-1918), acteur majeur du développement de l'industrie métallurgique en Russie au début du XXe siècle. // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815-1917). Paris, 2011. P. 498
[137] Ibid. P. 510.
[138] SHD/T, 7 N 1547. Huitieme rapport de mission du lieutenant-colonel Langlois (Russie et Roumanie).

строго запрещающим говорить об этом в печати что бы то ни было». Тем не менее, статья была опубликована. Аналогичная судьба сопутствовала и публикации отчёта майора Пио, который французская миссия желала использовать в качестве зримого успеха работы своей технической миссии. Однако цензура исключила из публикации все количественные показатели и «лишила» Пио как звания, так и его национальной принадлежности, в виду чего, статья потеряла всякий смысл[139].

Мы забегаем вперёд, прослеживая деятельность «миссии Пио» до конца войны и подводим итоги её деятельности, чтобы впредь не возвращаться к этой теме. Этот пример оперативного и результативного межсоюзнического взаимодействия выступает как исключение для периода, в котором французы в основном решали задачи повышения собственной осведомлённости о делах русского фронта и реформирования структуры военного представительства в России. Наконец, по материалам соответствующих фондов Российского государственного военно-исторического архива складывается впечатление о работе миссии Пио в составе Управления Ванкова как о примере наиболее продуктивного сотрудничества, на которое практически до последнего дня союзничества не влияли никакие политические трансформации в России, как вспоминал современник летом 1917 года: *«Из Москвы прибыл полковник Таффанель; он говорит только о количестве производства снарядов, как если бы ничего не происходило»*[140].

В 1915 году Великая война «сменила ритм»: стало очевидно, что никакая держава Антанты не сможет добиться победы в одиночку. Вместе с тем, в зависимости от театра военных действий, меняется восприятие масштабов войны, её темпоральности: Россия нуждается в скорейшем «спасительном» начале французского наступления на Западном фронте, полагая Жоффра крайне

[139] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa sixième mission en Russie (17 Juin 1916)
[140] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 302.

медлительным; Великобритания, наоборот, стремится отложить активные действия на Западе в силу приверженности иным стратегическим схемам[141]. Все это требовало особой «архитектуры» коалиционной стратегии, необходимым условием которой стала централизация военных усилий как всех держав Антанты на стратегическом уровне, так и их иностранных представительств. Существующая к началу 1914 года схема работы военного атташе при посольствах и условия его работы не отвечали возросшему количеству ставившихся перед ним задач, не позволяли передавать большие объёмы информации. Глава шифровальной миссии, Анри Оливари, приехавший в Россию в 1916 году и столкнувшийся с тем, в какой обстановке работают его коллеги, вспоминал: *«Помещения, отведённые для французской миссии, состояли из 3-4 комнат, не изолированных, выходящих в коридор, по которому сновали все»*[142]. С одной стороны, связь, осуществляемая через дипломатического представителя, была не приспособлена оперативно решать вопросы взаимодействия между Россией и Францией, и связь между военным атташе и военным руководством Франции, согласно документам, была установлена не позднее декабря 1915 г., в результате обмен информацией интенсифицировался, что позволило на регулярной основе передавать сведения о дислокации, численности русских армий, их нуждах в военных материалах[143].

С другой, качество информации, направляемой де Лагишем в Париж, напрямую зависело от количества поездок на линию фронта, но отсутствие исполнительного аппарата не позволяло ему с завидной регулярностью покидать Петроград. К весне 1916 года, де Лагишу помогали майор Верлен, майор Корбель, майор Гравье («со слабо определенными полномочиями, в основном поддерживал связь между миссией Пио и военным атташе) и майор Гибер, занимавшийся

[141] Cochet F. 6-8 décembre 1915, Chantilly: la Grande Guerre change de rythme // Revue historique des armées. 2006. № 242. URL: http://rha.revues.org/4062 (дата обращения: 15.05.2016).
[142] Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie (1916). P. 87. Миссия располагалась на улице Гоголя.
[143] См., напр. SHD/T, 5 N 139, телеграммы де Лагиша за декабрь 1915 г.

выдачей паспортов [144] . Когда военный атташе не имел возможности самостоятельно добыть информацию или получить её от компетентных в военных вопросах коллег, ему приходилось работать с менее достоверными источниками информации, как то русская пресса или уличные слухи.

Кроме того, в условиях Первой мировой войны возросло значение фигуры военного атташе, к нему предъявлялись иные «квалификационные требования». Он был обязан быть не только дипломатом и специалистом по военным вопросам, но и инициативным организатором, готовым к активной деятельности. Как заметил британский историк Вильям Филпотт, *«политики и военные начали тесно работать вместе с невоспетыми героями войны – промышленниками и лидерами тред-юнионов, торговыми магнатами и транспортниками, владельцами газет и журналистами, чьи усилия были также важны для успеха, как действия командующих или тех, кто определяет стратегию и политику»* [145]. Феномен тотальной войны предусматривал вовлечение в борьбу представителей прессы, частный капитал, лидеров общественного мнения, что нашло отражение в организации пропаганды в России усилиями французской миссии, вовлечении представителей французского капитала в трансформацию военно-промышленного комплекса Российской империи.

В итоге организация и деятельность военных миссий стала одним из важнейших направлений французской военной мысли [146], так как позволяла эффективно аккумулировать усилия для решения военных задач и впоследствии служить проводником политического влияния[147]. Осуществлялись расширение и интенсификация трансфера, прежде всего, военно-технических инноваций в

[144] Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie (1916). P. 82.
[145] Philpott W. Attrition. Fighting the First Word War. London, 2014. P. 11.
[146] Pénicaut E. Missions militaires françaises auprès de puissance alliées // Archives de la Grande Guerre. Guide des sources conservées par le Service historique de la Défense relatives à la Prèmiere Guerre mondiale. Paris, 2014. P. 41.
[147] В силу невозможности изменить стратегическую ситуацию на русском фронте и снизить накал социального протеста в стране, Франция стремилась влиять на политическую ситуацию сообразно со своими интересами: в первой половине 1917 года побуждая руководство страны продолжать войну против Центральных держав, затем – принимая участие в вооруженной союзнической интервенции, с использованием ресурсов т.н. «второй миссии Жанена».

условиях коалиционной войны. Фактором интенсификации стал «снарядный голод» (острая нехватка артиллерийских боеприпасов), поразивший Российскую Империю через несколько месяцев после начала военных действий. Франция проявила большую заинтересованность в передаче России своих технологических достижений и опыта наращивания производства в целях снижения необходимости прямых поставок военных материалов.

Французы в этот период столкнулись с тем, что Россия не соответствовала их представлениям о державе, готовой к войне. Они рассчитывали, что Россия их поддержит, но в реальности Франции самой пришлось взять на себя груз поддержки Российской Империи. Лучше всего это умонастроение выразил Раймон Пуанкаре в дневниковой записи от 19 сентября 1915 года: *«Значит русский колосс – действительно колосс на глиняных ногах? Как нам поддержать его?»*[148].

[148] Пуанкаре Р. На службе Франции 1915-1916. С. 86.

ГЛАВА 2. ЯНВАРЬ 1916 – ИЮЛЬ 1917: «КОНЦЕНТРИРОВАТЬ УСИЛИЯ ВПЛОТЬ ДО ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЫ»

§ 2.1. Реорганизация миссии как путь к сверхконцентрации

В первой половине января 1916 года военный министр Франции Галлиени писал в Совет министров: *«Опыт кампаний 1914 и 1915 годов показал, что между Францией и Россией не сложилось тесного взаимодействия в том, что касается Высшего военного управления. Первая попытка исправить это положение была предпринята в виде отправки миссии генерала По, но эта миссия, несмотря на высокую квалификацию её руководителя не принесла желаемых результатов»* [149] . Кроме необходимости налаживания более эффективного коалиционного взаимодействия, неотъемлемым инструментом которого была военная миссия, в её отношении возникла ещё одна трудность: задачи, стоявшие перед французской миссией, неуклонно возрастали, она играла роль не только «связующего органа» между двумя верховными главнокомандованиями воюющих держав и содействовала поставке вооружения и боеприпасов, но становилась ответственной за экспорт технологических инноваций и координацию деятельности растущего французского военного и технического персонала на территории России.

В июне 1915 года Жозеф Жоффр представил в Военное министерство проект централизованного «управления войной» под эгидой французского Генштаба. Согласно проекту предполагалось выделение каждой союзной страной аккредитованного генерала, детально осведомленного о положении своей армии [150] . В пространстве коалиционной войны Россия вместе с Сербией и Италией мыслились Жоффром как единое целое Восточного фронта,

[149] SHD/T, 5 N 139. Le Ministre de la Guerre à Monsieur le Président du Conseil, Ministre des Affaires Etrangères (Cabinet).
[150] Mémoires du maréchal Joffre, 1910-1917. T.2. P.125.

направленного против Центральных держав [151] . Более того, французский главнокомандующий полагал, что эффективный прорыв возможен именно на Восточном фронте, в связи с чем придавал особенное значение своевременному материально-техническому обеспечению России и восстановлению её армии для грядущего наступления[152].

Сотрудник Второго бюро Пьер Паскаль, будучи в Генштабе в Шантийи, равным образом отметил, что там он «кроме кодирования и дешифровки познал всю относительность идеи союзничества: перед русским военным атташе бравым полковником Игнатьевым, издалека возвещавшим о себе звоном шпор, закрывались все досье»[153]. Похожая ситуация сложилась и в России, о военном министре Шуваеве он вспоминал так: *«Полковник рассказывал мне, что посещая с ним Кавалерийскую школу, он услышал его слова: «Военного атташе здесь нет, значит, можно говорить…»*[154]. И также впоследствии: *«Кажется, Аверьянов*[155] *отказался принимать иностранных военных атташе, сказав: «Это такие люди, толком не знаешь, что им сказать… Лучше их не видеть совсем»*[156].

Несмотря на то, что режим секретности был естественной практикой в любых вооружённых силах, логика коалиционного взаимодействия и опыт Первой мировой войны позволили говорить о переходе от «старой дипломатии», основанной на национальном интересе и секретности, как основном методе работы, к «новой дипломатии», предполагающей повышение уровня доверительности во взаимоотношениях партнёров по коалиции [157] . Это подтолкнуло Жоффра к очередным кадровым перестановкам. Он принял решение заменить генерала По на посту главы Миссии генералом Жаненом, прекрасно

[151] Doughty R. A. Pyrrhic victory: French strategy and operations in the Great War. Cambridge, Massachusetts, London, 2005. P. 154
[152] Ibid., P. 251–252.
[153] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 24.
[154] Там же. С. 122.
[155] **Аверьянов Петр Иванович** – с августа 1916 г. и.д. начальника Генерального штаба
[156] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 103.
[157] Prost A., Winter J. Penser la Grande Guerre. Un essai d'historiographie. Paris, 2004. P. 70–71.

знающим русский язык, пользующимся серьёзным влиянием и уважением в русском штабе[158].

Изначально военное министерство Франции подавало ситуацию следующим образом: дивизионный генерал де Лагиш займёт пост военного атташе при русском Императоре, генерал По останется главой французской военной миссии, а генерал Жанен – станет его помощником[159]. Однако, подчинение генералу По было, скорее, формальностью. В апреле 1916 года он уже не мог полноценно исполнять свои обязанности, так как его здоровье оставляло желать лучшего. На отъезде По настаивала и русская сторона, вопрос его возвращения во Францию был делом времени. Майор Ланглуа так писал верховному главнокомандующему: *«…по вопросу реорганизации нашего военного представительства посол сохранял абсолютную тайну до того дня, пока не получил императорское решение. Только 5 апреля посол направил генералу По телеграмму, предупреждающую его о запланированных изменениях и императорском решении»*. Сообщалось, что генерал По был глубоко подавлен и расстроен таким поворотом событий[160]. В свою очередь, Ланглуа подробно изложил причины недовольства работой генерала По: считалось, что ему недостаточно доверяет Николай II, начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев не испытывает особого удовольствия от общения с ним. Кроме того, *«генерал По ограничил себя донесениями по стратегическим вопросам, а все остальное (личный состав, артиллерия, обмундирование) оставлял своему помощнику»*, а также игнорировал возможность общаться со штабными работниками[161].

Выбор кандидатуры Мориса Жанена был обусловлен тем, что его военная карьера длительное время была связана с Россией – молодым офицером, в 1890-е годы он был направлен в Санкт-Петербург по заданию Второго бюро Генштаба

[158] Mémoires du maréchal Joffre, 1910-1917. T.2. P. 284.
[159] SHD/T, 17 N 570. Reorganisation de notre represenation militaire en Russie, avril 1916.
[160] SHD/T, 5 N 139. Telegramme chiffre, Commandant Langlois à Guerre et General Commandant en Chef, 12 Avril 1916.
[161] Ibid.

Франции для изучения перспектив союза с Российской Империей. В 1896 году Жанен был адъютантом Николая Второго, во время его визита во Францию[162]. Безусловно, немалую роль сыграл и его военный опыт: в декабре 1915 года Жанен был назначен начальником Штаба операций северо-восточного фронта и имел возможность осмыслить военные действия на самом высоком уровне[163], что соответствовало пожеланиям Верховного Главнокомандующего и военного министра. Недаром, Галлиени в январе 1916 года предлагал направить в русскую Ставку генерала, *«который принимал непосредственное участие в боевых действиях на Западном фронте и смог бы передать союзникам весь тот опыт, который был получен французами за первые два года войны»*[164].

19 апреля 1916 года Морис Жанен был назначен главой французской военной миссии[165], и прибыл в русскую Ставку 25 мая 1916 года[166]. Перед ним ставились следующие задачи: во-первых, любыми усилиями втянуть Румынию в войну на стороне Антанты, и ради этой цели добиться уступок со стороны России, во-вторых, усовершенствовать тактическую подготовку русской армии[167], недостатки которой были связаны как с высокими потерями офицерского состава в первые годы войны, так и с изменением характера боевых действий.

Оставался вопрос о полномочиях его действующего помощника, военного атташе маркиза де Лагиша, так как присутствие трёх генералов в русской Ставке (Лагиша, По и Жанена) выглядело избыточным. 18 мая Морис Палеолог направил телеграмму в кабинет Министров, в которой деликатно выразил мнение о желательном отзыве Лагиша: *«Положение в котором генерал де Лагиш окажется по отношению к генералу Жанену является весьма мучительным. <…> я проявил большой интерес к тому, чтобы генерал Лагиш был направлен на*

[162] Noulens R. À la recherche d'une «belle et bonne alliance». Le général Maurice Janin (1862-1946) et la Russie // Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917). Paris, 2015. P. 13–14.
[163] Ibid. P. 11.
[164] SHD/T, 5 N 139. Le Ministre de la Guerre à Monsieur le Président du Conseil, Ministre des Affaires Etrangères (Cabinet).
[165] Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917). P. 268
[166] Ibid. P. 39.
[167] Ibid. P. 36.

Кавказ под предлогом доставки наград, вручать которые должен был генерал По»[168].

Вместе с Жаненом в Россию отправлялся подполковник Лавернь в качестве военного атташе при посольстве Франции, который, в том числе, заменит подполковника Верлена[169]. Он должен был подчиняться послу (в том что касается, необходимым посольскому аппарату сведений военного характера, осуществления представительских функций, и т.д), генералам По и Жанену (в том, что касается непосредственно военных вопросов и функционирования французских служб на территории России). По большому счёту, Лаверню была делегирована власть над всем военным персоналом в России. Что касается миссии пропаганды, направленной министерством иностранных дел, то Лаверню предписывалось сотрудничать с ней, консультируя по военным вопросам и предоставляя материалы для ведения просветительской работы, находящиеся в сфере его компетенции[170]. В качестве примера, можно привести деятельность профессора Каорского лицея Рауля Лабри, появление которого в России связано с инициативой директора Французского института Патуйе. Лабри занимался переводом на русский язык предоставленных в его распоряжение военных документов для их последующей печати в отечественных изданиях[171]. По сути, миссия пропаганды была совместным детищем военных и дипломатов, так как была организована не только в тылу, но и в войсках. Более того, часть функционала службы пропаганды ложилась на плечи сотрудников военного министерства – офицеров миссии, прикомандированных к русским армиям.

В данном контексте присутствие генерала де Лагиша в качестве военного атташе выглядит странным и избыточным. Поэтому несколько позднее, 19 апреля 1916 г. Кабинет министров попытался разрешить противоречие, связанное с

[168] SHD/T, 7 N 1545. Telegramme chiffe. Petrograd, 18 Mai 1916 (Paléologue).
[169] SHD/T, 17 N 570. Reorganisation de notre represenation militaire en Russie, avril 1916.
[170] SHD/T, 7 N 1552. Ministere de la Guerre, le 9 avril 1916.
[171] SHD/T, 7 N 757. Le Lt-Colonel de Génie br.-Wehrlin, adjoint à l'Attaché Militaire à l'Ambassade de France à Monsieur le Ministre de la Guerre (15 Mars 1916).

определением служебных отношений между де Лагишем (которого, по всей видимости, стремилось оставить военное министерство, как человека близкого русскому императору, имеющему многочисленные связи среди военных) и Лавернем, на отправке в Россию которого горячо настаивало министерство иностранных дел. В итоге было установлено, что Лаверн направится в Петроград в качестве помощника военного атташе де Лагиша[172].

Вместе с тем, чтобы избавить заслуженного генерала от необходимости подчиняться Жанену, было решено переподчинить его послу[173], согласно старой практике. По всей видимости, подобное решение тяготило военного атташе и в конце мая 1916 г., де Лагиш выразил отчётливое желание поскорее вернуться во Францию с оговоркой: *«Желания начальства являются для меня приказами, если моё сохранение в Петрограде кажется Вам благом для службы, я буду первым, кто повинуется»*[174]. 4 июня 1916 года военный министр Пьер Рок удовлетворил пожелание де Лагиша и он был отозван во Францию[175]. Равновесие во французском представительстве восстановилось.

Назначение на пост главы французской военной миссии генерала Жанена, установление порядка строгой субординации в духе рекомендаций майора Ланглуа привели французскую военную Миссию в качественно иное состояние. Если до этого решения миссия рассматривалась и понималась как временная функция, порученная специальному представителю с целью решения определённого круга задач, то в 1916 году французское представительство трансформировало понятие «миссия», наделив его иными коннотациями. Отныне Миссия понималась как некое централизованное, многоцелевое учреждение, ядром которого стал аппарат генерала Жанена.

---

[172] SHD/T, 7 N 1552. Note pour le Ministre. Paris, le 19 avreil 1916.
[173] SHD/T, 7 N 1545. Dépêche Télégraphique, Paris, le 3 Juin 1916. Le Ministre de la Guerre à M. le Général de Laguiche
[174] Ibid. Telegramme chiffre. Petrograd, 30 Mai 1916. Attaché Militaire à Ministre Guerre et Général Commandant en Chef.
[175] SHD/T, 7 N 1545. Dépêche Télégraphique, Paris, le 4 Juin 1916. Le Ministre de la Guerre à M. le Général de Laguiche

Деятельность главы Миссии была направлена на реализацию следующих функций:

1) Функция связи и стратегической координации (обеспечивалась работой генерала Жанена в Могилеве, при Ставке Верховного Главнокомандующего);

2) Функция оперативно-тактической помощи (обеспечивалась офицерами, прикомандированными к каждому штабу фронта и армии, под общим руководством генерала Жанена);

3) Функция технической помощи выражалась в деятельности локальных военных и технических миссий на территории России – миссии Пио, миссии Делалена, миссии Берже, под общим руководством помощника Жанена – военного атташе Лаверня;

4) Функция пропаганды (координировалась майором де Шевийи)[176].

Исследователь Раймон Нуланс определяет состав Миссии как «150-200 человек разного происхождения и разных политических взглядов»[177], это было обусловлено тем, что в рамках помощи союзнику и обслуживания деятельности французской военной Миссии, в Россию прибывали новые кадры Третьей республики: радиотелеграфисты, авиаторы, шифровальщики, железнодорожники, и др.

В том, что касается реализации функции оперативно-тактической помощи, летом 1916 года в войска были направлены французские офицеры: Штаб Западного фронта закреплялся за полковником Камилем Рампоном, на Кавказе присутствовал полковник Шардиньи, в Штаб Юго-западного фронта был направлен полковник Жорж Табуи, а на Северный фронт – полковник Першене. Перед ними ставились задачи сбора информации о материальном и моральном состоянии войск, уровне их военной подготовки, а также характеристик высшего

[176] Noulens R. À la recherche d'une «belle et bonne alliance». P. 15.
[177] Ibid.

командования и ознакомление русских военных с опытом боевых действий на западе. Кроме того они обеспечивали координацию деятельности всего французского персонала в полосе фронта, к которому были прикомандированы. Аналогичный шаг должна была сделать Россия. В директиве Жозефа Жоффра от 1 февраля 1916 г. сообщалось: *«Я думаю, что было бы очень полезно попросить высшее русское командование немедленно отправить во Францию, для изучения вопросов, связанных с ведением боевых действий на нашем фронте, некоторых офицеров, роль которых будет особенно важна в организации наступательных действий, таких как: начальники штабов, командующие артиллерии и инженерных войск корпусного уровня»*[178].

В архиве Исторической службы Министерства обороны Франции хранятся рапорты полковника Рампона о результатах его пребывания в войсках Западного фронта. Можно сказать, что миссия Рампона по большей части занималась просветительской работой («Ordre intellectuel»): он рассказывал высшему командованию и штабистам об организации военных операций на Западном фронте, специфике артиллерийской подготовки, подготовке атаки, стараясь открыть все, что составляло его личный боевой опыт. Свою миссию он понимал как «Иди и проповедуй!». Рампон неоднократно иллюстрировал свои теоретические выкладки, показывая карты операций на Сомме и при Вердене и отмечая, что ему удалось таким образом пробудить любопытство у офицеров Штаба, и что перед ним были открыты любые планы, документы[179].

Рампон подчёркивал, что всякий раз старался общаться с русскими исключительно дружелюбно, однако если его спрашивали о недостатках, которыми, по его мнению, обладает то или иное подразделение, он отвечал со всей прямотой, давая рекомендации согласно своему опыту.

[178] SHD/T, 5 N 139. General Commandant en Chef – General Pau, Le 1er Fevrier 1916.
[179] SHD/T, 7 N 758. Résultats de Mission. Stavka, le 19 Octobre/2 Novembre 1916.

В ноябре 1916 г. полковник Рампон сообщал о состоянии русской армии в позитивном ключе: «армия в очень хорошем состоянии, солдаты отлично вымуштрованы»; «Я просил показать мне действия в атаке: разведчики действовали грамотно, личный состав уверенно поднимался в атаку»[180]. Рампон отмечал «большое будущее» за молодыми полковниками, которые интересовались передовыми идеями в области ведения военных действий и запросили у Рампона рассказов о траншейной войне.

Недостатки, безусловно, присутствовали: пехота плохо работала в траншеях, артиллерия же пренебрегала современными методиками ведения войны, например, использованием самолётов для корректировки огня, также отмечалась слабость противовоздушной обороны. Заметил Рампон и пренебрежение обращением к инженерным службам, вызвавшее у него некоторое недоумение: «часто их работу выполняют пехотинцы». Подытоживая своё донесение, Рампон отметил: *«армия безупречно реорганизована со времени отступления 1915 г.»*[181].

Результаты деятельности Рампона оценивались противоречиво. Генерал Жанен склонен был оставить лестные отзывы о его в работе, отмечая не только его труд, в результате которого войска генерала Драгомирова были проинструктированы сообразно новым методам ведения войны, но и чувство такта, проявленное в общении с русскими [182] . Аналогично позитивных результатов, по мнению Жанена, добились полковники Першене и Табуи.

Отношение к русским военным при этом было, скорее, снисходительным, Жанен указывал, что Франция достигла определённого уровня превосходства в военном искусстве и «русские являются нашими учениками». В связи с этим глава французской миссии предписывал «давать пример усердной работы и порядка достойной жизни», а также распространять среди русских «наши идеи,

[180] Ibid. Notes sur l'armee Russe rédigées après un stage de trois mois à l'Et-Major du front Ouest, dont 44 jours de voyage et de visites sur le front. Stavka, le 18/31 Octobre 1916.
[181] Ibid.
[182] SHD/T, 5 N 140. Du Général Janin à G.Q.J. Français. Le 7 Janvier 1917.

наши издания, книги». Он полагал, что все это носит характер оружия, если подобрано умело [183]. Тем более, что он рассматривал русскую армию как носительницу «феодального уклада», в связи с чем отправка выбор офицеров для направления в войска должен осуществляться с особым тщанием[184].

Иначе оценивал деятельность Рампона глава шифровальной миссии Анри Оливари. Уже после войны рефлексировал, что французская военная миссия в России была организована из рук вон плохо, и что одна из причин такого неудачного результата - отправка в войска офицеров типа полковника Рампона, к которому все русские относились с большим подозрением[185].

Функция тактической помощи, по словам генерала Жанена, предусматривала в том числе обучение русских войск использованию новых видов вооружений[186], получивших недостаточное развитие и внимание в России за годы Первой мировой войны, но широко используемое в европейских армиях.

Согласно данному пожеланию, 30 апреля 1916 г. между генералом Роком и графом Игнатьевым был заключён договор о том, что правительство Франции передаёт в распоряжение русского правительства ***авиационную миссию*** в составе: 10 офицеров-пилотов, в том числе 6 инструкторов (3 на монопланы и 3 на бипланы) и специалиста в бомбометании, 10 офицеров-наблюдателей, 10 механиков [187]. Глава миссии, Поль-Шарль-Альфред-Анри Берже должен был поступить в распоряжение Генерального инспектора авиации[188], и в дальнейшем заниматься изучением организации русской авиации, инспектировать военно-воздушные силы, добиваясь улучшений в этом виде войск.

Главным образом, авиационная миссия была актуальна в контексте сложностей производства наукоемких и ресурсоемких авиационных

[183] SHD/T, 17 N 574.
[184] SHD/T, 5 N 140. Du Général Janin à G.Q.J. Français. Le 7 Janvier 1917.
[185] Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie (1916). P. 331.
[186] SHD/T, 5 N 140. Du Général Janin à G.Q.J. Français. Le 7 Janvier 1917.
[187] SHD/T, 17 N 570. Contract passé entre le Ministre de la guerre Général Roques et le Comte Ignatieff attaché militaire de Russie à Paris.
[188] SHD/T, 7 N 1545. Telegramme chiffre. General Commandant en Chef les armees françaises à General Pau. Le 22 avril 1916

комплектующих, в основном – двигателей. Морис Жанен вспоминал: *«Были предприняты интенсивные усилия, в частности, чтобы исправить ситуацию в русской авиации, как с точки зрения организации и тактического использования, так и с точки зрения материального оснащения, исследование капитана Берже показало их слабость»*[189]. Жанен пояснял, что русские заводы были недостаточно квалифицированы для такой задачи, а заказы на комплектующие детали, отданные Франции (650 моторов, 70 самолетов, детали для моторов), не дошли до французов[190]. В России работал ряд французских авиационных конструкторов (Бутми, Бэйл), которые в ходе инспектирования отечественных заводов, подтвердили, что у русских есть производственные мощности для сборки самолётов, но существуют проблемы с доставкой авиационных двигателей[191].

Чтобы решить эту проблему, конструктор Артур Анатра предлагал построить завод по производству двигателей «Испано-Сюиза», на которые Россия имеет лицензию. Не хватало лишь квалифицированного персонала, в результате чего было составлено обращение к Франции с просьбой прислать порядка 20 рабочих на новый завод, а также некоторые конструкционные материалы.

В отечественной историографии с недоверием относятся к широкому размещению заказов на иностранных (в частности французских) предприятиях, объясняя это нежеланием российских элит «переступить» через интересы западного поставщика[192]. В реальности вряд ли французы были счастливы обеспечивать высокотехнологичными приборами союзника, ещё и в таком масштабе. Они были заинтересованы выступать в логике трансляции технического решения, переноса технологии, это было тем более актуально, что в 1916 году завалы грузов в портах Севера оставались не вывезенными, что снижало эффективность военной помощи союзников. Драматическую ситуацию в

[189] Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917). P. 65
[190] Ibid.
[191] SHD/T 5 N 139. Telegramme chiffre, 12 Juillet 1916.
[192] Данную историографическую дискуссию приводит в своей монографии В. Поликарпов. Русская военно-промышленная политика 1914-1917. С. 265-266.

том, что касается реальной поддержки авиации со стороны российского руководства, рисует генерал-квартирмейстер войск Гвардии Б.В. Геруа: *«Помощь нашей авиации вообще, а гвардейской в частности, была ничтожной. Мы слишком заметно уступали противнику в этой области и состязались с ним вяло, по мере наших нищенских сил и возможностей. Воздушная разведка, фотографирование и бомбардировки требовали разделения задач и большого числа аппаратов. Протягивая ножки по одёжке, авиация наша работала, постоянно прихрамывая, спорадически и универсально. Это была не военная авиация, а игрушка»*[193].

Оценивая состояние отечественной авиационной промышленности, генерал Жанен сообщал, что «завод «Гном» не дал за 6 месяцев ни одного мотора, моторы «Рон», запрошенные в ноябре 1915 года ещё далеки от готовности». Великий Князь отвечал, что моторы «Рон» могут быть изготовлены только через 8-9 месяцев после размещения заказа, поскольку существуют трудности с конструкционными материалами для них. В результате, «вместо 10 требующихся моторов в месяц, русская сторона могла сделать только 4». Пытаясь переломить печальную статистику, Жанен просил прислать французскую промышленность некоторые детали для сотни моторов «Рон»: поршневые кольца, рубашки цилиндров, роликовые подшипники, комплекты крепёжных деталей, карбюраторы[194].

Очевидно, что в связи с недостатком собственных комплектующих, Россия закупала во Франции двигатели «Испано-Сюиза» и «Рено», и Жанен даже предлагал передать русской стороне техническую документацию на изготовление самолёта «Ньюпор» с использованием поставляемых двигателей[195]. Но даже при деятельном участии французов в поддержке русской авиационной промышленности к ноябрю 1916 года не удалось выполнить программу по

[193] Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т.2. Париж, 1970. С. 127.
[194] SHD/T 5 N 139. Telegramme chiffre, 12 Juillet 1916.
[195] Ibid.

снабжению фронта самолётами даже на треть[196]. Более того, можно сказать, что в авиационной части французская миссия не смогла реализовать первоначальный замысел подобной деятельности, направленной на предоставление союзникам недостающих технических средств борьбы. Концепция, в рамках которой союзникам предоставлялась не готовая военная продукция, в которой нуждались сами французские вооружённые силы, а технологии её производства оказалась несостоятельной в силу чрезвычайной слабости отечественной авиационной промышленности. Даже деятельность миссии Пио, оказавшаяся относительно успешной, столкнулась с рядом непреодолимых технических трудностей. В России существовало развитое снарядное производство, и главной проблемой Пио было наращивание количества выпускаемой продукции за счёт снижения стандартов качества и привлечения к производству дополнительных мощностей частных заводов по французскому образцу. Тем не менее, например, изготовление детонаторных трубок так и не вышло до конца войны на уровень достаточный для того, чтобы отказаться от их ввоза из Франции. В случае же с авиационной промышленностью речь шла об организации массового высокотехнологичного производства фактически с нуля. Номинально большое количество самолётов в русской армии на 1914 год и наличие собственных оригинальных разработок на уровне мировых стандартов не должно вводить в заблуждение: решающую роль играла возможность стабильного и массового производства авиадвигателей. Между тем, корпуса самолётов Первой мировой войны были деревянными и сами по себе требовали лишь наличия деревообрабатывающих мощностей, но вместе с тем, были недолговечны: быстро ломались и изнашивались[197]. Главной и по сути единственной высокотехнологичной деталью самолёта того времени был двигатель. В результате довоенный самолётный парк был быстро потерян, а

[196] Поликарпов В. Русская военно-промышленная политика 1914-1917. С. 264.
[197] Хайрулин М., Кондратьев В. Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. М., 2008. С. 87-88.

возможности пополнять убыль и наращивать численность оказались сильно ограничены.

С другой стороны, несмотря на благожелательное отношение к авиации как к новому виду вооружённых сил со стороны императорской фамилии, французами отмечалось, что среди большинства русского офицерского корпуса и генералитета роль и значение авиации недооценивались. Сотрудник миссии пропаганды Пьер Паскаль вспоминал, как встречался с одним из авиаторов, сообщившим, что *«русские игнорируют наводку по данным авиаразведки: фотографии они делают, но не увеличивают, не переносят данные на карты… в конечном счёте, не пользуются этим. <…> Сейчас Люберсак налаживает такого рода службу»*[198]. Немногочисленный и не слишком современный русский самолётный парк не позволял французской авиационной миссии передавать опыт воздушных боев Западного фронта в полном объёме. В связи с этим, авиационная разведка и аэрофотосъёмка считались теми направлениями, которые были потенциально способны принести в данных условиях максимальный результат. Французские лётчики нередко отмечали и низкую подготовленность лётного состава Российской Империи: *«Российские авиаторы, которые, как правило, малоквалифицированны, не имеют ни малейшего представления о специальном обучении, которого требует война современного типа»*[199].

Примечательно, что особую благодарность командование 5-й армии выразило Люберсаку за организацию военно-голубиной почты: *«Более полутора года к штабу вверенной мне армии прикомандированы два офицера, лейтенанта: граф Люберсак и Гошэ. Принимая деятельное участие в работе штаба, как смелые и опытные летчики, они знакомили чинов штаба с методами работ, принятыми во французской армии. Приняли самое деятельное участие в создании при штабе 5 армии военно-голубиной почты и лично выработали для названной*

[198] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 94.
[199] Le lieutenant Georges Mayeur et la Mission d'Aviation en Russie (1917-1918) // Revue historique des armées. 1999. №3. P. 34.

почты проекты штатов и инструкции для обслуживания её чинов. Организация этого нового для русской армии дела – военно-голубиной почты, благодаря выдающейся энергии и распорядительности названных офицеров, может оказать в критические моменты боя очень важные услуги <…> Поэтому отозвание главных инструкторов и организаторов голубиной почты крайне нежелательно и может привести в расстройство это только что налаженное дело»[200].

В виду грядущего в 1917 г. наступления на русском фронте и необходимости его усиления, французской стороне представлялось необходимым не только оказать материально-техническую помощь (отправка самолётов, моторов), но и направить в Россию две эскадрильи. Ответственным за их формирование был капитан Берже[201]. Осмысляя деятельность авиационной миссии в России и те трудности, с которыми она столкнулась (проблема своевременной доставки запасных частей для самолётного парка, растянутые коммуникации и др.), Берже сформировал отчёт для генерала Жанена, в котором предложил организовать работу эскадрилий на иных началах. Берже выразил мысль о том, что должен полностью подчинятся генералу Жанену, но в том, что касается тактической части - штабу армии, при которой функционирует эскадрилья. Ремонтные мастерские было решено разместить в прямой доступности эскадрилий[202]. Не позднее 23 апреля 1917 г. 581-ая (командир - лейтенант де Гедон) и 582-ая эскадрильи (командир - майор Бордаж) прибыли в Киев. Если обратиться к её документообороту, в нем отсутствовал штемпель авиационной миссии, авиаторы были частью «Французской эскадрильи в России» - истребительной авиации в полосе 7-й армии[203]. Французские авиаторы принимали непосредственное участие в боевых действиях на Юго-Восточном

[200] SHD/T, 17 N 750. В. Болдырев – начальнику Французской военной миссии, 17 октября 1917 г.
[201] Павлов А.Ю. Русско-французское военно-техническое сотрудничество: французская авиационная миссия в России // Первая мировая война, Версальская система и современность. Вып. 3. СПб., 2015. С. 253-254.
[202] Le lieutenant Georges Mayeur et la Mission d'Aviation en Russie. P. 35
[203] РГВИА. Ф. 15304. Оп. 12. Д. 1. Л.6.

фронте, на Украине и в Галиции, совместно с русскими лётчиками[204], некоторые из французских пилотов погибли[205].

В тесной связи с авиаторами работала ***миссия радиотелеграфа*** под руководством Анри-Луи Пенсмена, приехавшая в Россию весной 1916 года. Капитан Пенсмен должен был оценить технические возможности радиотелеграфной службы, и, разумеется, «продемонстрировать, что можно осуществлять не только радиоперехват, но и прослушивать телефонные разговоры противника». Для демонстрации возможностей современной аппаратуры, необходимо было получить разрешение Ставки на присутствие в любой русской армии[206].

В мае 1916 года Пенсмен неутешительно отзывался о возможностях русской радиотелеграфной службы. Он констатировал, что она находилась «в зачаточном состоянии», полученные телеграммы никак не проверялись, оснащение было среднего качества, а сотрудники, хоть и были технически подкованными, не имели достаточной практики[207]. Совместно с главой шифровальной миссии Анри Оливари они пытались наладить прослушивание телефонных разговоров на позициях 152-го и 66-го пехотных полков, но в обоих случаях их ждала неудача. Всякая попытка прослушать разговоры противника заканчивалась тем, что прослушивались переговоры на русских позициях. По итогам проверки Оливари отчитывался, что возможных причин неудачи может быть две: либо немцы используют двухпроводные телефонные линии либо соблюдают жёсткую инструкцию по молчанию. Впоследствии подтвердились технические меры безопасности, принятые немцами: во-первых, немецкие кабели на переднем крае были двухпроводными, в отличие от русского полевого кабеля, в то время как в

[204] Павлов А.Ю. Французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. С. 38
[205] Список погибших авиаторов доступен на сайте: http://albindenis.free.fr/Site_escadrille/Detachement_Russie.htm
[206] Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie (1916). P. 135.
[207] SHD/T, 7 N 758. Resume des visites de postes de T.S.F. et des experiences faites par la Mission d'etudes de radio-telegraphie. Petrograd, le 10/23 Mai 1916.

тылу подобных предосторожностей противник не предпринимал, во-вторых, немцы использовали воздушные и подземные кабельные линии[208].

В июне 1916 года миссия Пенсмена работала в Киеве при Великом Князе Александре Михайловиче, налаживая использование радиосвязи в авиации. Их целью было продемонстрировать Управлению военно-воздушного флота пример корректировки огня (пристрелки) французскими пилотом и наблюдателем на самолёте, оборудованном последней моделью радиостанции и установить радиостанции марки SFR на самолёты[209]. Пенсмен отмечал, что по итогам учений «вопросы корректировки были затронуты незначительно, в основном, внимание Александра Михайловича было приковано к TSF[210]».

Отставание России в сфере радиосвязи от Франции Пенсмен оценивал следующим образом: *«по вопросу качества устройств – на 6 месяцев, по вопросу количества – больше года»*, современными радиостанциями, по его мнению, было оборудовано не более пятидесяти русских самолётов.

Руководитель Эвиденцбюро [211] Максимиллиан Ронге в своей работе «Разведка и контрразведка» неоднократно упоминал о той лёгкости, с какой австро-венгерские разведывательные органы и военные подразделения на протяжении 1914-1916 гг. перехватывали и дешифровали сообщения, передаваемые русскими по радиотелеграфу[212]. Даже смена шифра не критически осложняла работу австрийских специалистов: «русские, привыкшие к шаблону, придерживались привычной им шифровальной рутины»[213], что, в конце концов, способствовало скорому раскрытию шифра противниками.

В марте 1916 года военный министр Франции дал согласие на организацию в Петрограде ***шифровальной службы*** под руководством подполковника Анри Оливари. Когда Оливари отправился в Россию, ему было 48 лет, он считался

[208] Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie (1916). P. 222-227.
[209] SHD/T, 7 N 759. 2e rapport du capitaine Pincemin. Mission d'etudes radiotelegraphique en Russie.
[210] **TSF** – telegraph sans fil (беспроволочный телеграф) - радиостанция
[211] **Эвиденцбюро** – Управление военной разведки Австро-Венгрии
[212] Ронге М. Разведка и контрразведка. СПб., 2004. С. 114.
[213] Там же. С. 126.

талантливым шифровальщиком. В его задачи входило «познакомить русских с шифром» [214] , организовать изучение радиограмм германских полевых радиостанций, принимаемых французской радиотелеграфной миссией Пенсмена. Вместе с Оливари был направлен лейтенант Ренар[215]. По возвращению Анри Оливари составил воспоминания, основой которых послужили его путевые заметки, сделанные непосредственно в России. Очень многое в них посвящено не криптографии и особенностям его профессиональных обязанностей, а быту, культуре, отношениям между французскими представителями.

История миссии криптографов началась с передачи помощнику военного атташе Верлену из Франции Службой военных шифров Франсуа Картье ключа для расшифровки немецких сообщений[216]. Верлен занимался этим вопросом так тщательно, как мог – будучи единственным помощником де Лагиша, он не имел возможности полностью посвятить себя деятельности по перехвату немецких радиограмм, хотя русская сторона (главным образом, генерал Беляев), явно заинтересовавшись вопросом дешифровки вражеских сообщений, настойчиво требовала от него работы в этом направлении.

Французское руководство запретило передавать русским любые указания относительно методик, используемых немцами, оно требовало направлять расшифрованные ключи в Париж, и уже Париж решал, что именно передать русскому Генштабу[217]. Так, миссия была полностью автономной и должна была соблюдать режим секретности, министром предписывалось не допускать иностранных служащих к их деятельности, в русский штаб должны уходить готовые переводы. Только военный министр сможет *«предписать форму и содержание сообщений, которые надо сделать русским относительно ключа»*.

[214] Так говорит сам Оливари, впрочем, русские, что называется, «были знакомы с шифром» задолго до 1916 и следовало бы говорить скорее о повышении уровня шифровального и дешифровального дела в России, сообразно стандартам Франции, бывшей в то время в этой области одним из лидеров.
[215] SHD/T, 7 N 759. Le Ministre de la Guerre à M. Lieutenant-Colonel Wehrlin pour Lieutenant-Colonel Olivari (5 Mai 1916)
[216] Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie (1916). P. 85.
[217] Ibid. P. 86-87.

Подобная практика вызвала недоумение, как у Оливари, так и у главы французской миссии генерала Жанена, ведь англичанам они беспрекословно передавали ключи, методики и расшифровки. Насколько позволяют судить воспоминания Анри Оливари, он все же сообщал русским ключи для дешифровки, не имея на то санкции Парижа. Его поддержал Морис Жанен, предписавший шифровальной миссии работать вместе с русскими офицерами в духе доверия и сотрудничества[218].

Сам Оливари понимал свою миссию в России следующим образом: он считал необходимым реорганизовать систему прослушивания телефонных переговоров противника и радиоперехвата, отрегулировать её, наладить анализ полученной информации с дальнейшей передачей в Петроград: *«Это была гигантская работа, осуществлявшаяся не во Франции, но на огромном фронте, у совершенно других людей, которые были не опытны в этом деле и сваливали все на легендарную инертность»*[219].

Миссия Оливари изначально полагалась как временная, однако по прибытию в Россию, с началом работы вверенной ему миссии, обнаружились сложности. В начале ноября Жанен написал руководству критическое письмо о желательности скорого удаления Оливари в виду его некорректного поведения и малой эффективности как сотрудника в области дешифрования: *«В деле оценки миссии, с которой сюда был направлен Оливари, большого прогресса не произошло <…> Если вы считаете необходимым вернуть его сюда, то должно быть решено, что он будет заниматься исключительно дешифровкой, тем, чем он занимался относительно мало: он использовал вопрос радиотелеграфа, чтобы выезжать на фронт и вмешиваться в работу Пенсмена. Он объявил, что собирается занять положение, аналогичное положению Рампона, заменить подполковника Лаверня, и т.д.»*. Жанен также обращал внимание на его

[218] Ibid.
[219] Ibid. P. 127.

нелестные отзывы в адрес французского руководства, которые он не стеснялся озвучивать публично, в том числе, при русских[220]. Между тем, если дать слово главе шифровальной миссии, в мае 1916 г. он поясняет мотивы своей деятельности, что *«вопрос шифра хоть и должен был занять несколько недель, все же был неразрешим пока не будет ясности по вопросу с радиоперехватом»* [221] . Судя по всему, в это время Оливари увлёкся экспериментами капитана Пенсмена по перехвату телефонных переговоров и радиограмм в расположении 5-й армии и оставил в Петрограде лейтенанта Ренара, который, по всей видимости, по инициативе русского Генштаба работал над созданием учебного отдела дешифровки [222] . Анри Оливари был человеком амбициозным, претендовавшим на лавры легендарного французского шифровальщика полковника Франсуа Картье, или, по крайней мере, считал себя ни в чем ему не уступавшим.

Конфликтная ситуация внутри миссии нашла отражения и в воспоминаниях шифровальщика – он дал Жанену, Лаверню и Ланглуа весьма желчные характеристики. Впоследствии, по сведениям французской исследовательницы Софи де Ластур, Анри Оливари будет убеждать Николая II отречься от престола, а после формирования Добровольческой армии уедет работать в расположение Антона Деникина[223].

Успехи коллеги Пенсмена вдохновили его принять решение поддержать его работу в пределах штаба армии. В качестве полигона для прослушивания телефонных переговоров была избрана 5-я армия генерала Гурко, в которой уже не в первый раз испытывались новые методы борьбы с противником: как уже упоминалось, в рядах 5-й армии налаживал аэрофотосъемку Люберсак. Более того, Оливари по собственной инициативе принял решение «объединить два в

[220] SHD/T, 7 N 1545. Copie de Telegramme Chiffre, le 4/11/16.
[221] Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie (1916). P. 135.
[222] SHD/T, 17 N 570. Rapport. Petrograd, le 31/13 Juin 1916.
[223] De Lastours S. Avant-propos // Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie (1916). P. 16.

одном» и принялся работать на ниве радиоперехвата также в полосе действия 5-й армии, параллельно опытам Пенсмена с телефонной прослушкой.

Представляется нелишним привести обширную цитату Оливари о состоянии русской службы радиоперехвата и результатах его деятельности у генерала Гурко:

«Пятая армия располагала тремя хорошо оснащёнными постами с немецким оборудованием [224] . Один из этих постов был предназначен для обеспечения радиотелеграфной связи между станциями других русских армий; второй занимался радиоперехватом немецких станций, последний был занят радиопеленгацией. Но со временем один из них тоже принялся за радиоперехват.

Таким образом, существовала очень насыщенная сеть, благодаря которой никакая из немецких передач не ускользнула бы. Чтобы судить о ней, мы запросили у полковника, начальника TSF, протоколы прослушивания с трёх постов 5 армии: Двинск-1, Двинск-2 и Опса (находилась в 40 километрах от Двинска). За период с 1 по 14 июля, было идентифицировано 143 немецких радиограммы, первая станция приняла, более или менее хорошо 88, вторая зарегистрировала 89, что же до третьей, располагавшейся в Опсе, в протоколе фигурировало 79 радиограмм.

Первый вывод: русские «слушают» недостаточно.

Качество прослушивания оставалось средним, в действительности из 143 радиограмм, только одна была получена сразу тремя станциями и ещё девять – двумя из них.

Второй вывод: русские «слушают» плохо.

Эти радиограммы, отправленные в Псков, были изучены с большей или меньшей быстротой и более или менее тщательно, они были переписаны на латинице, зашифрованы и отправлены потом Верленом в Париж.

[224] Скорее всего, имеются в виду немецкие аппараты Telefunken, широко использовавшиеся в России ещё до войны

Процент радиограмм, над которыми была проведена работа на месте, составляет порядка 32%»[225].

«С 4 по 9 августа, в новом докладе было показано, что 60% радиограмм теперь можно использовать, некоторые из которых были даже одинаково приняты тремя постами».

«Для того, чтобы наша организация была полноценной, я добавил, что будет необходимо создать главный пост со стратегическим значением на Северном фронте, для координации действий всех радиостанций фронта»[226].

Сомнительно, что миссия дала хорошие результаты. Инспектировавший 5-ю армию полковник Рампон в конце октября 1916 года отмечал, что телефонная связь плохо организована и плохо защищена[227]. Вряд ли можно предполагать, что при сложностях с организацией собственной связи, наши войска демонстрировали оглушительные успехи в прослушивании телефонных переговоров противника.

Интенсификация французских и английских поставок военных материалов в Россию требовала их своевременной доставки в промышленность и на театры военных действий, что было возможно только при отлаженной логистике. Своим известным высказыванием «Россия уподобилась заколоченному дому, в который можно было проникнуть только через дымовую трубу» [228] генерал Головин охарактеризовал сложившееся в результате блокады положение, существенно осложнившее вопросы транспортировки поступавших от союзников военных материалов. В центре внимания отныне была пропускная способность железных дорог внутри страны, состояние железнодорожной и морской инфраструктуры в целом. Известно, что наиболее густая сеть железных дорог приходилась на Центральную Россию и западные губернии, в то время как Север и Дальний Восток значительно уступали по этому показателю. Например, основной

[225] Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie (1916). P. 215-216.
[226] Ibid. P. 217
[227] SHD/T, 7 N 758. Notes sur l'armee Russe. Colonel Rampont. Novembre 1916.
[228] Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. Т.1. С. 62.

северный порт Архангельск был связан с остальной территорией страны единственной узкоколейной веткой.

Кризис снабжения в условиях блокады Российской Империи стал осознаваться французами с весны 1915 года. Вышеупомянутые проблемы с состоянием железных дорог обозначил генерал По во время своей первой поездки в Россию. Тогда это ещё не вызывало серьёзной тревоги, однако со временем проблема стала все чаще звучать на страницах рапортов военного и военно-морского атташе, офицера связи. В середине декабря 1915 года военно-морской атташе Жан-Жюль Галло[229] докладывал Морскому министерству Франции, что возможность России возобновить наступление напрямую зависит от своевременных поставок винтовок, пушек, военных материалов, но доступ в порт Архангельск чрезвычайно затруднён и «более сотни пароходов на сегодняшний день ожидают разгрузки»[230].

В июне 1916 года в Россию из Парижа направился майор Делален из 4 бюро Генштаба. Пьер Паскаль вспоминал о нем как о первоклассном специалисте в области военной логистики: *«Это он в Генштабе готовил транспортировку для Восточного Экспедиционного Корпуса и Восточной Армии. Экспедиция была организована за восемь дней; в воскресенье 20 февраля его вызвали на совещание в морской Генштаб, а 2 или 3 марта 1-я дивизия высадилась с заправленными автомобилями и провиантом на месяц! Он не потерял ни единого судна <…>. Даже транспортировка сербской армии не стоила ни единого человека»*[231].

На высшем уровне отправку Делалена запросило российское правительство после визита Вивиани и Тома. Параллельно необходимость организации железнодорожной миссии обсуждалась между военным атташе Лавернем и

[229] **Жан-Жюль Галло (1870-1928)** – впервые появился в России в 1905 г. в качестве помощника консульского агента в Евпатории. Владел русским языком. С 1912 г. – назначен на пост военно-морского атташе в Санкт-Петербурге. Кавалер Ордена Почетного легиона. В России вел энергичную деятельность: помогал облегчить работу артиллерийской миссии Пио, занимался реконструкцией инфраструктуры Севера и перевозкой военных материалов в Центральную Россию, организовывал перевозку русских бригад во Францию.
[230] SHD/M, SS Eb 115. Le Capitaine de Frégate Gallaud, attache naval à l'Ambassade de France à Monsieur le Ministre de la Marine, Petrograd, le 14 Decembre 1915.
[231] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 86-87.

генералом Беляевым. Беляев считал желательным присутствие в России *«в течение 2-3 месяцев нескольких офицеров, которые изучили бы возможности узла Архангельск-Петроград-Москва, чтобы развивать архангельские порты, а также узла Донбасс-Москва-Петроград для налаживания снабжения Севера углем и металлом»*[232].

Делалену планировалось придать помощника, инженера путей сообщения (им стал капитан Анри-Греар), основная задача соответствовала уже упомянутым договоренностям между Лавернем и Беляевым. Если говорить шире, в идеале, Делален должен был дать рекомендации Генштабу и военному министерству по поводу эффективной организации железнодорожных перевозок и работы тыловых служб[233].

В рапорте от 23 июля (5 августа) 1916 г. об эксплуатации порта Архангельск и обслуживающих его железнодорожных путей Делален обозначил основные проблемы их использования и наметил основные пути их решения. Так, он советовал усилить, подкрепить рабочую силу, которая на сегодняшний день является неэффективной, увеличить пропускную способность железной дороги от Архангельска, создать единый орган, который будет заниматься разгрузкой, погрузкой, хранением и транспортировкой материалов (Делален констатировал равнодушие перевозчиков, призванных заниматься транспортировкой своих грузов, а также равнодушие архангельских чиновников), усилить присутствие «военных рабочих рук»[234]. Известно, что железнодорожная миссия посетила строящуюся Мурманскую железную дорогу

14 декабря 1916 года Жанен писал в Генеральный Штаб, что не видит более смысла в деятельности железнодорожной миссии, так как *«…эти результаты - единственные, чего можно было достигнуть, поскольку здесь нельзя надеяться на улучшение в будущем; генеральный штаб не проявил никакой инициативы в*

[232] SHD/T, 5 N 139. Telegramme Chiffre. 10 Juin 1916.
[233] SHD/T, 17 N 570. Ordre de Mission. Paris, le 22 Juin 1916.
[234] SHD/T, 5 N 139. Rapport du commandant Delalain en Mission en Russie (23 Juillet / 5 Août).

дальнейшем использовании Миссии»[235], в начале января 1917 года Делален и Греар покинули Россию.

Сходную задачу, только в более локальных масштабах, выполняла миссия капитана дю Кастеля[236], прибывшая в Архангельск в марте 1916 г. для изучения технического оснащения и возможностей портов Севера в тесном взаимодействии с русскими инженерами, наблюдения за ходом строительства транспортных развязок, а также вопросов, связанных с транспортировкой военных материалов в Центральную часть России и Румынию. К декабрю 1915 года в Архангельске скопилось огромное количество грузов, которые в виду малого количества сараев, беспорядочно лежали на открытом воздухе под снегом. Эти импровизированные «склады» покрывали десятки гектаров вокруг пристани и в виду хаотичного расположения вызывали сложности при их изъятии с площадки[237]. К моменту приезда дю Кастеля в Россию в районе порта находилось более 370 тыс. тонн грузов, а с учётом ожидавшегося в 1916 г. увеличения оборота порта, необходимо было подготовить территорию для новых поставок[238]. Причиной существовавших залежей грузов была, в частности, недостаточная техническая оснащённость архангельского порта. Дю Кастель указывал, что открытых складских площадок в порту недостаточно, что уже существующие площадки будут очень быстро заполняться и разгружать новые корабли станет невозможно: *«неэффективные разгрузочные мощности – основная причина задержки поступления материалов на фронт или на склады»*[239].

Порт Александровск[240] не представлял большого значения в виду своих небольших размеров и окружающей местности – к нему не подходила ни

[235] SHD/T, 16 N 2961. Copie d'un Télégramme du Général Janin, le 14 Decembre 1916.
[236] **Этьен-Мари-Поль дю Кастель** (род. 1883) – в прошлом инженер мостов и дорог в Бурге и Дюнкерке, капитан тыловой службы.
[237] Варнек П.А. Русский Север в Первую мировую войну // Первая мировая война на Европейском Севере России глазами ее участников и современников. Архангельск, 2014. С. 51.
[238] Бодров А.В. Доставка военных грузов через порты Севера России. С. 446.
[239] SHD/M, SS Eb 115. Port d'Arkangel. Insuffisance du programme russe d'evacuation et encombrement de terre-pleins. Rapport du Capitaine Du Castel (26 mai 1916).
[240] Ныне г. Полярный.

железная дорога, ни даже хорошая просёлочная, в связи с чем союзники были вынуждены вывозить оружие из Александровска на санях, запряжённых оленями - этой работой руководил французский военно-морской атташе Жан Галло[241]. В гораздо более выгодном положении, по заключению дю Кастеля, находилась Семенова[242], пригодная для развёртывания инфраструктуры и организации службы в виду прилегающей к ней железнодорожной линии[243], работа в этом порту осенью 1916 года также была поручена капитану дю Кастелю[244]. Охранение портов Севера, по мнению французского офицера так же оставляло желать лучшего: *«В Александровске – одна лёгкая противоторпедная сеть; в Семенове – стальная противолодочная сеть, установленная ровно в половину необходимой ширины; несколько малокалиберных орудий разбросаны по берегу. Меры активной защиты предприняли только англичане»*[245].

Впрочем, первоочередной задачей дю Кастеля было налаживание транспортных потоков, идущих с Севера, и, конечно, организация вывоза огромных скоплений грузов, образовавшихся благодаря невысокой пропускной способности линии Архангельск-Вологда. В связи с этим он обращал внимание Парижа и Петрограда на недостаточность грузовых судов, курсирующих по Двине, и подвижного состава на архангельской железнодорожной ветке, способного поддерживать ежедневный трафик в 500 вагонов. Вопрос о расширении железнодорожного парка был, пожалуй, самым сложным: для полного использования пропускной способности только главных магистралей страны не хватало 2 тыс. товарных паровозов и 80 тыс. товарных вагонов[246]. Кроме этого, дю Кастель направил ряд рекомендаций по налаживанию более эффективного процесса разгрузки и отправки: классификация поставок по

[241] Salkin-Laparra G. Marins et diplomats. Les attachés navals 1860-1914. Paris, 1990. P. 232.
[242] Ныне территория Мурманска.
[243] SHD/T, 5 N 139. Rapport du Capitaine Du Castel sur la situation de materiel de guerre dans les ports russes de l'Ocean Glacial et sur l'etat de ses ports (le 1 Mai 1916).
[244] SHD/M, SS Eb 115. Copie d'un télégramme chiffré. De Pétrograd le 24 Septembre 1916 du Colonel Langlois.
[245] SHD/T, 5 N 139. Rapport du capitaine Ducastel sur la presence d'une mission anglaise à Arkhangelsk (le 13 Mai 1916).
[246] Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 569.

срочности, четкое разделение на английские, американские и французские поставки (с этой целью дю Кастеля было предложено ввести в состав регулирующей комиссии занимающуюся опознанием и выгрузкой французских материалов), расширение складских площадок с подводкой к ним железнодорожной ветки[247].

Судя по всему, интенсифицировать поставки по линии Архангельск-Вологда удалось: в августе 1916 года пропускная способность пути составила 520 вагонов в сутки[248], а в «Программе снабжения России в зимнюю кампанию 1916-1917 гг.», указывалось, что текущий трафик планируется увеличить до 700 вагонов ежедневно[249], однако осуществить это на практике не удалось ни в зимнюю кампанию, ни в летнюю кампанию 1917 г.[250]

Как указывает А.Ю. Павлов, все возрастающее число французского персонала стало тревожить российское руководство и оно требовало, чтобы все прибывающие французские военные представлялись начальнику Генштаба в Петрограде и сообщали о целях своего визита[251]. Некоторые офицеры Третьей республики в отсутствии поддержки со стороны России были вынуждены вернуться домой во Францию, как, например, случилось с миссией оружейной и пулемётной подготовки: *«Их появление здесь не было ожидаемым и вызвало тысячу трудностей, которые могут быть решены только их отправкой во Францию»*[252].

Помимо необходимости предоставления военно-технической и материальной помощи союзнику, Жанен осознавал возрастающую роль пропагандистской деятельности, в связи с чем в июне 1916 года он потребовал присылки новых офицеров в миссию, чтобы безболезненно перевести часть

[247] SHD/M, SS Eb 115. Port d'Arkangel. Insuffisance du programme russe d'evacuation et encombrement de terre-pleins. Rapport du Capitaine Du Castel (26 mai 1916).
[248] Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 599.
[249] SHD/M, SS Eb 115. Programme du ravitaillement de la Russie pendant l'hiver 1916-1917 par les ports de la Mer Blance et de l'Ocean Glacial.
[250] Бодров А.В. Доставка военных грузов через порты Севера России. С. 466, 469.
[251] Павлов А.Ю. Французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. С. 36-37.
[252] SHD/T, 16 N 2960. Le Général Janin, Chef de la Mission à Monsieur le Ministre de la Guerre (10 Septembre 1916)

своего персонала в службу пропаганды майора де Шевийи. Так, например, из вспомогательного отдела (Bureau Annexe) 2 бюро миссии, туда перекочевал Пьер Паскаль[253].

В энциклопедии «La Grande Guerre» утверждается, что Первая мировая война породила новую систему управления общественным мнением: если прежде государство придерживалось «прагматической линии» в ведении пропаганды и цензуры, т.е определяло что скрывать, и что заявлять, то к середине Великой войны Третья республика пришла к пониманию, что цензурные требования реализуются лишь в военной и дипломатической сферах, охватывая малую толику всего информационного потока. В 1916 году депутат Поль Менье определил смысл и значение нового понятия - «информационной системы», архитектура которой представляла собой совокупность цензурных бюро, органов военной и гражданской пропаганды, почтовых комиссий, производивших необходимый информационный контент («ограниченный и неточный») посредством штата военных журналистов и, контролируя деятельность бумажных изданий через информационные агентства [254] . Трансформация системы управления и формирования общественного мнения явилась закономерным следствием феномена «тотальной войны». Практика национальной мобилизации предполагала и мобилизацию национального сознания, духа, что оказывало существенное влияние на конструирование образа врага и союзника[255].

К началу 1916 года французская пропаганда наладила исключительно тесную работу с прессой: военная миссия передавала через Бюро Печати заметки в газеты, самостоятельно совершала рассылку французских газет в различные издания, активно сотрудничала с консульским аппаратом и издавала брошюры новостей с фронта. Военный атташе Лавернь регулярно направлял в Париж отчеты об опубликованных в русской прессе материалах, подробно описывая,

[253] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 62.
[254] Forcade O. Information, censure et propagande // Encyclopedie de la Grande Guerre. P. 426.
[255] Поршнева О.С. Союзники глазами русского общества … С. 17.

какие именно статьи (о чем) и в каком номере были изданы. Опираясь на его отчеты, можно сделать вывод, что в основном французы направляли свои материалы в газеты «Русское слово», «Речь», «Петроградский листок», «Новое время», «Правительственный вестник» и «Биржевые ведомости» [256]. Однако подобная организация по-прежнему осознавалась Ланглуа как недостаточная, о чем он телеграфировал в Париж[257]. В этом контексте английская пропаганда послужила для французов своего рода толчком к реформированию собственной информационной системы. Одной из ярких попыток переломить негативный тренд стало привлечение видных отечественных журналистов. Так, Ланглуа предложил отправить на французский фронт корреспондента Василия Ивановича Немировича-Данченко из «Русского слова»[258]. Ставка на «Русское слово» не была удивительной, механизм ее функционирования был одним из наиболее передовых, сеть корреспондентов покрывала всю Россию, а передача информации была самой быстрой. Более того, издатель Иван Сытин не скупился на привлечение наиболее одаренных писателей для своего «детища». Газета была дешевой и доступной[259]. Пьер Паскаль привел в своем дневнике любопытную статистику: один московский тираж «Русского слова» был сопоставим с совокупным тиражом восемнадцати самых ходовых петроградских газет: 739 тыс. против 1 млн. 227 тыс.[260]

Решением проблемы стал проект создания Службы пропаганды Франции, во главе которой должен был встать гражданский служащий с прекрасным знанием русского языка и обладающий связями в журналистских кругах [261]. Акцент в работе службы пропаганды приходился на активную работу в печатных

[256] Напр.: SHD/T, 7 N 758. Propagande, 23 Septembre / 10 Octobre.
[257] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa Cinquieme Mission en Russie (9 Janvier 1916)
[258] Ibid. Поездка во Францию состоялась не ранее марта 1916 года, после визита в Англию. Об этом свидетельствует К. Чуковский, отказавшийся от визита к французам: «…я поспешил к товарищам; выяснилось, что я и Набоков возвращаемся в Россию через недели две, а Немирович, Толстой, Егоров и Башмаков едут на французские позиции». См.: Чуковский К. Из переписки с женой (1904-1916). URL: http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/jena.htm (дата обращения: 15.10.2016)
[259] Казакова Н. Медиа-магнат Иван Сытин // Россия XXI. 2014. № 5. С. 101-104.
[260] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 142.
[261] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa Cinquieme Mission en Russie (9 Janvier 1916).

изданиях. На этом пути французы неоднократно встречались с трудностями: не все их материалы уходили в печать, потому что отбраковывались цензурой. Доходило до того, что корреспонденты французских изданий сталкивались с проявлениями жёсткой цензуры почтовых и телеграфных служб, не имея возможности отправить материалы во Францию и таким образом осветить в своей национальной прессе визит министра вооружений Альбера Тома в Россию[262]. Отмечалось и откровенное недоброжелательное отношение в русской прессе: в «Экономических новостях» вышла популистская статья профессора Мигулина[263] «Верден и ход военных событий», объясняющая читателю сколь незначительны были сосредоточенные немцами под Верденом силы и понесённые потери, а также низкое значение Вердена как стратегического узла. Эта статья наделала много шума не в малой степени потому, что ей было посвящено как минимум две колонки опровержения в популярной газете «Новое время»[264].

Представляется вероятным, что попыткам сформировать позитивный образ Франции как союзника препятствовала политика Российской Империи в отношении печати: государство не имело сколько-нибудь популярного собственного органа пропаганды, прибегала к помощи частников, которые не всегда стремились поддержать государство: *«…Печать, как могущественное орудие пропаганды, безвозвратно утеряна для правительства, так как казенная печать играет жалкую роль и не оправдывает затрачиваемых на нее средств»*[265], в этой ситуации французская военная миссия была вынуждена самостоятельно контактировать с частными СМИ и «бороться» с цензурными комитетами. Можно предположить, что в виду захиревшей и невостребованной государственной печати правительственные круги Российской Империи прибегали к помощи частного издателя и формировали умонастроения (в том

[262] Ibid.
[263] **Петр Петрович Мигулин** - действительный статский советник, с 1914 г. – член Совета министерства финансов.
[264] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa sixième mission en Russie (17 Juin 1916).
[265] Цит. по: Трофименков М. Умирающий лебедь. Первый русский фильм ужасов. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2906087 (дата обращения: 15.10.2016)

числе и по отношению к союзникам) с помощью цензурных ограничений. Представитель французской дипломатии Робер де Кэ утверждал, что фактически в русской прессе не существует недоброжелательности по отношению к французам – она охотно публикует французские материалы. Проблема заключается в непонимании российским руководством причин неподвижности западного фронта[266].

Решить проблему майор Ланглуа предложил путем качественной реорганизации аппарата пропаганды: он счел необходимым сформировать в Петрограде Комитет по управлению пропагандой, который будет руководить и определять вектор работы Службы пропаганды в контексте формирования общественного мнения в России и механизмов воздействия на него.

Комитет в итоге был сформирован и получал инструкции от французского МИД, будучи подотчётным послу[267]. Так дело пропаганды в России для Третьей республики перешло из разряда вспомогательных инструментов французского военного представительства в России в дело государственной важности. Можно сказать, что миссия пропаганды была единственным подразделением в составе французской военной миссии, которое действовало не в целях помощи России, но обслуживало непосредственно интересы Франции.

В состав назначались: уже знакомый нам Франсуа де Шевийи, «весьма деятельный и интеллигентный человек, обладающий обширными связями в деловых, политических и журналистских кругах», г-н Патуйе, директор Французского института в Петрограде, г-н Легра, представитель военного атташе и представитель издательского дома «Ашетт» г-н Лабуре. Спецификой данной миссии стало то, что впервые были своеобразно диверсифицированы функции каждого ее сотрудника: Лабуре и Шевийи работали с пресс-службами и формировали пропагандистские брошюры, как специалисты, имеющие

[266] AMAE, Berthelot Philippe. Service de propagande, Russie (nov. 1915 - fev. 1917).
[267] Ibid.

соответствующие связи и опыт издательского дела. Патуйе, как «университетский человек» вел пропаганду в научных кругах. Подобный проект соответствовал основным тенденциям оформления информационно-пропагандистской системы во Франции: еще в 1915 году для работы с общественным мнением стали привлекаться ученые, интеллектуалы, представители мира искусства. Париж должен был предоставлять в распоряжение Комитета все необходимое: фильмы, снимки, резюме иностранной печати, свежая французская пресса. Миссия пропаганды, в свою очередь, проводила аналитику общественного мнения и прибегала к помощи и содействию всех французских организаций на территории России. Венцом работы этой миссии должна была стать организация двуязычной большой французской газеты» в Петрограде: *«В этой стране снобизма и избыточного самолюбия нет газеты, обладающей приличной светской рубрикой, учитывая русское тщеславие, газета, сообщающая, например, что такой-то или такой-то офицер был ранен и находится на излечении в определенном госпитале (и все прочие светские новости), несомненно, в короткие сроки приобрела бы большое количество подписчиков, будь эта газета хорошо представлена, и не в неряшливой форме русских газет, где все перемешивается без какого-либо смысла, и где один и тот же заголовок представляет разную информацию, никак не связанную между собой…»* [268] . Отмечалось, что издание должно быть двуязычным как, например, «Нью-Йорк Геральд».

В июле 1916 года полковник Лавернь писал в Военное министерство, что в качестве бенефициара французской газеты можно рассматривать известного банкира Рубинштейна – владельца «Новой газеты» и впоследствии, в 1916 году, купившего «Биржевые ведомости». Лавернь отмечал, что его деятельность в сфере масс-медиа всякий раз терпела неудачи, но его финансовое влияние неоспоримо: он владел большинством акции банка Юнкер и русско-французского банка, но не оставил надежды основать свою газету, о чем сделал предложение

[268] SHD/T, Rapport du Commandant Langlois sur sa Septieme Mission en Russie (30 Novembre 1916)

французам еще в конце 1915 года. По итогам сообщения Лавернь делает интересный вывод: *«В этих обстоятельствах было бы правильным избежать создания г-ном Рубинштейном органа, который мог бы подрывать французскую идею, а не поддерживать ее»*[269].

Нередко миссия просила прислать статьи для русской печати на специально оговоренные темы: так, 2 (15) июня 1916 г. были затребованы материалы по русско-французским отношениям, специфике организации военных ведомств, истории оружия, авиации, Красного креста, вопросам снабжения, военно-инженерного дела во Франции, эффективности немецкой обороны (чтобы продемонстрировать всю тяжесть ситуации), и др.[270]

Информационно-пропагандистская система Франции и России отличались: если французская система в условиях военного времени характеризовалась цельностью и единством, ее пресс-службы централизованно, под контролем государства, получали материал для работы и имели возможность интерпретировать его в рамках существующих цензурных ограничений, то в России не существовало единого центра печати. Созданное по проекту Михаила Лемке Бюро Печати, призванное предоставлять редакциям газет проверенную информацию, практически бездействовало[271]. Государственные издания служили плохим примером – у них была малая аудитория, многие из них стремительно закрывались[272]. В отсутствии «пресс-проекта», который бы задавал тон газетному делу, слабого контроля правительства над печатью, в России «расплодилось» порядка 60 только военных газет и журналов[273]. Этими частными каналами пользовались как представители определённых профессиональных групп (например, французская миссия), так и представители государства. Таким

[269] SHD/T, 7 N 758. Note relative a la propagande en Russie (21 Juillet 1916)
[270] AMAE. Berthelot Philippe, Service de propagande, Russie (nov. 1915 - fev. 1917).
[271] Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века: учебное пособие. URL: http://www.evartist.narod.ru/text1/84.htm (дата обращения: 25.10.2015)
[272] Гужва Д.Г. Военные газеты и журналы в годы Первой мировой войны как основное средство информирования русской армии // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политик и поэтика. М., 2013.
[273] Там же. С. 546.

образом, системного единства, столь необходимого в условиях войны, в позициях множества редакций не существовало (по всей видимости, это и создавало иллюзию недоброжелательности к французам). Отсутствие контроля над печатью и умения ей воспользоваться со стороны государства стало одной из составляющих его краха, а также давало возможность Франции воспользоваться ситуацией в своих интересах: в ближайшем будущем миссия, сменив вектор пропаганды с «союзнического» на антибольшевистский, развернёт активную деятельность во время Революции.

В то же время, пытаясь сделать свою деятельность более эффективной, миссия пропаганды прирастала новыми отделениями, все глубже проникая в толщу русской жизни и привлекая к сотрудничеству многочисленные организации гражданского толка. Например, в сентябре 1916 года был предложен проект создания «Французского бюро информации», впоследствии успешно претворенного в жизнь, о чем свидетельствуют соответствующие графы в расходах службы пропаганды в 1917 году: на нее выделялись средства. Бюро информации по сути дела замыкала на себя всю просветительско-пропагандисткую деятельности в России, которую вели подразделения Альянс Франсез в центре страны и регионах, французские библиотеки, Петроградский институт и др. Многие сотрудники службы пропаганды, представители финансово-промышленных кругов являлись аффилированными лицами созданной 21 июня 1916 г. ассоциация «Франция – Россия». Ее президентом являлся Эдуард Эррио, а сама комиссия была частью более крупного образования, т.н. федерации «Франко-заграничное сотрудничество» (Amitiés Franco-Etrangères), образованного в 1913 году. Согласно статуту ассоциации, ее задачей было поддержание с Россией экономических, политических и культурных связей [274]. Содержание программы ассоциации позволяет понять цели, которые преследовали ее организаторы: упрочение франко-русских экономических связей в противовес

[274] AN, 62AJ/66. “France-Russie”, programme.

аналогичному германскому влиянию, в том числе для защиты французских интересов в регионе. Прописывались в общем виде и методы, которыми должно осуществляться экономическое проникновение в Россию: учреждение складов, торговых агентств, налаживание прямых поставок, особых тарифов, и т.д.[275].

Не в малой степени такой пристальный интерес к русскому вопросу был вызван трансформациями в политической жизни Российской Империи: в Париж сыпались самые противоречивые сведения. Майор Ланглуа еще в январе 1916 года констатировал «отсутствие хозяина в стране» и рост враждебных правительству движений[276]. Летом этого же года, Альбер Тома преисполнен позитивных мыслей относительно сотрудничества двух стран: *«Он очарован приемом, оказанным ему царем, считает Николая Второго нашей лучшей опорой»*[277]. При этом французские наблюдатели всякий раз старались обращать внимание на политическую ситуацию в России и брожение умов политических лидеров, но игнорировали социально-экономическую: исключение составляли только сообщения об опасности распространения германского капитала в России и необходимости укоренения французского, в том числе забота об интересах уже присутствующего капитала. Так, например, Ланглуа подчеркивал, что в России наблюдается тенденция к германофилии, но не потому, что русские любят Германию, а потому что боятся наступающего с Запада либерализма и идеи ответственности правительства за преступления и недоработки, совершенные в ходе войны. Ланглуа пишет, что «По их мнению, власть может быть ответственна только перед Богом, но не перед людьми» и подобная «германофилия» есть не что иное, как защита самодержавия, но не кайзера. Это и приводит к стремлению отринуть все французское (читай – демократическое). Лишним свидетельством для офицера связи становится видимая ему оппозиция среди Великих князей

[275] Ibid.
[276] Пуанкаре Р. На службе Франции 1915-1916. С. 297.
[277] Там же. С. 489.

Александра и Сергея, в уста которых он вкладывает слова: «мы решительно ничего не можем добиться от Франции!»[278].

Политические пертурбации, однако, не могли поколебать состояния армии. Русское руководство могло сваливать все грехи на западного союзника, но все равно оставалось приверженцем идеи войны, а сепаратный мир был малореальным событием, потому как укрепил бы подозрения народа в существовании прогерманских сил и не на шутку возбудил общественное мнение. В июне 1916 г. Ланглуа писал: *«Русская армия начнёт период наступлений 1916 года в превосходном моральном состоянии; от верха до низа иерархии каждый мечтает только о наступлении. Тот, кто рассуждает, хочет его, чтобы опередить возможную атаку врага; тот, кто не рассуждает, хочет его от скуки окопной жизни, из ненависти к врагу и твёрдого намерения изгнать его с земли Святой Руси»*[279]. В том, что касается мастерства и оснащения русского пехотинца, Ланглуа во многом повторял наблюдения полковника Рампона и в своих суждениях ничем не отличался от коллег, находящихся при армиях: *«С точки зрения материальной пехота вооружена нормально и её численность почти вдвое превышает численность врага; полевая артиллерия достаточно многочисленна и надлежащим образом снабжена; тяжёлая артиллерия слаба»*[280].

Таким образом, французы считали необходимым «накачать» русский фронт материально и тактически, привнося новые виды оружия и методы борьбы в русскую армию. Концентрированно эту мысль выразил майор Ланглуа в ходе своего седьмого визита в Россию: *«Мы не должны ни на одно мгновение потерять из виду, что оснащать русскую армию означает увеличивать в*

[278] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa Septieme Mission en Russie (30 Novembre 1916).
[279] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa sixième mission en Russie (17 Juin 1916)
[280] Ibid.

значительных пропорциях потери германцев, а значит, в значительных пропорциях сберегать столь драгоценную кровь наших солдат»[281].

§ 2.2. Февраль 1917: от сверконцентрации к фрагментации

К 80-м годам XX века во французской историографии сформировалась позиция, что Франция приветственно относилась к событиям Февраля 1917 года, но негативно и болезненно восприняла Октябрь[282]. Февральская революция знаменовала не только конец «старого режима», приход нового общественного порядка – прогрессивного, антиклерикального, но и удаление от политической жизни «германофильских кругов», которых якобы в изобилии наплодил царский двор[283]. Это ощущение разделяли практически все политические силы Франции: события Февраля 1917 г. нашли живой отклик и в сердцах французских социалистов, Октябрьская революция была осуждена большинством[284]. События в России осмыслялись через призму собственного опыта: социалисты Франции продемонстрировали, что защита нации превыше классовой борьбы, значит, и социалисты России должны использовать аналогичную риторику. Февраль, по их мнению, совершался во имя войны. Разумеется, не все представители Франции пришли в восторг от свержения монархии: переход власти к Временному правительству привел к перестановкам во французской дипломатии. В начале мая 1917 г. посол Морис Палеолог отбыл, мотивируя свой отказ работать в России недоверием к новому режиму[285], в свою очередь, военный атташе Франции в Швеции Л. Тома констатировал, что на отзыве Палеолога настаивал Керенский, так как посол был лично предан царской фамилии и «подозрителен для

[281] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur sa Septieme Mission en Russie (30 Novembre 1916).
[282] Becker J.-J., Berstein S. Histoire de l'anti-communisme en France. T.1 : 1917-1940. Paris, 1987. P. 15-19.
[283] Ibid. P. 15.
[284] Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919-1923): к истокам французского коммунистического движения. М., 2012. С. 35.
[285] Данилова О.С., Краева Т.В. Французская военная миссия в России… С. 90.

революции»[286]. В начале июня его сменил опытный политик Жозеф Нуланс, о котором корреспондент «Фигаро» Рене Маршан впоследствии напишет: *«его озлобление против большевизма распространялось на всю Россию»*[287].

Весенние и первые летние месяцы 1917 года во многом заставили французский истеблишмент пересмотреть свои взгляды на произошедшее в России. Напряжённая политическая и военная ситуация в России требовала от французского руководства держать руку на пульсе, в связи с чем значительно интенсифицировался обмен информацией с представителями военной миссии: Лаверн направлял обстоятельные еженедельные рапорты о состоянии армии и внутренней политике. Первое время, в марте-апреле 1917 г., по всему ещё существовала надежда на восстановление порядка, связанная с твёрдой волей Временного правительства восстановить дисциплину в войсках и энергичной компанией в прессе, призывающей к борьбе до победы. Звучало мнение, что если немцы начнут наступление, это пробудит в русских воинственный дух и желание оказать сопротивление[288].

Вместе с тем, состояние армии способствовало нарастанию разочарования в происходящем. Весной 1917 года французы с тревогой констатировали негативные изменения в армии, вызванные, по их мнению, бесхарактерностью правительства, появлением «деструктивного» приказа №1 и активизацией германской пропаганды. Генерал Жанен объезжая войска в мае 1917 года, был удручён тем, что *«Слабость правительства перед преступлениями и беспорядками, творящимися в Петрограде большевиками, поистине ошеломляющая»* [289] и полагал, что *«выздоровление России и русской армии кажется сомнительным»* [290] . Его впечатления о состоянии армии были противоречивыми, но увиденное его, скорее, разочаровало. О 13-м армейском

[286] Попова С.С. Между двумя переворотами. С. 322.
[287] Marchand R. Pourquoi je me suis ralliè à la formule de la revolution sociale. Petrograd, 1919. P. 30-32.
[288] SHD/T, 7 N 761.
[289] Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917). P. 188.
[290] Ibid. P. 161.

корпусе 5-й армии он выразился так: *«Пехота не делает ничего, совершенно ничего. Люди бродят и мечтают. <…> После революции ничего не делалось. Это, впрочем, объясняли при помощи филологии: славянский корень «раб» означал одновременно как работу, так и неволю. Свободный человек не должен ничего делать»* [291]. Свидетель событий 1917 года, французская журналистка Марили Маркович (настоящее имя – Амели Нери), писала 7 мая: *«Пришла пора братаний. После «Воззвания ко всем социалистам»*[292] *русский солдат уверовал во всеобщий мир»* [293]. Морис Жанен также оказался свидетелем последствий этого политического шага: *«Посмотрели другие участки траншей. Везде один и тот же спектакль: орудия в иле и песке, боевой дух слаб, до сих пор регулярные братания, зачастую объясняющиеся желанием заполучить водку»*. В ходе визита генерал Болдырев посетовал Жанену, что «солдаты перестали быть патриотами: они могут быть патриотами Грузии, Малороссии, и т.д, но быть «русским патриотом» - теперь означает быть реакционером»[294].

В этом же месяце по просьбе Временного правительства, готовившего активное возобновление войны, в расположение войск был направлен французский пропагандистский десант. Полковник Першене, инженер флота Гено, лейтенант Пьер Паскаль и рядовой Юг посетили Северный фронт с целью убедить солдат в необходимости наступления. Эта группа французских офицеров была направлена в расположение 12-й армии Радко-Дмитриева, так как именно он запросил о командировании французов [295]. О подобном визите французской пропаганды в мае 1917 года просил и генерал Алексеев, обратившийся к дипломатическому представителю Дульсе с просьбой воздействовать на Совет рабочих и солдатских депутатов, *«формулы которого, мало понимаемые*

[291] Ibid. P. 166-167.
[292] Сложно сказать, какой именно документ имеет в виду Маркович, возможно, «Воззвание к солдатам всех воюющих стран» (4.05.1917).
[293] Markovitch M. La Révolution russe vue par une Française. Paris, 2017. P. 180
[294] Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917). P. 173
[295] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 184.

несведущей толпой, производят отвратительный эффект»[296]. Пьер Паскаль также вспоминал, что особенно часто приходилось встречаться с модной формулой «без аннексий и контрибуций», которую большинство попросту не понимало[297].

Впечатление от знакомства с войсками было, скорее тягостным: *«Визит Керенского не произвёл никакого впечатления на войска, обращённые в большевизм»*, *«Дух наступления неизменно на нуле»*, а *«слова Керенского оказывают благотворное влияние только на дисциплинированные контингенты»*. В вооружённых силах констатировалась полная анархия[298]. Полковник Першене сообщал о Двинской армии следующее: *«Характеристикой нынешнего состояния является абсолютное отсутствие дисциплины. Армия представляет собой массу, которая имеет лишь видимость организации»*, *«В Двинской армии*[299] *только 2 дивизии из 14 показались хорошими»*, *«Как бы то ни было, время драгоценно; кампания 1917 года, которая внушала столь большие надежды, по-видимому, провалена. Если союзники не хотят, чтобы равным образом была провалена и кампания 1918 г., то они должны вмешаться, с большей или меньшей скрытностью»*[300].

Похожие донесения поступали из Штаба Юго-Западного фронта, от полковника Табуи. Инспектируя 11-ую армию, он констатировал полную деморализованность и растерянность офицерского состава, причиной которых было, в первую очередь, непонимание как вести себя с выходящими из под контроля рядовыми, «смотрящими с ненавистью». Табуи констатировал: «Многие офицеры говорят <…>: *«Армией овладевает неповиновение». Я так не считаю.*

[296] Попова С.С. Между двумя переворотами. С. 138.
[297] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 191.
[298] SHD/T, 7 N 762. Extraits du Rapport de l'Ingenieuer de 1-re classe de la Marine Gueneau à M. le Colonel Perchenet (Etat-Major du Groupes d'Armées du Nord) sur l'état d'esprit de la XII Armée à la suite de la visite de Kerinsky (5-6 Juin 1917).
[299] Так называли 5-ю армию.
[300] SHD/T, 7 N 762. Rapport du Colonel Perchenet sur la situation moral de l'Armée Russe sur le front de l'Armée de Dvinsk (18 Juin 1917).

Это не неповиновение, это, осмелюсь доложить, недисциплинированность. Болезнь, несомненно, уже тяжёлая, но болезнь излечимая, а не агония»[301].

Сотрудники французской миссии разными способами пытались вернуть боевой дух русскому фронту, продолжая надеяться на обновление русской армии. Безымянные информаторы 2 Бюро Генштаба Франции так докладывали о ситуации в России: «В той мере, в какой мы можем теперь сделать вывод о текущих событиях, кажется, что истинная опасность не в потенциальном сепаратном мире, но больше во внутренней анархии, вызывающей распад всех сил наших союзников, в результате чего Германия без риска могла бы одержать победу на русском фронте» [302] . Так, желая удержать силы союзников от внутреннего распада, глава Миссии, Морис Жанен стал одним из первых, кто потребовал присутствия французских социалистов и рабочих в России [303] . В апреле 1917 года Россию навестил Альбер Тома, его основная задача требовала убедить русский народ продолжать войну до победного конца, а средством вдохновить сердца людей служила социалистическая риторика, ставшая близкой русскому человеку. Поездки подобные Альберу Тома, предпринимались не только французской стороной. Усилия осуществляли и бельгийские социалисты, они объезжали войска, анализировали социально экономическую ситуацию в России. Причем совершались они именно в кооперации с французскими коллегами[304]. Эту меру поддерживали и некоторые русские военные: в марте 1917 года Жанен вспоминал о беседе с адмиралом Русиным, который уверял его, что выступления французских социалистов необходимы для увещевания русских единомышленников работать на благо Отечества: *«Ваши социалисты должны*

[301] SHD/T, 7 N 762. Rapport du Colonel Tabouis sur son voyage au front de la XIe armée (Kamenetz Podolsk, 25/7 Avril 1917)
[302] SHD/T, 7 N 1545. Situation en Russie à la date de 8 Mai. Developpement et influence de la Revolution.
[303] Sinanoglou I. Journal de Russie d'Albert Thomas. P. 93.
[304] «Не революция создала эти трудности, она лишь выявила их». Из отчета бельгийской миссии о поездке в Россию (май-июнь 1917) // Отечественные архивы. 2017. №3. С. 79-109.

хорошенечко сказать нашим социалистам убивать поменьше офицеров, и объяснить им, что офицеры нужны»[305].

Еще одной мерой стал выпуск сводок о дисциплине и моральных основах французской армии, которую выполняли сотрудники Миссии по просьбе русской Ставки. В своем дневнике, Морис Жанен написал, что миссия буквально разрывалась от запросов на подобные справки: *«Офицеры, управлявшие войсками и привыкшие рассматривать дисциплину исключительно как нечто механическое, были совершенно дезориентированы»*[306]. В апреле 1917 г., пытаясь повлиять на разрушающуюся ситуацию, он телеграфировал в военное министерство о трудностях отправки хотя бы 3-4 офицеров в расположение каждой армии: *«Прискорбно, что после 20 лет союза с русскими мы во Франции не располагаем достаточным количеством подготовленных в мирное время офицеров, чтобы хорошо обеспечить эффективную связь с действующими армиями, но сейчас уже слишком поздно что-либо менять, и в этих материях нельзя импровизировать»*[307].

Союзники старались использовать все возможные способы повлиять на сложившуюся обстановку. Капитан де Малейси, информатор министра вооружений Франции и социалиста Альбера Тома, сообщал из Петрограда, что Февральская революция совершалась руками англичан и под их контролем в условиях политического кризиса, вызванного слабостью центральной власти, недоверием элиты к императору и императрице. Обретшее популярность рабочее движение де Малейси считал возможным умиротворить формированием раскола между рабочими и военными, а также крестьянами. К июню 1917 года программа де Малейси, ориентированная на создание классовых противоречий, обрела очертания: со словами «Россия еще преподнесет сюрприз», он писал Тома, что сформировать ядро контрреволюции, которая позволит установить военную

[305] Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917). P. 117
[306] Ibid. P. 135.
[307] SHD/T, 5 N 140. Telegrammes chiffres, 15 Avril 1917.

диктатуру, готовую воевать до победы, чрезвычайно легко, и что он уже навел контакты с теми, на кого можно опереться в этом деликатном деле[308]. Де Малейси допускал мысль об интервенции сил союзников ради установления такой диктатуры [309] . В подобной риторике нет ничего удивительного: активность союзных разведслужб, в частности французской, существенно усилилась уже ко второму году войны, когда стало ясно, что обстановка на русско-германском фронте далека от желаемой[310].

Более радикальную позицию занимал и глава миссии пропаганды Франсуа де Шевийи: «Вместо попытки убедить русских социалистов и русский народ в целом, мы должны прямо сказать, что те, кто больше не хотят воевать с нами – предатели. Требуется говорить это со всей серьезностью, быть резкими. <…> Это единственный способ предотвратить опасность»[311].

Французская военная Миссия пыталась задействовать и свои ресурсы. Полковник Лаверн в марте 1917 года отчитывался, что *«подполковник Таффанель и капитан Лоран, находившиеся в Москве, осторожно и, насколько это возможно, непрямо, взяли в свои руки все возможности пробудить бдительность лидеров [общественного мнения] для борьбы с подрывными возгласами»*[312]. Фигура капитана Пьера Лорана в данном контексте представляет особый интерес – с начала 1917 года он был направлен в Россию военным министром для организации разведывательной службы, а также принял деятельное участие в поисках связей В.И. Ленина с немецкой разведкой: *«С самого начала я должен был заниматься, прежде всего, большевистскими замыслами в России, соответствовавшими планам немецкой службы пропаганды*

[308] Соловьев О.Ф. Революция глазами Второго бюро // Свободная мысль. 1997. №9. С. 105.
[309] Nicot J., Schillinger Ph. La mission d'Albert Thomas en Russie: problems et incertitudes de l'alliance russe (mai-juin 1917) // Revue historique des armées. 1973. №3. P. 83.
[310] Зданович А.А. Деятельность иностранных разведок в России во время Первой мировой войны. С. 168.
[311] Sinanoglou I. Journal de Russie d'Albert Thomas. P. 95.
[312] SHD/T, 7 N 761. Le Lieutenant-Colonel Lavergne, Attaché Militaire près l'Ambassade de France à Petrograd, à Monsieur Ministre de la Guerre. Suite des evénements de Petrograd et situation morale de l'Armee Russe du 7 au 14 Mars 1917.

и разведки в этой стране» [313], кроме того Лоран проводил через агентуру диверсионно-террористические и широкомасштабные пропагандистские акции в России [314]. Дискредитация большевиков была тесно сопряжена с контролем французами пограничного пункта Торнео в Финляндии. В мае 1917 года они скрупулезно отслеживали и составляли списки эмигрантов, возвращавшихся в Россию[315].

В конце июня 1917 года Лаверн констатировал отсутствие в России эффективно действующего органа контрразведки: в этих условиях он предлагал возложить контрразведывательные функции на Владимира Бурцева, которому правительство уже поручило собирать сведения о потенциальной немецкой агентуре в кругах социалистов и советах рабочих и солдатских депутатов: *«Отправка в Россию специалиста по контрразведке жизненно необходима, используя сведения, полученные от Бурцева, а также от наших служб контроля телеграфа и паспортов, мы имели бы широкое поле для действий, и результат воспоследовал бы незамедлительно»*[316]. Вероятно, в качестве такого специалиста был направлен комиссар полиции Шарль Адольф Фо-Па-Биде, ранее принимавший участие в высылке Льва Троцкого из Франции[317]. Он появился в России в июле 1917 г.[318], и впоследствии стал главой контрразведывательной службы французской военной Миссии в России[319].

В итоге французами был выработан проект организации контрразведывательной службы в России - Section de la centralisation de renseignement[320]. Проект предписывал передавать информацию о подозрительных лицах и провокаторах Бурцеву, знакомиться с его наработками по данной теме, а также установить обмен информацией между SCR и следующими инстанциями:

[313] Попова С.С. Между двумя переворотами. С. 314.
[314] Зданович А.А. Деятельность иностранных разведок в России во время Первой мировой войны. С. 170.
[315] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5802. Оп.2. Д.486. Л.1-11.
[316] SHD/T 6 N 221. Telegrammes chiffre, Attaché militaire à Ministre de la Guerre (Petrograd, 24 Juin 1917).
[317] Zimmer L. Un Septennat policier: dessous et secrets de la police républicain. Paris, 1967.
[318] Ibid. P. 171.
[319] Зданович А.А. Свои и чужие. Интриги разведки. М., 2002. С. 122.
[320] Этим термином во Франции с 1915 г. обозначались органы контрразведки.

Межсоюзническим контролем, Корпусом пограничной стражи, Министерством внутренних дел, Ставкой и цензурным ведомством. Контрразведывательная деятельность должна была осуществляться в пограничных зонах (например, Торнео, Романов, Харбин, Владивосток и др.), в армии и во внутренних областях страны, а также в рамках цензурных бюро с правом перлюстрации писем. Любая информация о подозрительных личностях должна поступать также в отделения SCR в Париже и Лондоне[321].

Что характерно, позиция Ленина и его единомышленников по вопросу продолжения войны не была секретом задолго до их прихода к власти. Как последовательные сторонники её прекращения, большевики обратили на себя внимание руководства и сотрудников французской миссии практически сразу после возвращения в Россию лидеров партии. Французы рассматривали выступления большевиков как пораженческую пропаганду, а их самих как силу, объективно игравшую на руку врагу, и пытались осуществлять ей противодействие. Таким образом, ещё до падения Временного правительства, сотрудники 2 бюро Генштаба Франции, а также сотрудники французской военной миссии (в том числе, например, генерал Лавернь, майор Гибер, сотрудник службы разведки Фо-Па-Биде[322]) совместно с русскими, американскими и британскими коллегами целенаправленно искали «доказательства» связи большевиков с немцами, стремясь уличить первых в предательстве интересов союзников, прибегая к прямым фальсификациям. В поиск «немецкого следа» был активно вовлечён Альбер Тома, уверенный, что нанести удар пацифистским, пораженческим настроениям, инспирируемым Лениным, можно, если сделать ставку на социалистов Керенского, поддерживая их и снабжая всем необходимым[323]. В середине июля 1917 года он отдал указание военному атташе в Стокгольме Л. Тома *«доказать в интересах Временного русского правительства,*

[321] ГАРФ. Ф. Р5802. Оп.2. Д. 486. Л. 34-38.
[322] Напр. документы об их участии в разработке «дела Ленина»: Попова С.С. Между двумя переворотами. С. 146, 289.
[323] Nicot J., Schillinger Ph. La mission d'Albert Thomas en Russie... P. 72.

что группа большевиков из окружения Ленина получает немецкие деньги» и дать возможность правительству Керенского арестовать и дискредитировать большевиков в глазах общественного мнения[324]. Таким образом, предпосылки столкновения между большевиками и Миссией были заложены еще до октября 1917 г.

Представители Третьей республики внимательно следили за развитием общественного мнения в России. 2 мая 1917 года Морис Палеолог докладывал, что на улицах Петрограда спонтанно складываются небольшие группы, где сторонники Ленина ведут активную пропаганду, и эта пропаганда встречает благосклонный приём. В целях противодействия ленинским идеям, Палеолог делает предложение направить в Россию несколько сотен тщательно отобранных революционеров, находящихся в рядах французской армии, для пропаганды среди войск на фронте и в тылу[325]. По всей видимости, именно в ответ на предложение посла, по инициативе Альбера Тома для усиления союзнической пропаганды была направлена миссия русских политэмигрантов во главе с французским офицером Гиацинтом Луазоном[326], цель миссии – помощь Временному правительству в вопросах восстановления дисциплины на фронте и направить революционное движение в русло, благоприятное для союзников.

Добавим несколько штрихов к портрету Луазона: военный переводчик, владел английским, итальянским, чуть менее – немецким. До войны был директором газеты «Права человека», пытался реализовать себя на литературном поприще - писал трагические пьесы. Первым зарубежным назначением Луазона была Великобритания (по специализации он, скорее, был англоведом), где он выполнял самые разнообразные задачи: от обеспечения визитов в Великобританию членов французского правительства и исполнения функций офицера связи до организации антинемецкой пропаганды и работы с печатными

[324] Попова С.С. Между двумя переворотами. С. 19-20.
[325] Там же. С. 132-133.
[326] Там же. С. 10.

изданиями. По всей видимости, сочетание военного, дипломатического и журналистско-литературного опыта способствовало тому, что на него обратил внимание будущий премьер-министр Поль Пенлеве и 31 мая 1917 года определил ему назначение в Россию. Справедливости ради, стоит заметить, что в миссии Луазона были не только политические эмигранты, но также русские служащие французской армии[327]. Эта миссия не сложилась практически сразу: многие её рядовые сотрудники были недовольны назначением Луазона в качестве начальника, его поведением, присвоением ему высокого чина, а также тем, что он был совершенно не знаком с ситуацией в России и не знал русского языка. Многие его подопечные разбежались по пути в Петроград или дезертировали по прибытию в Россию[328], встречались и те, что в итоге поступали на службу во французскую военную Миссию.

Приехав в Россию, Луазон изучал состояние русской армии, пользуясь поддержкой генерала Корнилова, «принимал участие в политических мероприятиях с июля по сентябрь», ездил по разным регионам России согласно предписаниям генерала Жанена, составлял отчёт о состоянии дел и потребностях нашей пропаганды в России[329].

После провального наступления «главноуговаривающего» Керенского, союзники потеряли надежду на восстановление боеспособности русской армии. В июле Лаверн констатировал: *«Слабость Временного правительства, бездействие образованных классов, опасная идеологическая политика Советов, дающая свободу немецким агентам <…> привели Россию к самой серьезной ситуации. Ослабленная промышленность, нестабильное сельское хозяйство, общество, забывающее внешнего врага и думающее только о партийных ссорах, дезорганизованная армия, неспособная прийти в норму, - это те результаты, которые мы наблюдаем последние 4 месяца. Ситуация очень серьёзная: она*

[327] AMAE, Cabinet du Ministre, carton 23. Hyacinthe Loyson.
[328] Попова С.С. Между двумя переворотами. С. 326-327, 342-343.
[329] AMAE, Cabinet du ministre, carton 23. Hyacinthe Loyson. Гиацинт Луазон вернулся в Париж 22 сентября 1917 г.

может улучшиться, только если сильная, абсолютная, бесспорная власть заменит нынешний призрак Правительства»[330]. В этой обстановке союзники попытались вмешаться и в «губительную экономическую ситуацию», о которой Лаверн трубил всю весну 1917 года. Ее пытались разрешить с помощью аккумуляции сил всех западных промышленников: в конце мая – начале июня *«Таффанель собирал совещание промышленников с американцем Хендерсоном и Вандервельде, чтобы оживить экономическую жизнь России»*[331].

Летом 1917 года получили разрешение организационные вопросы, связанные с деятельностью Миссии. С 28 июня 1916 года по июнь 1917 г. генерал Жанен неоднократно телеграфировал в Военное министерство, добиваясь уточнения его полномочий по отношению к многочисленному французскому военному персоналу в России[332]. Ответ последовал лишь в июле 1917 года: согласно новому предписанию все французские офицеры вне зависимости от длительности пребывания подчинялись либо военному атташе, либо главе французской Миссии. Полномочия главы миссии в отношении персонала соответствовали тем, что устанавливались для командиров подразделений в колониях и протекторатах и прописаны в декрете Президента Французской республики от 4 апреля 1911 года[333]. Таким образом, французское военное руководство запоздало завершило реорганизацию представительства в России и выстроило жесткую субординацию внутри Миссии.

Если до реорганизации военного представительства в России каждый французский офицер понимал Миссию, прежде всего, как личную задачу или как совокупность обязанностей, положенных ему по должности, то генерал Жанен ощущал себя ответственным за координацию и работу всех французских военных

[330] SHD/T, 7 N 761. Le Lieutenant-Colonel Lavergne, Attaché Militaire à l'Ambassade de France à Petrograd, à Monsieur Ministre de la Guerre. Suite des evénements de Petrograd et situation morale de l'Armee Russe du 6/19 au 13/26 Juillet 1917.
[331] Ibid.. Le Lieutenant-Colonel Lavergne, Attaché Militaire à l'Ambassade de France à Petrograd, à Monsieur Ministre de la Guerre. Suite des evénements de Petrograd et situation morale de l'Armee Russe du 29 Mai au 14 Juin1917.
[332] SHD/T, 7 N 1545. Telegramme chiffre. Chef Mission Française à Guerre (le 2 Juillet 1917).
[333] Ibid. Le Ministre de la Guerre. Paris, le 1er Juillet 1917

на территории союзной страны. Руководство Миссии стало приобретать «антропологические черты», о чем красноречиво свидетельствует предписание Жанена офицерам Миссии от 13 марта 1917 года. Отныне на повестке дня стояла не только профессиональная компетентность сотрудников в рамках возложенных на них задач («добыть сведения», «составить мнение», «знать свой фронт», «координировать военные усилия»), но и умение наладить диалог с русскими военнослужащими. Жанен предписывал офицерам «вести себя не как в завоеванной стране, не как в гостях», но быть товарищами простыми, сердечными и сдержанными, подавать пример усердной работы и достойной жизни. Он подчеркивал, что «русские охотно констатируют превосходство других, но не любят, когда им об этом напоминают», и, как следствие, чтобы добиться от них принятия каких-либо новшеств, русских нужно подвести к тому, чтобы они сами этого потребовали[334]. Подобные советы французские офицеры охотно принимали на вооружение, в качестве примера можно привести такую оценку поведения сотрудника авиационной миссии Люберсака: *«Он знает правила, позволяющие подчинять русских: вежливость, лесть по отношению к вышестоящим, равно как и к нижестоящим, никогда не позволять себя обижать: так, он потребовал, чтобы один полковник принёс ему извинения за действия какого-то генерала…»* [335] . Исследователь Артур Бенето отмечает, что вследствие многочисленных предрассудков, окутывавших франко-русский альянс, отношения между французскими и русскими военными строились, как правило, по принципу «доминирующий-подчиненный» (в роли доминирующего представителя союза, безусловно, выступала Франция). Некоторые офицеры Третьей Республики подчёркивали, что русские подобны детям, подвержены частым сменам настроения, мечутся из крайности в крайность, от детей у них - слезы и раскаяние, упрямость, страсти и фатализм. Считалось, что русские не

[334] SHD/T, 17 N 574.
[335] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 159

могут в течение продолжительного времени выполнять какое-то действие, их нужно постоянно поощрять, тогда можно добиться результата[336].

Появление подобных тенденций можно связать не только с процессом централизации Миссии, но и с революционными событиями в России, стремлением удержать ситуацию в своих руках.

Между тем, опыт реорганизации военного представительства Франции в России был применен в Румынии и в ходе реорганизации сербской армии на Корфу в 1916 году.

Несмотря на то, что в начале войны Сербия практически не представляла для Франции стратегического интереса, Церское и Колубарское сражения коренным образом изменили ситуацию – союзники высоко оценили потенциал сербских войск [337] , а «позиционный тупик» на Западном фронте придал Балканскому театру военных действий особый смысл с точки зрения периферийной стратегии. Первый опыт объединения разрозненных французских военных миссий в Сербии был осуществлен в период эвакуации сербской армии и союзных войск осенью 1915 года: военный атташе Франции полковник Пьер Фурнье 18 ноября принял командование над всеми французскими силами на территории Сербии [338] . Кульминацией этого процесса стала реорганизация сербской армии в феврале 1916 года в рамках военной миссии Франции на Корфу: она включала в себя снабжение военными материалами, создание новой организационной структуры армии и обучение сербских офицеров во Франции[339]. Французская военная миссия при сербской армии на Корфу представляла собой синтез военных и политических структур: ее глава, генерал Пиаррон де Мондезир объединил под своим руководством авиационную, медицинскую, морскую, артиллерийскую службы, параллельно осуществляя функции дипломата

[336] Beneteau A. Servir les intérêts français en plein chaos révolutionnaire. P. 68.
[337] Le Moal F. La Serbie: du martyre à la victoire 1914-1918. Paris, 2008. P. 57
[338] Rapport du capitaine Vitrat, chef de la mission française d'aviation en Serbie, au ministère de la Guerre, sous-secrétariat de l'Aéronatique militaire, sans date // La memoire conservée du general Milan Rastislav Stefanik dans les archive du Service Historique de la Defense. Paris, 2008. P. 64.
[339] SHD/T, 17 N 695.

(сношения с военными представителями союзных держав, с итальянскими властями, и т.д).

Организация и деятельность французской военной миссии в Румынии подробно описана Жаном Ноэлем Грандомом в монографии «Генерал Бертело и деятельность Франции в Румынии и Южной России (1916-1918)». Он отмечает, что для французской миссии в Румынии важными были две цели – прежде всего – под благовидным предлогом поддержания связи с Восточной армией «опередить русских в Румынии», во-вторых, управлять румынской армией[340]. Несмотря на то, что «русский фактор» был одним из существенных для французского присутствия, принципиальным моментом все же была логика коалиционной войны и стремление удержать союзника: генерал прибыл в Румынию осенью 1916 года, когда политическое руководство страны и армия были деморализованы по причине неудачного наступления в Трансильвании. В телеграмме генералу По Лагиш высказывал следующие соображения по румынскому вопросу: *«Разобщенность оперативных театров делает невозможной эффективную связь между русскими и франко-английскими армиями, поэтому Румыния должна быть оживляющим элементом сегодня, как и в 1877 году»*[341]. Генерал Бертело, в свою очередь подчеркивал, что без румынской армии целостность Восточного фронта невозможна[342]. Организация французской военной миссии в Румынии осуществлялась по образу и подобию миссии Жанена в России, о чем свидетельствует командировочное предписание генералу Бертело: в его обязанности входило представлять Главнокомандующего Франции при румынском Генштабе, в его подчинение поступали все французские военные на

[340] Grandhomme J.-N. Le Général Berthelot et l'action de la France en Roumanie et en Russie méridionale (1916-1918). P. 161.
[341] SHD/T, 7 N 762. Le Général de Laguiche à Monsieur le Général Pau, Chef de la Mission Française en Russie (le 7/20 Fevrier 1916)
[342] Otu P. L'influence de la doctrine militaire française sur l'évolution de l'armée roumaine // Revue historique des armées. 2006. №244. URL: http://rha.revues.org/5862 (дата обращения: 01.05.2016)

территории Румынии, им же назначались офицеры, прикомандированные к румынской армии с целью инструктажа[343].

Необходимость транслировать опыт технологических инноваций на производстве в рамках всеобщего «снарядного голода», организация службы связи в условиях тотальной войны и интенсификации информационного обмена, формирование общественного мнения, увеличение числа французских военных на территории Российской Империи и возрастающая потребность в поставках военных материалов, - все это требовало реорганизации французского представительства в России на качественно иных принципах. Тон задавали рапорты майора Ланглуа, обнажавшие недостатки в работе миссии и содержавшие комплекс необходимых решений для их устранения. Упомянутая статья А.Ю. Павлова завершается выводом о том, что развитие французского сотрудничества с Россией привело к увеличению количества и разнообразия военных миссий[344]. На наш взгляд правительство Третьей республики стремилось не только к количественному наращиванию, но и к качественному усилению представительства в России, к созданию ядра системного единства, которым и стала французская военная Миссия в 1916 году. Под руководством генерала Мориса Жанена Миссия стала центром притяжения и координации французских военных усилий на территории России и была выстроена согласно принципам централизации и единоначалия.

Вместе с тем, у военного атташе, полковника Лаверня появилась возможность направлять в Париж более детальную информацию и делать это гораздо чаще, чем его предшественники: де Лагиш и По. Это было связано как с появлением собственного канала связи, так и с возможностью направить в войска собственных представителей, отчитывавшихся как военному атташе (детали рапортов офицеров, прикомандированных к армиям, например, можно встретить

[343] SHD/T, 16 N 3016. Ordre de Mission (28 Septembre 1916).
[344] Павлов А.Ю. Французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. С. 41.

в отчетах Лаверня), так и вышестоящему начальству – военному министру, премьер-министру и др. Таким образом, полковник Лаверн располагал существенным количеством информации, поступавшей в его адрес, и пригодной для составления аналитических сводок руководству.

Этап конструктивного диалога закончился летом 1917 года, после провального наступления Керенского. Руководство Третьей Республики стало приходить к пониманию неспособности союзника продолжать ведение боевых действий, осознало необходимость взять в свои руки управление политической ситуацией. Хотя первые мысли о необходимости поставить Россию под контроль прозвучали в сообщениях информаторов Второго Бюро Генштаба Франции еще в начале марта 1917 года: «Во что бы то ни стало, мы должны навести порядок и показать русской администрации как надо действовать»[345]. Этому способствовало и то, что французы довольно высоко оценивали свой военный опыт и полагали, что смогут стать учителями для русских коллег. Жанен, в свою очередь, стал ответственным за контроль всех тех сфер, которые могли иметь хоть какое-то отношение к военному делу, а ввиду тотальности войны, отношение к военному делу имело практически все: не только пропускная способность архангельского порта или состояние снарядного производства, но и вопросы рабочей силы, сельского хозяйства, пропаганды в популярных изданиях, выработка угля и металла, поэтому Жанен занимался самым широким кругом вопросов: отправкой русских войск во Францию, снаряжением, производство которого задерживается забастовками на Путиловском заводе[346] и др. Это, в свою очередь создавало искушение стать третьей силой, способной вмешаться в политическую жизнь страны-союзника, ведь проникновение французов ощущалось практически во всех сферах. Это было обусловлено и значительным количеством персонала, приехавшего поддерживать усилия России в войне, и координацией,

[345] SHD/T, 7 N 758. La situation interieure de la Russie (6 Mars 1917)
[346] Пуанкаре Р. На службе Франции 1915-1916. С. 422.

объединением под одним руководством всех французских сил на территории России. В качестве иллюстрации можно привести слова военного атташе в Швеции Л. Тома, который писал, что *«кроме направления Альбера Тома и нового посла Нуланса, наше правительство обновило и увеличило нашу миссию в надежде, что она добьётся преобладающего веса в ведении военных операций, которые мы надеялись, ещё возможны»*[347].

Исследователь Леонтий Ланник в монографии «Русский фронт 1914-1917», высказал мысль, что в декабре 1917 года Русский фронт фактически превратился для немцев в Восточный[348]. На материалах Исторической службы Министерства обороны Франции можно предположить, что для французов проблема постепенного превращения Русского фронта в Восточный встала едва ли не раньше: в конце июля - августе 1917 года. В это время от полковника Лаверня в Париж поступают детальные рапорты о состоянии национальных движений в России, и появляется осторожная мысль о перспективах их превращения в боевые единицы – «национальные армии». В фокусе внимания оказались поляки, литовцы и латыши, грузины, украинцы, финны. Еще в июне 1917 года военный атташе отмечает, что на данный момент создание национальных соединений, смешанных с русскими войсками, может привести к возрождению военного духа [349] . С другой стороны, идея создать Восточный фронт силами немногочисленных национальных армий, подпитывалась победами румын при Марашешти. На протяжении всего 1917 года, генерал Бертело, глава французской миссии в Румынии, явственно подчёркивал разницу в боевом духе и готовности сражаться с немцами между румынской и русской армиями. Румынская на высоте и с каждым днём становилась все лучше; русская с каждым днём хирела и разлагалась. В июне 1917 года в отчёте военному министру Бертело заметил: *«Важность этого вопроса такова, что я позволил себе снова представить его на*

[347] Попова С.С. Между двумя переворотами. С. 325.
[348] Ланник Л.В. Русский фронт 1914-1917 гг. СПб., 2018. С. 204-205.
[349] SHD/T, 7 N 762. Le Colonel Lavergne, Attaché Militaire à l'Ambassade de France à Pétrograd, à Monsieur le Ministre de la Guerre. Pétrograd, le 9/22 Juin 1917.

Ваш суд, убедившись, что усилия, предпринятые в отношении румынской армии, сегодня являются наилучшей поддержкой, которую можно оказать всему Восточному фронту»[350].

Параллельно с этим процессам стала рассыпаться и идея коалиционного взаимодействия, Жоффр говорил об этом так: *«…наша коалиция в том 1917 году вновь распылила свои усилия и чуть было не заплатила весной 1918 года окончательной катастрофой за возврат к ошибкам 1915 года, которые я стремился преодолеть»*[351].

Реалии военной и политической обстановки в России к середине 1917 года поставили под сомнение процитированный выше риторический вопрос Пуанкаре о помощи русским. Очевидно, что помогать в достижении результата можно лишь тому, кто сам к такому результату стремится. В то же время, после революции, французские представители с каждым днём все более убеждались в нарастающих антивоенных настроениях, падении воли к сопротивлению, увеличении экономических проблем, актуализации внутриполитических конфликтов. Мир становился желаннее победы. Таким образом, риск поражения союзника из абстрактной возможности любой войны все более превращался в реальную перспективу. Опасность того, что Центральные державы и прежде всего Германия, могли бы сосредоточить все свои усилия на одном фронте, проходящем по территории Франции на небольшом расстоянии от её столицы если и не высказывалась представителями Третьей республики, то неизменно учитывалась и требовала неотложных и решительных мер по её предотвращению. Содействие военным усилиям своей страны, для ответственных и отдающих себе отчёт в обстановке французских офицеров, более не могло ограничиваться помощью союзнику, тяготящегося ею, как и войной в целом. Французы оказались перед необходимостью собственными усилиями обеспечить существование и

[350] Rapport № 15 (8/21 Juin 1917) // La Roumanie dans la Grande Guerre et l'effondrement de l'armee russe. Edition critique des rapports du général Berthelot chef de la mission militaire française en Roumanie 1916-1918. Paris, 2000. P. 242.
[351] Mémoires du maréchal Joffre, 1910-1917. T.2. P.160.

деятельность второго фронта путём активного вмешательства в внутреннюю обстановку в России, в то время как многочисленная, централизованная и самостоятельная структура военного представительства оказалась подходящим инструментом.

ГЛАВА 3. 1917-1918: «ПОИСК РЮРИКА»

§ 3.1. Idée fixe Анри Нисселя: национальные армии

Генерал Жанен покинул Россию 8 ноября 1917 года, в день принятия Декрета о мире, отметив в своём дневнике: «Россия нам больше не союзница»[352]. Сложно однозначно утверждать, почему Жанен был смещён с должности главы французской военной миссии в России, но можно предположить, что обстановка, осознаваемая как безвыходная, требовала более жёсткого руководителя, который не будет искать компромиссов с российским руководством, но будет «указывать способ действия». Возможно, отчасти сыграли те же соображения, что и в случае с Палеологом: Жанен ассоциировался, главным образом, со старым режимом, с «договороспособной Россией». Теперь главой Миссии стал полковник Анри Ниссель, по свидетельству П. Паскаля, «генерал крутого нрава», который хочет сделать в России румынский ход[353]. Ниссель *«…прибыл в Петроград в октябре 1917 года с задачей, выражаясь по-военному, реанимировать находящийся при смерти Восточный фронт; он привёз серьёзное подкрепление французских офицеров»*.[354]

Пьер Паскаль, уже в 1920 году, в частном письме поэту, драматургу Марселю Мартине дал Нисселю весьма желчную характеристику. Но даже если попытаться абстрагироваться от эмоциональной подачи автора, становится понятным, что к моменту приезда нового главы Миссии Третья республика укрепилась в решении сделать ставку на национальные контингенты: *«Пользуясь общим беспорядком, Ниссель имел повсюду эмиссаров-лейтенантов <…>, чтобы навязать населениям, которые под влиянием или в результате коррупции создавали национальные антибольшевистские группировки и гипотетически*

[352] Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917). P. 242.
[353] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 351.
[354] Verge A. Avec les Tchécoslovaques. Paris, 1926. P. 44.

решившиеся бороться до конца против немцев, их искали повсюду, даже среди военнопленных, взятых русскими войсками…»[355].

В октябре 1917 года Ниссель констатировал, что армии в России фактически не существует, однако активная деятельность по созданию национальных армий велась непрерывно с лета 1917 года. Это можно проследить на примере чешского движения: в августе 1917 года к чехословацким добровольцам был официально прикомандирован французский комиссар, майор Арсен Верже [356] . Вместе с Масариком и его единомышленниками он систематически собирал чехословацкие контингенты для отправки на Западный фронт. Стояла перед Верже и другая задача*: «Ниссель поручил мне вопрос о национальных армиях; я записывал поданные предложения и мы вырабатывали планы действий: как много более продвинутая организация чехословаков должна была послужить моделью. Созданием «национальных войсковых корпусов» предполагалось оживить Восточный фронт, где наряду с новыми соединениями, происходящими из разных славянских национальностей, была надежда удержать редкие русские соединения, верные идеалу родины»* [357] . Проект организации национальных контингентов настолько живо завладел Нисселем, что к концу 1917 года он докладывал в Париж о разосланных в национальные армии офицерах и основных результатах их деятельности. Так, бывшие представители французской военной миссии при русских армиях «переквалифицировались» в военных представителей Франции при национальных контингентах: полковник Рампон был направлен в расположение формирующейся польской армии, полковник Першене занимался эстонским и латышским движением, в Сибири работал майор Пишон, в Финляндии – майор Аршан [358] . В Киеве была организована миссия генерала Табуи. Последний сначала был техническим советником командующего

[355] Pascal P. En communisme. Mon journal de Russie 1918-1921. Lausanne, 1977. P. 164.
[356] Verge A. Avec les Tchécoslovaques. P. 20.
[357] Ibid. P. 48.
[358] SHD/T, 7 N 760. Le Général Niessel, Chef de la Mission Militaire Française en Russie à Monsieur le Président du Conseil, Ministre de la Guerre (Pétrograd, le 5/18 Janvier 1918).

Юго-Западного фронта, штаб-квартира которого располагалась в Бердичеве; но после появления Украинской республики, генерал Ниссель, констатировавший агонию русского Юго-Западного фронта, отозвал генерала Табуи в Киев к украинскому правительству с задачей реанимировать фронт, а также держать главу французской миссии в курсе всех намерений Рады, способствуя делу создания национальной армии.

Несмотря на настойчивую национально-ориентированную политику, Франция не была заинтересована в сепаратистских настроениях отдельных регионов России. В данном контексте немалое беспокойство у французов вызывал украинский вопрос: руководство Третьей республики полагало, что украинцы хотят лишь автономии в составе федеративного русского государства, но не независимости от него[359]. Поэтому стремление политических лидеров Украины обрести суверенитет не вызывало восторга у представителей Франции. При этом поддержка украинской самостийности сотрудниками французской военной Миссии выглядит как опровержение вышеуказанного тезиса, однако автономия Украины не была для Франции ни ценностью, ни целью: она поддерживалась ради культивации антинемецкого и антиавстрийского настроения. Генерал Бертело, глава французской военной миссии в Румынии, и вовсе считал, что автономность Украины позволит создать крепкую национальную армию, которая в дальнейшем сможет «украинизировать» русские войска[360]. 30 декабря 1917 года Жорж Клемансо поставил украинский вопрос в разряд «особого управления» и назначил в качестве комиссара Франции на Украине генерала Жоржа Табуи, который подчинялся персонально Клемансо[361].

[359] Soutou G.-H. La grande illusion. Quand la France perdait la paix 1914-1920. Paris, 2015. P. 264.
[360] По всей видимости, под «украинизацией» имеется в виду актуальная для французской миссии идея о том, что хорошо организованные, укомплектованные и дисциплинированные национальные войска на территории России своим примером способны оказать реальное влияние на восстановление русской армии «каким бы ни был ее цвет: красным, белым, черным». См.: SHD/T, 7 N 761. Note sur l'emploi de troupes Tchéques et Serbes pour la défense de Mourmansk-Arkhangelsk, 10 mai 1918.
[361] Grandhomme J.-N. Le Général Berthelot et l'action de la France en Roumanie et en Russie méridionale (1916-1918). P. 642.

Разумеется, с началом немецкой оккупации, задача формирования и подготовки национальных контингентов существенно осложнилась - значительная часть призывного контингента оказалась во власти противника и оставалось полагаться только на привлечение добровольцев из числа военнопленных и усиление контроля над над ранее созданными в русской армии национальными формированиями. Ведущим мотивом деятельности Франции на Украине стало противодействие Германии в отношении эксплуатации материальных ресурсов российской житницы. Посол Нуланс обозначил эту деятельность как «поддержание хаоса»: французским агентам предписывалось организовывать террор и диверсии на территории Украины[362]. Эта программа начала претворяться в жизнь уже в марте 1918 года, когда на Украину нелегально прибыл диверсант Анри де Вертамон, с задачей уничтожить хлебные запасы с помощью кислоты на украинских элеваторах[363]. На Украину французский разведчик добрался не позднее 22 марта 1918 г., что подтверждается телеграммой, адресованной сотруднику Второго бюро, капитану Виллему[364], в которой сообщалось, что *«мсье Анри пребывает в Киеве со специальной миссией»* и у него все в порядке[365]. Сам де Вертамон упоминает, что ему предписывалось *«поддерживать на Украине состояние колебания, которое помешало бы немцам притянуть к себе порядке 300 000 человек из этого региона, которые должны были отправиться на наш фронт»* и что он смог добиться в этом деле значительных результатов[366].

В то же время, 21-22 марта, на Украину была отправлена миссия Эзара, для осуществления диверсий в районе Харькова и Кременчуга: её сотрудники разбирали железные дороги, взрывали мосты (обсуждался вопрос, где именно лучше это сделать – в Екатеринославе или Кременчуге) и вывозили уголь из шахт,

[362] AMAE, SG, Dossier 670, Action de la France en Russie
[363] Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. Т.1. М., 1997. С. 143.
[364] Капитан Виллем направлен на Юг России генералом Бертело, главой французской военной миссии в Румынии, для информирования последнего обо всем происходящем в этом регионе.
[365] AMAE, SG. Dossier 674.
[366] SHD/M. MV CC 7 4e Moderne, Carton 435, Dossier 2. Личное дело Марсиаля Мари Анри де Вертамона. Письмо.

«из которых многие уже затоплены»[367]. Глава миссии – 58-летний инженер Эзар, доброволец, вернувшийся из командировки на русский Север, где обсуждал с архангельским губернатором Сомовым вопрос о создании Автономной Республики Севера, во главе которой он, Эзар, должен встать[368]. Генерал Лаверн предполагал, что ему же была поручена работа по подготовке к разрушению линии Псков-Петроград[369].

Между тем, аналогичные акции как антинемецкой, так и антибольшевистской направленности осуществлялись французскими промышленниками в центральной части России: после заключения Брест-Литовского мира Пьер Дарси с военной комиссией исследовал вопрос уничтожения военных материалов, чтобы они не достались немцам, а затем организовал эвакуацию военных материалов в Архангельск, передав их союзникам[370]. Вряд ли эта деятельность нашла бы поддержку у большевистского руководства, о чем говорит и то, что Дарси работал по поддельным документам: *«Г-н Дарси прикрылся бельгийским паспортом - <он> - г-н Лест!»*[371]. Кроме этого, Дарси занимался закрытием французских заводов в России с целью ускорения экономического разрушения страны[372].

Тот факт, что германская оккупация мешала французам свободно посещать территорию Украинской Народной Республики, диктовал решение опираться на нелегальных агентов[373]. Так, в Киеве работала группа нелегалов, возглавляемых капитаном Энно, шефом службы разведки в Киеве и Виктором Серкалем Даррасом, бывшим атташе киевского консульства Франции, которая вела не только антигерманскую деятельность, но и занималась изучением феномена украинского национализма. Эта миссия сложилась в декабре 1918 года и

[367] SHD/T, 6 N 221. Telegramme chiffre, Attaché militaire à Ministre Guerre (Moscou, 21 mars 1918)
[368] Ibid. Telegramme chiffre, Attaché militaire à Ministre Guerre (Moscou, 1 Avril 1918)
[369] Ibid.
[370] Kuzmina S. Pierre Darcy (1870-1918), acteur majeur du développement de l'industrie métallurgique en Russie au début du XXe siècle. P. 511.
[371] Паскаль П. Русский дневник. С. 533.
[372] Pascal P. En communisme. Mon journal de Russie 1918-1921. P.168.
[373] AMAE, SG, Dossier 670, Action de la France en Russie.

оставалась на Украине вплоть до августа 1919 г.[374] Генерал Бертело писал о ней так: *«…отправить в Киев французскую миссию, которая установит отношения с украинскими властями под предлогом снабжения румынского фронта, политическая деятельность этих офицеров должна быть только анти-немецкой <…>. Миссия выехала из Ясс 3 декабря и включала в себя офицера моего штаба, полковника, интенданта и двух офицеров»*[375].

Сюжет о диверсионной работе представителей Франции на территории Украины, безусловно, нуждается в проработке немецких источников. Сложно сказать, осуществились ли запланированные разрушения на практике и насколько результативными они были. Тем не менее, можно утверждать, что работа французской военной миссии на Украине была для немцев секретом Полишинеля: представитель германского духовенства Карл Гельсхорн вспоминал о судебных процессах в отношении представителей Рады, министров Жуковского и Ткаченко: их обвиняли в связях с французской миссией, *«которая и в начале апреля продолжала находиться в Киеве, а члены её расхаживали в польской военной форме»*[376].

Параллельно, на южном направлении работал генерал Анри Бертело. Ненависть Бертело к большевикам была очень сильна, при этом он не интересовался внутрипартийными дебатами и разного рода нюансами текущей политической жизни России, поэтому совершенно однозначно считал большевиков даже не агентами немцев, а непосредственно – немцами, «только с

[374] Grandhomme J.-N. Le Général Berthelot et l'action de la France en Roumanie et en Russie méridionale (1916-1918). P. 654.
[375] Rapport №24 // La Roumanie dans la Grande Guerre et l'effondrement de l'armee russe. Edition critique des rapports du général Berthelot chef de la mission militaire française en Roumanie 1916-1918. P. 336-337. Руководителем миссии был назначен полковник Маршаль. В перспективе в ее состав вошли 12 человек из французской миссии в России и Румынии: су-лейтенанты Брюйер (адъютант Табуи) и Шварц (экономическая секция), капитаны Энно (служба разведки), Де Николаи (помощник Табуи), Пелле (географическая служба) и Кеннек (шифрование), майор (chef de bataillon) Денц (служба разведки), майор (chef d'escadron) Журдан (2 бюро), майор Гравье (экономическая секция), су-интендант 2 класса Массо и подполковник Шампен (экономическая секция).
[376] Гельсхорн К. С германскими войсками на Украине: к истории германской катастрофы // Украина – 1918. Взгляд из Германии. М., 2018. С. 307.

другой этикеткой»[377]. В связи с этим, организация национальных армий стала важным элементом его военно-политической деятельности: *«В России полная анархия <…> Я считаю своим долгом, вмешаться в борьбу всеми силами, которыми я располагаю»*[378]. Помимо работы с румынскими вооружёнными силами, он планировал организовать контингенты из казаков («они получили важные землевладельческие привилегии при старом режиме») и украинцев, что соответствовало меморандуму Ф. Фоша «О мерах, которые необходимо принять в отношении России». Суть меморандума состояла в том, что румынская армия составит ядро сил сопротивления немцам на новом Восточном фронте. К ней, в свою очередь, примкнут Украина, Дон, народы Кавказа, и находящиеся в России чехословацкие воинские части[379]. Это так же называлось в терминах эпохи «создание блока «Украина-Румыния» - «серьёзной силы, которая будет держать Дон»[380].

В контексте реализации национального проекта, в ноябре 1917 года, задаваясь вопросом «в какой мере мы можем рассчитывать на Каледина?» Бертело направил в расположение донского атамана французского офицера – Ги де Курсона де Вильнёва. Первоначально ему ставилась задача добыть актуальные сведения о положении Каледина, а также узнать размышления атамана относительно восстановления порядка в России и борьбы с кризисом, инспирированным большевиками[381]. Бертело не забывал и Кавказ: во второй половине декабря 1917 года он направил для связи с армянским движением майора Потирона де Буафлери и су-лейтенанта Корнелу, который должны были

[377] Sarmant T. La désintégration de l'armée Russe sur le front roumain d'après les rapports du Général Berthelot 1917-1918 // La Roumanie dans la Grande Guerre et l'effondrement de l'armee russe... P. 73.
[378] Rapport № 24 // La Roumanie dans la Grande Guerre et l'effondrement de l'armee russe... P. 342
[379] Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией 1914-1918. СПб., 2017. С. 102.
[380] Rapport № 26 // La Roumanie dans la Grande Guerre et l'effondrement de l'armee russe... P. 369.
[381] Rapport № 24 // La Roumanie dans la Grande Guerre et l'effondrement de l'armee russe... P. 338-339

действовать совместно с главой французской миссии на Кавказе - полковником Шардиньи[382].

Разумеется, в странах Антанты события октября 1917 года были восприняты негативно. Вместе с тем, доминировала уверенность, что большевики обязаны своей победой лишь случайному стечению обстоятельств и в обозримом будущем лишатся власти[383]. Эта уверенность согревала французских военных и дипломатов достаточно длительное время - вплоть до осени 1918 года, и документы французской военной Миссии многократно подтверждают это. Генерал Анри Ниссель, в начале февраля 1918 года обращал внимание, что *«Большевики – это интернационалисты, идеалисты и фанатики, с которыми мы не можем найти согласия <…> мы можем оказывать им поддержку в предвидении возобновления военных действий только с величайшей осторожностью»*[384]; его помощник полковник Лаверн акцентировал внимание французского руководства на том, что *«Власть поддерживается только террором и слабостью противников»*[385], а посол Нуланс в апреле 1918 г. телеграфировал в МИД: *«У большевиков безнадёжная ситуация. Их режиму осталось 3 недели, максимум месяц жизни»*[386]. Осенью 1918 года Лаверн «утешал» свое руководство: *«В настоящее время страна живёт фактически за счёт своих резервов. Она скармливает их народу, но скоро они будут исчерпаны. В сущности, вплоть до настоящего времени советское правительство не надеялось устоять»*[387]. С другой стороны некоторыми представителями Миссии высказывалась мысль, что оказавшись у власти и столкнувшись с необходимостью реагировать на реальную обстановку, большевики убедятся в несбыточности прожектов мира «без аннексий и

[382] Rapport № 26 // La Roumanie dans la Grande Guerre et l'effondrement de l'armee russe... P. 369.
[383] Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. С. 21-22.
[384] SHD/T, 6 N 224. Rapport №10 du Général Niessel du 2 Fevrier 1918 (resumé)
[385] SHD/T, 7 N 761. Le Général Lavergne, Chef de la Mission militaire française en Russie à Monsieur le President du Conseil, Ministre de la Guerre (29 mars 1918)
[386] AMAE, SG, Dossier 670. Telegramme de Noulens (Vologda, 14 avril 1918).
[387] SHD/T, 6 N 53. Le Général Lavergne, Attaché Militaire près l'Ambassade de France en Russie, à M. Le President du Conseil, Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armée, Groupe de l'Avant, Etat-Major de l'Armée, 2ème Bureau I, Son Excellence M. l'Ambassadeur de France en Russie, à Arkangelsk.

контрибуций» и будут вынуждены продолжить войну против Германии. Можно сказать, что период с октября 1917 г. по март - апрель 1918 г. во французском военном и политическом руководстве прошёл в борьбе между двумя взаимоисключающими позициями, которые в апреле 1918 г. кратко выразил посол Третьей Республики в Советской России Ж. Нуланс. В заметке «О деятельности Франции в России» он обозначил, что пришло время выбрать одно из двух: либо сохранить текущую ситуацию, поддерживая большевиков в их усилиях создать новую армию, либо объединить вокруг себя представителей правой оппозиции, поддерживая их финансово, материально и морально[388].

Предвкушение скорого поражения большевиков, создание «подшефных» национальных армий и необходимость объединения верных Антанте политических и военных представителей с целью противодействия Германии, требовали достаточно разветвленной разведывательной службы. По мнению генерала Нисселя подобная деятельность осложнялась отсутствием в России вменяемой службы контрразведки, поэтому он предлагал создать соответствующую французскую службу в России, следуя примеру англичан, и просил в письме на имя военного министра Франции денег на ее организацию[389]. Можно сказать, что задача, поставленная Нисселем, была впоследствии блестяще реализована. Французский публицист, специализирующийся в области истории разведки, Рене Фалиго в одном из своих очерков вложил в уста «шефа МИ-6 в Советской России» Эрнста Бойса следующие слова: *«Самая лучшая разведсеть здесь у французов: у них больше денег, больше самых ценных налаженных контактов… Не в обиду вам будет сказано, но придется считаться с «френчами»*[390]. В этой цитате отражена существенная особенность французской военной миссии: «френчи» в Российской Империи действительно представляли наиболее значительную и влиятельную колонию, системоообразующим ядром

[388] AMAE, SG, Dossier 670. Action de la France en Russie.
[389] Попова С.С. Между двумя переворотами. С. 156-157.
[390] Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. Т.1. С. 142.

которой являлась французская военная Миссия. Французская Миссия была наиболее значительным по численности и влиянию представителем Антанты на территории России. К декабрю 1917 года Миссия насчитывала 1250 человек военнослужащих, а также медицинского персонала. На 15 декабря 1917 года состав и дислокация сотрудников миссии были следующими:

- *центральный аппарат миссии в Петрограде* – 42 офицера, 66 рядовых и унтер-офицеров;

- *охрана французского посольства в Петрограде* – 12 рядовых и унтер-офицеров;

- *при Ставке Верховного Главнокомандующего* – 4 офицера, 3 рядовых и унтер-офицера;

- *в расположении Северного фронта* – 10 офицеров, 7 рядовых и унтер-офицеров;

- *в расположении Западного фронта* - 9 офицеров, 7 рядовых и унтер-офицеров;

- *в расположении Юго-Западного фронта* - 8 офицеров, 8 рядовых и унтер-офицеров;

- *в расположении Румынского фронта (помимо миссии ген. Бертело)* - 6 офицеров, 6 рядовых и унтер-офицеров;

- *в расположении Кавказского фронта* - 1 офицер;

- *аппарат миссии в Москве* – 25 офицеров, 266 рядовых и унтер-офицеров;

- *сотрудники авиационной части миссии*: в Петрограде 6 офицеров, 7 рядовых и унтер-офицеров; в Москве 5 офицеров, 18 рядовых и унтер-офицеров; в Киеве 1 офицер, 10 рядовых и унтер-офицеров, в Одессе 1 офицер, 5 рядовых и унтер-офицеров; в Смоленске 1 офицер, 5 рядовых и унтер-офицеров; в Крыму 16 офицеров, 75 рядовых и унтер-офицеров; в Двинске 2 офицеров, 1 рядовой; в расположении Юго-Западного фронта 13 офицеров, 135 рядовых и унтер-офицеров;

- *сотрудники медико-санитарной части миссии*: в Петрограде 2 офицеров, 4 рядовых и унтер-офицеров, в Киеве 23 офицера, 111 рядовых и унтер-офицеров, 22 человека вспомогательного медицинского персонала, в Тифлисе 10 офицеров, 43 рядовых и унтер-офицеров 3 человека вспомогательного медицинского персонала; в расположении Западного фронта (в документе «Нарев») – 11 офицеров, 56 рядовых и унтер-офицеров; в расположении Юго-Западного фронта 20 офицеров, 110 рядовых и унтер-офицеров;

- *сотрудники артиллерийской технической части миссии*: в Петрограде 3 офицеров, 2 рядовых; в Москве 7 офицеров, 5 рядовых и унтер-офицеров; по одному офицеру в Харькове, Перми, Екатеринославе; 4 офицера и 1 рядовой на Донбассе, 2 офицера и 1 рядовой в Ростове-на-Дону, 1 офицер и 1 рядовой на Урале, 1 рядовой на Кавказе;

- *сотрудники миссии пропаганды*: в Петрограде 4 офицера, в Тифлисе и Архангельске по одному офицеру, в Мурманске 3 офицера, 2 рядовых;

- *сотрудники миссии, отвечающие за контроль почтовых отправлений*: 2 офицера в Петрограде;

- *личный состав, обслуживающий радиостанцию*: 1 офицер, 6 рядовых и унтер-офицеров

- *специальные задачи*: в Торнео и Гельсингфорсе по одному офицеру и рядовому[391].

Говоря о многочисленности французской колонии, следует учитывать, что здесь перечислены только представители военного министерства, составляющие персонал Миссии, помимо которых (и в тесной связи с которыми!) в России действовал дипломатический персонал, а также представители финансово-промышленных кругов, консульские и коммерческие агенты, и т.д.

[391] AMAE, SG, Dossier 758. Le President du Conseil, Ministre de la Guerre à Monsieur le Ministre des Affaires Etrangeres. Paris, 10 Decembre 1917.

Представители МИДа нуждались в быстром получении информации из самых разных регионов России, поэтому в получении информации из регионов России опирались на созданные ими ещё в 1916 году, т.н. консульские посты. По всей видимости, в их число входили представители французского капитала, интеллектуалы, которые обладали положением, позволявшим получать информацию на самом высоком уровне. В качестве примера можно привести консульского агента в Нижнем Новгороде Поля Дюфура, директора русско-французского общества электромеханических заводов в Харькове, водившего тесное знакомство с Красиным, а также встречавшегося с Л.М. Караханом и Г.В. Чичериным[392].

Так, уже в 1917 г. консульские агенты кооперировались с агентами коммерческого общества «Товаро-Обмен», созданного Пьером Дарси для скупки «необходимого для ведения войны» сырья, которое в нестабильное время продавалось очень дешёво [393], делили функции по сбору информации – консульские сотрудники занимались «политикой», Товаро-Обмен – «экономикой». Помимо получения интересующих их сведений (политическая ситуация в России, состояние инфраструктуры, состояние материального и продовольственного обеспечения страны, существующие запасы металлов, тканей, сырья, и др.), консульские агенты занимались политической и экономической пропагандой, оказывали поддержку национальностям. При этом статус консульского агента не был официальным, его носитель мог использовать своё влияние лишь в вопросах защиты интересов граждан Франции и Бельгии на территории России. Представители французской дипломатии с оптимизмом смотрели в будущее: планировалось широко использовать консульские посты и в послевоенное время. Наиболее серьёзный аппарат службы планировалось создать в Москве.

[392] AMAE, Serie Z. Carton 607, Dossier 3. Télégramme déchiffré, Stockholm, 24 octobre 1918.
[393] Нуланс Ж. Моя посольская миссия в Советской России 1917-1919 г. // Заброшенные в небытие. Интервенция на русском Севере глазами ее участников (1918-1919). Архангельск, 1997. С. 127, 134. См. также: Верстрат М. Дорогами прошлого. Отрывки из воспоминаний // Из глубины времен. Вып. 11. СПб., 1999. С. 255.

По состоянию на октябрь 1918 г., по свидетельству Жозефа Нуланса на территории России действовали следующие консульские агенты:

Таблица №3. Консульские агенты Франции на территории России на октябрь 1918 г.[394]

№	Агенты и курьеры	Территория обслуживания
1	Эйбер, Девранш, Лоран	Архангельск
2	Трувэ	Вологда
3	Поль Дюфур[395], Годфруа[396]	Нижний Новгород
4	Лагранж	Казань
5	Комо	Самара
6	Бояр	Пермь
7	Николя, Воган	Саратов
8	Кастане	Ташкент
9	Шарбо, Потье	Царицын
10	Моро (?)	Харьков
11	Мулье (?), Бертеротт	Киев
12	Каттаво[397]	Екатеринослав

Таким образом, в течение 1915-1917 гг. на территории союзника сформировалась мощная централизованная структура вооружённых сил Третьей республики. В круг её компетенции, помимо военных, входили стратегические и политические вопросы, при том, что миссия оставалась независимой от русских властей в вопросах связи, а потенциальные возможности влияния на внутреннюю обстановку в России оказались значительно большими, нежели мог изначально

[394] AMAE, Serie Z. Carton 607, Dossier 4. Telegramme de Vologda, sans date (Noulens)
[395] Бывший директор франко-русского общества электро-механических заводов в Харькове, с июня 1918 г. – консульский агент в Нижнем Новгороде, см.: AMAE, Serie Z. Carton 607, Dossier 3. Télégramme déchiffré, Stockholm (24 Octobre). Его помощник – Жодо (Jaudot). В октябре 1918 года официальным разрешением Карахана оставался на территории России.
[396] Секретарь Поля Дюфура, бельгиец.
[397] Консульский агент, предположительно, с 1916 г.

предполагать Ланглуа. В рамках борьбы с общим противником подобное положение дел не вызывало опасений. Но изменение политической ситуации в феврале и, особенно, в октябре 1917 года превратило французскую военную Миссию в России из вспомогательного органа межсоюзнического взаимодействия в самостоятельную политическую и стратегическую единицу, руководитель и сотрудники которой были вынуждены отстаивать интересы Франции в условиях краха Русского фронта. Можно сказать, что за первые годы войны сложились предпосылки ситуации, при которой русские власти окажутся неспособными контролировать деятельность французского союзника на своей территории не только из-за внутриполитических проблем, но и по причине его могущества.

В марте 1918 г., после подписания Брестского мира Ниссель вернулся во Францию, его сменил полковник Лаверн[398].

§ 3.2. Левая иллюзия: Альбер Тома, Жак Садуль и другие

К концу 1917 года в переговорном процессе между Советской Россией и Францией существовали реальные сложности. В декабре, отвечая на одну из телеграмм, Лев Троцкий указал, что никаких отношений с французскими дипломатическими структурами на данный момент не существует[399]. До середины декабря вместе со всем дипломатическим корпусом посол Жозеф Нуланс проводил политику непризнания и игнорирования Советской власти. Лишь после того, как межсоюзная конференция, собравшаяся в Париже 28 ноября 1917 г., приняла решение «вступить в неофициальные сношения с Петроградским правительством», Нуланс нанёс визит в Наркомат Иностранных Дел[400]. Это имело и некоторые позитивные последствия для французской стороны. Морис Верстрат так вспоминал о встрече французского посла и наркома иностранных дел: *«В*

[398] Данилова О.С., Краева Т.В. Французская военная миссия в России… С. 93.
[399] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.1. Оп. 1. Д. 34. Л. 2. Ответ Л.Д. Троцкого на почтотелеграмму Начштабу Петроградского военного округа (декабрь 1917 г.).
[400] Данилова О.С., Краева Т.В. Французская военная миссия в России… С . 92.

любом случае, то, что Нуланс принял Троцкого имело свои результаты, хотя и судьба французов в России не имела долгой истории, это позволило нам дышать более свободно. Английская газета в Петрограде неоднократно прекращала работу, но французские газеты «L'Entente» и «Journal de Petrograd» – были вне преследований» [401] . Однако, несмотря на «дипломатический демарш» взаимодействие между военными представителями Франции и Советской Россией все же осуществлялось. В частности, в распоряжение Народного комиссара по военным делам регулярно поступали сводки о расположении германских частей [402], в середине октября 1917 года в Россию отправились французские картографы[403], продолжала работу военно-техническая миссия майора Пио, и т.д.

В напряжённой политической обстановке наладить взаимовыгодные отношения с советским руководством пытались французские левые. В некоторой части европейского истеблишмента существовало понимание того, что закрывать глаза на революцию и игнорировать большевиков, пришедших к власти в России, невозможно, так в Советской России в качестве неофициального агента появился социалист Жак Садуль, соратник Альбера Тома, направленный в Россию по согласованию с генералом Нисселем в качестве политического наблюдателя. Официально Садуль был командирован в Россию 8 сентября 1917 года [404], и являлся сотрудником французской военной Миссии, как говорит Лаверн – *«для порядка, но он никогда не исполнял функций, соответствовавших его званию»*[405].

Существует мнение, что подобные «неофициальные агенты» (главным образом, Садуль и Локкарт) были актуальны, прежде всего, для направляющей стороны, в качестве информаторов правительств Франции и Великобритании. Например, Р. Локкарт специально разъясняет в своих мемуарах, что подобный

[401] Verstraete M. Mes Cahiers Russes P. 233.
[402] РГВА. Ф.3. Оп. 1. Д. 96. Л. 51-56, 63-64, 66, 70-71, 99-100.
[403] AMAE, SG. Dossier 758. Le Sous-Secretaire d'Etat de la Guerre à Monsieur le Ministre des Affaires Etrangeres (15 octobre 1917).
[404] SHD/T 7NN 2013, Note pour le Sous-Secrétaire d'Etat de la Justice Militaire. Paris, le 27 Avril 1919
[405] SHD/T 7NN 2013, Le Général Lavergne, Attaché Militaire à l'Ambassade de France a Monsieur le Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armée – 2 Bureau. Moscou, le 26 Août 1918

«неофициальный статус» позволял английскому политическому руководству по соображениям текущей конъюнктуры одинаково убедительно как подтверждать наличие контактов с большевиками в случае необходимости, так и отвергать упрёки в таких контактах. На самом деле, подобный дискурс весьма продолжительное время был актуален и для некоторых большевиков, в том числе после разоблачения Роберта Локкарта. Секретный сотрудник при Президиуме ВЧК Александр Филиппов[406] отстаивал идею разрыва со старой дипломатической традицией, предлагая опираться на сочувствующих идее большевизма иностранцев, что выражают симпатии к рабочим и трудящимся классам, а не на кадровых дипломатов (типа Нуланса и Френсиса), отстаивающих «династические интересы»[407]. В данном контексте понятие «сочувствующего иностранца» было гораздо шире: привычные Садуль и Локкарт рассматривались далеко не единственными благопожелателями Советской России: назывались имена американца Робинса и французского банкира Верстрата [408] . Предполагалось использовать их в качестве экономических консультантов при СНК, задействовав их управленческий, профессиональный опыт. Между тем, Морис Верстрат, коммерческий атташе Франции в России, вице-президент Русско-Азиатского банка в Петрограде, был одним из информаторов правительства Третьей республики. Автор двух монографий о промышленности Российской Империи («Россия индустриальная», «Урал»), он прекрасно знал страну пребывания. Верстрат был одним из немногих представителей Франции, обладавших несколько отличным от своих компатриотов взглядом на происходящие события. Что касается шаткости режима большевиков, он выразился следующим образом: «*Провозглашается, что победа большевиков эфемерна, что их власть скоро*

[406] **А.Ф. Филиппов** – внештатный сотрудник ВЧК, бывший издатель газеты «Деньги» и доверенное лицо Ф. Дзержинского. См.: Капчинский О.И. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М.: Крафт, 2014. С. 162-163.
[407] Памятная записка народного комиссариата по военным и морским делам РСФСР в Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР о реорганизации дипломатической службы в отношениях с США и Европой (10 апреля 1918 г.) // Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918-1926. М., 2002. С. 17-18.
[408] Там же.

падет. Я думаю ровно наоборот, что они устоят надолго, что то движение, которое они развязали, гораздо сильнее, чем можно себе представить. Оппозиция чиновников и забастовки банковских служащих имеют один результат – негодяям отдадут ключи от контор и сейфов, что еще более усугубит тяжелую обстановку. И это не значит, что большевики будут отброшены, а бастующие чему-то научатся на собственной шкуре <…>. Большевики располагают мощной силой и жестко ее используют»[409]. Более того, банкир был склонен рассматривать большевиков как союзника против Германии, исходя не столько из эфемерного военного потенциала, сколько из сущности левой доктрины: *«Что касается наступления на капиталистическую собственность, большевики не меньшие враги немцев, чем иных наций»* [410], *«Только находясь тем или иным образом в контакте с большевиками, союзники смогут оценить, в какой степени можно с выгодой воспользоваться теми их особенностями, что враждебны Германии»* [411]. Как и многие союзные наблюдатели в России, он был поражен энергией большевиков и планировал сохранить часть активов в своем банке для будущего сотрудничества с большевиками по реорганизации банковской системы России[412]. Кроме того, Верстрат регулярно общался с Феликсом Дзержинским, делился с ним своими мыслями и идеями относительно устройства советского общества и практической реализации марксистских доктрин[413]. Агент ВЧК Александр Филиппов, через которого Верстрат общался с Дзержинским, отмечал, что сразу после Октябрьской революции банкир разошёлся с официальными представителями Франции – Нулансом и Лавернем по вопросу необходимости признания и сотрудничества с большевиками[414]. Дипломаты Третьей республики не разделяли

[409] Verstraete M. Mes Cahiers Russes. P. 229.
[410] Ibid. P. 232.
[411] Ibid. P. 233.
[412] Carley M.J. From Revolution to Dissolution: The Quai d'Orsay, the Banque Russo-Asiatique, and the Chinese Eastern Railway, 1917-1926. P. 732.
[413] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 17. Л. 1-3.
[414] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 17. Л. 35.

этого оптимизма, так как французское правительство стремилось использовать банковский ресурс для поддержки антисоветских сил в России. В итоге МИД Франции направил инструкцию послу Нулансу, чтобы тот сообщил Верстрату о необходимости прекращения любых попыток взаимодействия с большевиками. В сентябре 1918 года Верстрат был лишен всех полномочий в Русско-азиатском банке[415]. При этом создается впечатление, что Филиппов в определенной степени попал под обаяние французского банкира, и даже считал его «большевиком по убеждениям»[416]. В докладе Дзержинскому Филиппов отмечал, что «с самого появления большевиков и Ленина, Верстрат под моим влиянием и пропагандой <…> всецело стал на принципиальное признание глубины и значительности, а главное психологического соответствия идей большевизма с направлением и образом мыслей масс русского народа», «[он] до сих пор всецело разделял практическую работу большевиков»[417]. При этом «большевистскость» Верстрата не стоит преувеличивать: он советовал Советскому правительству сохранить частную собственность, искоренив капиталистическую, отказаться от трансляции своей доктрины в капиталистические страны[418], Николай Крестинский оставил на его письме следующую резолюцию: *«…считаю, что гр. Верстрат старается только защитить интересы французской буржуазии»*[419]. Более того, как видно из его дневниковых воспоминаний, он совершенно не симпатизировал большевикам, обсуждая с командующим финскими войсками в районе Выборга возможность интервенции в Россию[420] и, в итоге, покинул страну с огромной радостью, отмечая покой, который обрел в Финляндии[421]. На самом деле, подобное снисходительное отношение к большевикам, равно как и возможность

[415] Carley M.J. From Revolution to Dissolution: The Quai d'Orsay, the Banque Russo-Asiatique, and the Chinese Eastern Railway, 1917-1926. P. 732
[416] Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918-1926. С. 17.
[417] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 17. Л. 35.
[418] Там же. Л. 1-3.
[419] РГАСПИ. Ф.76. Оп.3. Д.17. Л.18.
[420] SHD/T, 6 N 53. Le Général Lavergne, Attaché Militaire près l'Ambassade de France en Russie, à M. Le President du Conseil, Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armée, Groupe de l'Avant, Etat-Major de l'Armée, 2ème Bureau I, Son Excellence M. l'Ambassadeur de France en Russie, à Arkangelsk.
[421] Verstraete M. Mes Cahiers Russes. P. 354.

общения с ними, вероятно, была вызвана тем, что в части французского представительства была популярной идея о том, что Ленину в любом случае придется вернуться к капиталистическим формам организации общества[422].

Контакты с представителями иностранных миссий активно поддерживались Троцким, но ровно в тех пределах, пока миссии или их руководство не начинали представлять угрозу интересам Советской республики. С другой стороны, не следует переоценивать и уровень желаемого ими сближения с большевиками. Вероятно, что с помощью идейно близких «максималистам» европейских социалистов, бывшие союзники пытались «обратить в свою веру» левого интернационалиста Троцкого. Пьер Паскаль так вспоминал об этом: *«Садуль хочет подтолкнуть большевиков вправо <…> Как марксист он уверен, что Россия не способна перепрыгнуть этап капитализма»*[423]. Справедливым можно назвать мнение историка Г. Ивановой относительно политической ориентации Садуля в 1917 – начале 1918 гг.: «он рассматривал революционные события в России сквозь призму интересов Франции, Антанты» [424] . Это кажется естественным: в годы Первой мировой войны французские социалисты были инкорпорированы во власть и поддерживали компромисс с соперниками по политическому процессу [425] . Сам Садуль, в отличие от многих своих соотечественников более лояльный к большевикам, оставался проводником политики своего государства, заинтересованного в продолжении Россией войны против Центральных держав, а также в утверждении доминирующего французского влияния в советском правительстве, о чем красноречиво свидетельствуют его дневниковые записи: *«Словом, мы должны занять позицию, изобретенную немцами, которые до войны были связаны с административными*

[422] SHD/T, 6 N 53. Le Général Lavergne, Attaché Militaire près l'Ambassade de France en Russie, à M. Le President du Conseil, Ministre de la Guerre…
[423] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 475.
[424] Иванова Г. М. Предисловие и комментарии // Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917-1918. М., 1990. С. 5.
[425] Вершинин А.А. Коммунисты и социалисты во Франции: утерянное единство (1920-1923) // Французский ежегодник 2009. С. 176-177.

и промышленными делами России. Ее суть в том, чтобы предоставить русским весь «фасад» <…> и управлять машиной из-за кулис, неприметно…»[426], *«… создать глубоко демократическое, жизнеспособное русское государство, противостоящее германскому милитаризму…»*[427]. Можно сказать, что на первом этапе работы «политических медиаторов» стояла задача оценки совершенных и предстоящих социально-политических преобразований большевиков сообразно трендам развития западных демократий. Они полагали себя корифеями в деле республиканского управления и создания основ демократического общества, и, как военная Миссия в военном отношении, так они в политическом, стремились влиять на новое руководство страны в надежде на скорые трансформации, благоприятные интересам их стран. Прежде всего, в интересах восстановления боеспособного фронта.

В современной российской историографии отмечается, что после переговоров в Брест-Литовске, вследствие непримиримой позиции правительства Франции и Великобритании обрекали свой дипломатический аппарат в России на изоляцию. В этой ситуации большую роль сыграли «неофициальные агенты» великих держав, которые могли действовать по своей личной инициативе, не облечённые официальным статусом какой-либо структуры. Так, например, Роберт Локкарт красноречиво называл себя «человеком без политической окраски»[428]. О полулегальном положении свидетельствует и отношение к ним «официальных» соотечественников: Садуль постоянно был гоним многими представителями французской Миссии, относившимися к нему с глубоким подозрением. Вместе с тем, нельзя сказать, что эти агенты никак не управлялись. Так, генерал Лаверн докладывал: *«… капитан Садуль стремился направить своих друзей в Советах к созданию правительства сплочения, включающего, по крайней мере, левых эсеров. Г-н посол поручил мне сказать Садулю, чтобы он прекратил всякую активность*

[426] Садуль Ж. Записки о большевистской революции. С. 218.
[427] Там же. С. 223.
[428] Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. М., 2017. С. 302-303.

в этом направлении под угрозой немедленной отсылки во Францию. Он немедленно подчинился этому приказу»[429]. Описываемый эпизод хронологически можно отнести ко времени марта-октября 1918 года, по всей видимости, столь строгий приказ был вызван стремлением французских дипломатов «уберечь» левых эсеров от кооперации с большевиками для дальнейшего использования их в качестве антибольшевистской силы. Что касается оценки его эффективности верхами Третьей Республики, то создаётся впечатление, что они не нуждались в идеях Садуля. Для руководства он был лишь одним из числа многочисленных информаторов.

Можно сказать, что социалистическая карта не стала в руках союзников кардинально новым решением проблемы взаимодействия с большевиками. Французские социалисты пропагандировали свою прежнюю политику в отношении России, настаивая на интенсификации военных действий против Германии, что было враждебно политическому курсу и воззрениям большевистских лидеров. Оценку их деятельности дал В.И. Ленин в «Письме к американским рабочим»: *«…капитан Садуль, на словах сочувствовавший большевикам, на деле служивший верой и правдой французскому империализму»*[430]. Жак Садуль был креатурой министра вооружений Альбера Тома, который, в свою очередь, не только активизировал начинания относительно фабрикации улик о большевиках, как немецких агентах, но и поддерживал антисоветские диверсионные операции в России. Борис Савинков, уже будучи арестованным, давал чекистам показания, что перед восстанием в Ярославле Альбера Тома направил к нему «своего человека» - Шарля Дюма, депутата города Парижа. Дюма был в натянутых отношениях как с послом Нулансом, так и с военной Миссией, *«он все время настаивал на ... взрывах железнодорожных мостов, поездов со снарядами и т.д. Но, так как, будучи глубоко штатским*

[429] SHD/T 7 NN 2013, Rapport sur l'activite du Capitaine Sadoul en Russie. Paris, le 27 Octobre 1918.
[430] Ленин В.И. Письмо к американским рабочим. // Полное собрание сочинений. М., 1950. Т. 28. С. 44-57.

человеком, он обо всем этом сам имел весьма смутное понятие…»[431]. Что же касается судьбы Жака Садуля - летом 1918 года он гласно перейдет на сторону большевиков. В «Записках о большевистской революции» Садуль утверждал, что регулярно беседовал с Лениным и Троцким, в особенности с Троцким, который в 1925 году вспоминал о своем французском визави как о человеке, который отличался стремлением добросовестно разобраться в том, что происходит вокруг и отмечал эволюцию его политических взглядов[432]. Вместе с тем, отметим, что вопрос искренности большевизма Садуля на сегодняшний день рассматривается как спорный. Учитывая ту особенность, что на протяжении 1919-1920 гг. Садуль нелегально (под видом военнопленного) приезжал во Францию и оккупированные зоны Германии для пропаганды большевизма, организации агитационно-пропагандистских школ и поддержки забастовок, что фиксировалось сотрудниками 2 Бюро без последствий для самого Садуля [433] , можно предположить, что его деятельность «на службе большевиков» на самом деле строилась во взаимодействии со спецслужбами Франции.

§ 3.3. Французская военная миссия и создание Красной Армии

За сотрудничество с большевиками высказывались, прежде всего, военные, как члены французской Миссии, так и высокопоставленные военачальники в Париже, например Ф. Фош: *«Мы в первую очередь должны найти возможность поддержать большевиков в их попытках оказать сопротивление Германии»*[434]. Проблема восстановления Восточного фронта, помимо проекта создания «национальных армий» вызвала к жизни и другую инициативу: возможность организации Красной армии с привлечением военных специалистов Франции.

[431] Борис Савинков на Лубянке: документы. М., 2001. С. 398-399.
[432] Троцкий Л. Французский империализм и советская Россия в период Бреста // Сочинения. М., 1926. Т.17. Ч.1. С. 132-133.
[433] Подробнее см.: Галкина Ю.М., Беспалова К.А. «Дело Садуля»: новый источник о революции 1917 года // Французский ежегодник. 2017. С. 42-57.
[434] Cit. : Delmas J. La paix de Brest-Litovsk et le maintien en Russie de la mission militaire française // Aux vents des puissances. P. 224.

Переговорный процесс с подачи Троцкого[435] начался в первой половине марта 1918 г. В нем принимали участие генерал Лаверн и капитан Садуль, причём Лаверн ставил позитивный результат переговоров целиком и полностью в заслугу Садулю, ловко сумевшему сыграть на комплексе противоречий и страхов в большевистском руководстве. 20 марта 1918 года устные договорённости получили официальное подтверждение: Лаверн получил письмо от Троцкого: *«Честь имею просить вас от имени Совета Народных Комиссаров о техническом сотрудничестве французской военной миссии в деле реорганизации армии, которую собирается предпринять Советское правительство. Садуль сообщил мне <…>, что вы согласовали с французским правительством оказание России помощи, в которой она нуждается. По причине необходимости начать как можно раньше работу по реорганизации, прошу вас срочно ответить на этот запрос»*[436].

В коммюнике Нисселя приводилось уточнение, что речь шла о привлечении 35 офицеров[437]. Целью сотрудничества ставилось восстановление в течение 2-3 месяцев (до нового немецкого наступления) сил в 300-500 тысяч штыков, которые смогут сопротивляться первое время[438]. Обучение началось немедленно: уже 22 марта Лаверн телеграфирует о начале процесса. Военный атташе, относившийся к такому сотрудничеству с энтузиазмом (процесс реорганизации Красной Армии рассматривался как создание «Национальной обороны»), понимал происходящее так: «*Анархисты кажутся прогерманской партией, монархисты являются такими в большинстве, только правые эсеры типа Савинкова видят интерес России в продолжении войны в согласии с союзниками. Весьма сомнительно добиваться падения правительства большевиков. Чтобы вызвать его падение достаточно немногого и тогда есть большой шанс, что всё наследие достанется прогерманской партии. Если большевистское правительство хочет*

[435] Так указывает консул Гренар. См. AMAE, SG, Dossier 760. Telegramme de Grenard (21 mars 1918).
[436] SHD/T, 6 N 221. Telegramme chiffre, Attaché militaire à Ministre Guerre (Moscou, 20 mars 1918)
[437] AMAE, SG, Dossier 760. Telegramme chiffre, Attaché militaire à Guerre (Moscou, 24 mars 1918)
[438] SHD/T, 6 N 221. Telegramme chiffre, Attaché militaire à Ministre Guerre (Moscou, 22 mars 1918)

создать армию, то можно ли из этого делать вывод, что оно решило воевать [с Германией]?» [439] . При этом Троцкий в равной степени запросил помощи Соединённых Штатов, обратившись к военному атташе с просьбой об отправке 10 офицеров, включая специалистов в области железнодорожного дела [440] . Пьер Паскаль вспоминал о результатах этого проекта так: *«Мы увидели […] полковника Юрстеля, ставшего начальником штаба большевистской армии Антонова»*[441].

Западные исследователи отмечают, что в марте 1918 года руководство Франции в лице Ф. Фоша и Р. Пуанкаре было ориентировано на сохранение контакта и диалог с большевиками. Фош настаивал на сближении с ними в ответ на предложение Лаверня сделать ставку на Савинкова[442]. Более того, французский историк Жан Дельма полагает, что, несмотря на заключенный Брест-Литовский мир, март 1918 года явился наиболее продуктивным с точки зрения взаимодействия Франции и Советской России [443] . После успешных договоренностей с Троцким о совместной с США реорганизации армии при ведущем участии Франции, Лаверн даже писал о необходимости «остудить пыл нашей прессы», которая активно муссирует идею о скорой японской интервенции, а также «спустить на тормозах» предложение об оккупации порта Мурманск как преждевременное[444].

Тем не менее, не все французские военные поддерживали идею участия в создании Красной Армии. Так, например, в ходе переговорного процесса о возможном участии французских офицеров в этом мероприятии, Садуль просил о содействии Арсена Верже, но тот отказал ему, полагая, что Садуль – игрушка в руках Троцкого[445]. В марте 1918 года Садуль приезжал к генералу Бертело, главе французской миссии в Румынии, обращаясь от лица Троцкого о его возможном

[439] SHD/T, 7 N 761. Le Général Lavergne, Chef de la Mission militaire française en Russie à Monsieur le President du Conseil, Ministre de la Guerre (29 mars 1918)
[440] SHD/T, 6 N 221. Telegramme chiffre, Attaché militaire à Ministre Guerre (Moscou, 22 mars 1918)
[441] Pascal P. En communisme. Mon journal de Russie 1918-1921. Paris, 1977. C. 167.
[442] Delmas J. La paix de Brest-Litovsk et le maintien en Russie de la mission militaire française. P. 224.
[443] Ibid. P. 216.
[444] SHD/T, 6 N 221. Telegramme chiffre, Chef Mission Française à Ministre Guerre (Moscou, 21 mars 1918)
[445] SHD/T 7 NN 2013, Sadoul.

содействии в деле создания Красной Армии. Генерал, приняв это за насмешку, также ответил отказом[446]. Непримиримую позицию изначально занимал, по свидетельству Локкарта, посол Нуланс, задерживавший корреспонденцию между Садулем и Тома, а также чинивший ему многочисленные препятствия[447]. В результате помощь в реорганизации армии выразилась в достаточно карикатурной форме: Троцкий реально видел только 3-4 французских инструкторов, остальные в Комиссариате не появлялись. Считается, что подобный «демарш» со стороны представителей Третьей республики произошел по инициативе Нуланса; он же смог развернуть обратно и американскую железнодорожную миссию[448].

Несмотря на формально позитивный импульс взаимодействия французской военной Миссии и советского руководства, проект организации Красной Армии с привлечением специалистов Антанты, безусловно, был обречены на неудачу. Во-первых, большевистские лидеры не были заинтересованы в продолжении войны с Германией, во-вторых, подавляющее большинство французских представителей на территории России, главным образом – дипломаты, отнеслись к подобному проекту настороженно в силу того, что «большевики будут использовать военную силу для распространения революции, в том числе и в Европе»[449], а также, возможно нанесут вред японской интервенции. Их мнение было поддержано сотрудниками разведки. Капитан Пьер Лоран уверял руководство Франции, что большевики стремятся создать армию только для борьбы с внутренним врагом, и любая поддержка этого начинания со стороны Антанты обратит сложившуюся ситуацию против самой себя и «преданных друзей Франции в России»[450]. В свою очередь, некоторые представители контрреволюционных сил в России также негативно смотрели на потенциальное сближение французской Миссии с

[446] Torrey E.G. Henri Mathias Berthelot. Soldier of France, defender of Romania. Iasi, Oxford, Portlend, 2001. P. 234-235.
[447] Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. С. 285.
[448] Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. С. 101. О пагубном влиянии Нуланса на процесс содействия организации Красной Армии со стороны французской военной миссии отмечает и Жак Садуль. По его мнению, именно Нуланс положил конец взаимодействию «в апреле или мае 1918 г.». См.: Pascal P. En communisme. Mon journal de Russie 1918-1921. Paris, 1977. P. 167.
[449] AMAE, SG. Dossier 760. Telegramme de S. Pichon.
[450] Ibid. Situation en Russie. Visite de M. le Capitaine Pierre Laurent (31 mars 1918).

большевиками. Например, А.В. Кривошеин в беседе с генеральным консулом Франции в Москве так охарактеризовал эту ситуацию: «Благодаря г-ну Локкарту, Англия поддерживает лакейские отношения с большевиками. Генерал Лаверн же подобен Понтию Пилату: с одной стороны, он боится оскорбить посла и консула, с другой - боится обидеть капитана Садуля, и таким образом, наносит оскорбление Франции и России»[451]. Подобной политикой были недовольны и представители французской колонии в России. Непримиримое отношение к Садулю испытывал глава миссии пропаганды де Шевийи: в частных письмах Франсуа Марсалю он жаловался на то, что Садуль является из рук вон плохим информатором, предлагает неточные сведения, и в целом плохо ориентируется в ситуации. В глазах Шевийи работа Садуля бросала тень и на генерала Лаверня: *«Я сожалею, что мнение Военной миссии благоприятствует соглашению с большевиками. Разделяет ли генерал Лаверн мнение своих сотрудников? Я опасаюсь, что, хоть его безупречная позиция и демонстрирует полную приверженность указаниям посла, яд, который разливает Садуль, оказывает влияние и на Лаверня»*[452].

§ 3.4. Антисоветская деятельность французской Миссии: «кровь патриотов» для «дерева свободы»

Сепаратный мир союзника под давлением обстоятельств не рассматривался французскими военными как однозначная причина для разрыва всех контактов, пока союзник сохраняет потенциал сопротивления. Примером может служить судьба Румынии. В то же время, проблема отношений с большевиками была значительно сложнее с политической точки зрения. «Величайшую опасность, - говорил Ллойд-Джордж Клемансо и Вильсону, - представляет собой уже не Германия, а большевизм, покоривший Россию и теперь способный ко вторжению

[451] AMAE, SG, Dossier 671. Telegramme. Vologda, le 11 mai 1918.
[452] Delmas J. L'état-major français et le front oriental après la révolution bolchevique. P. 179-180.

в Европу»[453]. Подчеркивая ответственность Германии за войну и угрозу, которую она несет Европе, Клемансо предложил создание «санитарного кордона» из новых государств, которые, с одной стороны, изолируют Германию с восточного направления и защитят Европу от большевистского вируса. Исследователи Р. Герварт и Д. Хорн подчеркивают, что с точки зрения Франции большевистская опасность дополняла собой германскую опасность, и связь между этими двумя угрозами подкреплялась сходством между словами «boche» и «bolchevique»[454]. Что характерно, во французских документах можно встретить обозначение Брест-Литовского мира как «*complicité bocho-bolshevik*» (complicité - соглашение)[455]. Большевистская революция понималась французами как не менее «варварская», чем война, развязанная бошами[456].

Если многие военные выступали за сотрудничество с большевиками против немцев, то МИД и правительство Франции во главе с Ж. Клемансо испытывали враждебное отношение к большевикам, как к политической силе. При этом в отличие от специалистов, подчинённых военному министерству, дипломаты оказались более проницательными в политических вопросах: посол Нуланс, консул Фернан Гренар – все они отмечали, что любое взаимодействие с большевиками по восстановлению армии стоит прекратить, так как большевики не склонны продолжать войну против немцев. По мнению представителей МИДа, Троцкий планировал использовать армию в утилитарных целях – иметь под рукой силу для «удержания собственной власти» и борьбы с внутренним врагом[457].

Французы прорабатывали все возможности возобновления борьбы на Восточном фронте, очевидно, поэтому вопрос использования находящегося на

[453] Цит. по: Герварт Р., Хорн Д. Большевизм как фантазия: страх перед революцией и контрреволюционное насилие (1917-1923 годы) // Война во время мира. Военизированные конфликты после Первой мировой войны 1917-1923. М., 2014. С. 67-68.
[454] Там же.
[455] Service historique de la Défense, Marine (SHD/M), MV SS X1. La question russo-siberienne et le role du Japon (25 Juin 1918).
[456] Герварт Р., Хорн Д. Большевизм как фантазия: страх перед революцией и контрреволюционное насилие (1917-1923 годы). С. 68.
[457] AMAE, SG, Dossier 760. Telegramme de S. Pichon.

пути во Владивосток 1-го чехословацкого корпуса, для защиты союзных дипломатических представительств в Вологде от русских, обсуждался военным атташе и Нулансом параллельно с вопросом о помощи Троцкому – 23 марта 1918 г.[458]. Что касается помощи уже обещанной Лавернем Троцкому, по мнению Нуланса, к этому следовало отнестись деликатно: сотрудничество ни в коем случае нельзя прерывать резко, так как это может привести к изгнанию Миссии из России, следует делать это постепенно, удаляя из её состава офицера за офицером, начиная с тех, кто не знает русского языка[459]. Мнению дипломатов оппонировал генерал Лаверн, выразивший мнение, что многие из тех, кто сегодня командует Красной Армией являются бывшими царскими офицерами, и это дает надежду, что новые вооруженные силы Советской республики не станут инструментом классовой борьбы[460].

В конце марта 1918 г. вопрос восстановления Восточного фронта резко обострился. Предпринятое немцами широкомасштабное наступление на западе к началу мая привело их почти на те же позиции, которые они занимали в сентябре 1914 года, Париж подвергался обстрелу из дальнобойных орудий. Антанта оказалась под угрозой военного поражения во Франции и в войне в целом. Нам сейчас, безусловно, известно, что в конечном итоге немецкое наступление было отражено и что в июле – августе 1918 года союзники перешли в контрнаступление, которое привело их к победе. Но не приходится сомневаться, что сложившаяся в апреле - мае 1918 года угрожающая обстановка оказывала серьёзное психологическое воздействие на оценку ситуации французским руководством.

Совокупность военных и политических причин привела к тому, что идея активного противодействия большевикам, вплоть до их отстранения от власти в России, оказалась приоритетной. Здесь можно отметить, что с одной стороны

[458] SHD/T, 6 N 221. Telegramme chiffre, Attaché militaire à Ministre Guerre (Moscou, 23 mars 1918)
[459] AMAE, SG, Dossier 670, Action de la France en Russie
[460] Carley M.J. The Origins of the French Intervention in the Russian Civil War, January-May 1918: A Reappraisal. P. 424-425.

идею «мира без аннексий и контрибуций», провозглашавшуюся большевиками и не поддержанную ни одной из воюющих сторон, принято воспринимать как весьма наивную. Но с другой – планы восстановления Восточного фронта с опорой на «национальные контингенты» или «на здоровые проантантовские силы в России» выглядят не менее наивно. Вряд ли можно было всерьёз рассчитывать восстановить тысячекилометровый фронт, на котором действовала армия великой державы численностью в несколько миллионов человек с помощью отдельных батальонов и дивизий. Единственный успехом такого выступления могло стать лишь падение правительства большевиков, что было предложено рассматривать как самый действенный способ борьбы с Германией на Востоке. При этом курс на интервенцию и вмешательство в дела Советской России стал лишь катализатором Гражданской войны и едва ли повлиял на стратегическую обстановку на Западном фронте.

В контексте борьбы с Советской властью, сложившиеся на территории России структуры Третьей республики использовались в трёх основных формах: разведывательно-диверсионная деятельность в целях поддержки внутриполитических антибольшевистстких сил, организация интервенции иностранными воинскими контингентами и организация антисоветской пропаганды.

В 1917 году французы столкнулись с тщетностью усилий убедить русских с энтузиазмом продолжать войну и ценить усилия Франции. Усталость от войны, приход к власти большевиков и декрет о мире поначалу были восприняты службой пропаганды как недоразумение, которое можно исправить – в нотах и отчётах сотрудников миссии и дипломатов то и дело звучала необходимость удержать Россию в рамках союзнических обязательств и активизировать ее антигерманский потенциал. Согласно ноте, адресованной главе службы пропаганды, майору де Шевийи, расходы на деятельность миссии в 1917 году качественно увеличились, расширялась и география: Одесса, Тифлис, Нижний

Новгород, Екатеринослав, Самара – французское руководство выделило 180 тысяч франков только на аренду помещений для миссии пропаганды в этих городах.

Таблица №5. Состав миссии пропаганды[461] на 9 декабря 1917 г.:

№	Имя/фамилия	Подразделение службы пропаганды
1	Франсуа де Шевийи	Глава службы пропаганды
2	Бартон	Бывший директор школы Берлитц в Петрограде, в 1917 - переводчик Bulletin de la Presse (Петроград)
3	Бенез	Кассир
4	Грасси	Глава кинематографической секции пропаганды (Москва)
5	Гийо	Переводчик французских телеграмм в межсоюзническом Agence telegraphique (Петроград)
6	Юбер	Переводчик Bulletin de la Presse (Москва)
7	Жаен	Служащий франко-русского информационного отдела (Москва)
8	Коффман	В 1917 - переводчик в миссии Гиацинта Луазона (Москва)
9	Лоран	В прошлом – директор общества трамваев и электрического освещения во Владикавказе, в службе пропаганды - редактор-переводчик Bulletin de la Presse (Петроград)
10	Мулен	Профессор, сотрудник Альянс Франсез (Киев)
11	Турнье	Директор франко-русского информационного отдела (Петроград)

[461] Archives Nationales (AN), 62AJ/66. Note pour le Ministre des Affaires Etrangeres. Paris, le 9 décembre 1917. P.1-4.

12	Викэр	Глава московской секции пропаганды, организатор службы прессы в согласии с англичанами и американцами
13	Виолле	Переводчик в службе прессы (Москва)
14	Патуйе	Директор Французского института в Петрограде
15	Вигье	Профессор французского института в Петрограде

Содержание её деятельности практически не претерпело изменений: сотрудникам по-прежнему предписывалось вести адресную пропаганду в кругах финансистов, промышленников, не прекращались выступления спикеров (политиков, литераторов или историков) в крупных городах и кинематографические турне по малым городам России. Посол Жозеф Нуланс вспоминал курьёзный случай, связанный с организацией киносеансов в Архангельске. Французские дипломаты отправили в МИД запрос о присылке фильма, решив, что наиболее удачными будут сюжеты о природе, сельском хозяйстве и промышленности Франции, которые познакомят русского зрителя с достижениями в организации труда. Один из таких фильмов был посвящён технологии обработки земли. Просмотр не предвещал никаких форс-мажорных ситуаций, но в самых последних кадрах, на тракторе, вспахивающем землю, зрители увидели надпись «Сделано в Ландау». Поднялся шум и свист, позднее выяснилось, что сотрудники МИДа прислали довоенную хронику международной сельскохозяйственной выставки[462].

Помимо официальных представителей миссии пропаганды Франции, с задачами пропаганды в России работали и неофициальные представители,

[462] Нуланс Ж. Моя посольская миссия в Советской России. 1917-1919 гг. // Заброшенные в небытие. Интервенция на русском Севере глазами её участников (1918-1919). С. 113-114.

которые приезжали независимо, по собственному желанию и не имели связи со службой Шевийи. Как правило, это были служащие, направленные в командировку теми или иными членами правительства Третьей республики и работавшие автономно от существующих структур[463].

Таблица № 6. Перечень миссий, направленных в Россию за 1916-1917 гг.

№	Кто?	Миссия	Чей приказ?
1	Авенар	Миссия информации	Поль Пенлеве
2	Мальфитано		
3	Жак Бевилль («Аксьон франсез», «Эксельсиор»)	1916 г., ознакомительная поездка и «общение с различными русскими кругами»	Кабинет министров
4	Д-р Бурне, сотрудник института Пастера в Париже, бывший глава лаборатории Мечникова	Пропаганда «под прикрытием» многочисленных научных связей	Министерство народного просвещения
5	Робер де Кэ, шеф русской секции Бюро пропаганды	1916 г., ознакомительная поездка, 3 месяца	-
6	Шарль Дюма, бывший депутат и глава кабинета Жюля Геда	Политическая миссия, апрель-июль 1917	Министерство иностранных дел
7	Аббат Альбер Грасье	Работа с консервативными кругами (объединения православных и католических церквей), весна 1917 г.	-
8	Иван Гомберг	-	Поль Пенлеве

[463] AN, 62AJ/66. Note pour le Ministre des Affaires Etrangeres. Paris, le 9 décembre 1917. P.5-7.

9	Жанвье	Конец 1916 г., командировка 4 месяца	Фотографическая служба армии
10	Лакур-Гайе	Направлены в начале 1916 года на 4-5 мес. для проведения ряда конференций в России и Румынии.	Кабинет министерства иностранных дел
11	Шарль Рише		
12	Лейтенант Легра, ректор университета в Дижоне	С 1916 г. в России, офицер русской армии	-
13	Гиацинт Луазон	Июнь-август 1917, военная миссия	Поль Пенлеве
14	Крессон	Медицинская миссия в Киеве и Тифлисе, выполняла в том числе задачи пропаганды	-
15	Тирар[464]	Ноябрь 1916-июнь 1917, экономическая миссия	-

В миссию пропаганды было привлечено немалое количество учёных-славистов, специалистов в области русского языка и литературы, а также тех французов, кто имел русское происхождение, родственные связи в России и был достаточно компетентен для выполнения возлагавшихся на него задач. Квалифицированные специалисты стали особенно востребованы в 1918 году, им предписывалось *«вступить в прямую связь с теми политическими кругами,*

[464] Задачей Поля Тирара было наблюдение за исполнением Россией договорённостей, принятых на Парижской конференции в июне 1916 года. Тирар стремился оградить Россию от сотрудничества с немецким капиталом и сохранить в стране-союзнике привилегированные позиции французского капитала. Его команда, состоящая из специалиста по кредитным операциям Шазля и горного инженера Бе де Берка, регулярно направляла во Францию отчеты об экономическом состоянии России и настроениях в среде представителей торгово-промышленного капитала. См.: AMAE, Serie C Administrative, 69bis-2. Note sur la politique économique de la Russie après la Guerre.

которые стремятся остаться преданными Альянсу и создать сложности для немцев».

Одним из главных проводников этой идеи можно назвать учёного-слависта, директора парижской Школы восточных языков Поля Буайе. Суть деятельности Буайе на протяжении 1918 года заключалась в подборе агентов из числа своих учеников и их отправке в Россию с миссией «разведки и пропаганды»[465]. В одном из писем послу Жозефу Нулансу, Буайе выразился так: *«Я говорил Вам: чтобы бороться с немецким влиянием, обеспечиваемым в России отлично вышколенными агентами, чтобы защитить наше французское дело (а французское дело должно быть защищено в России), Вам необходимо увеличить число агентов влияния и информационного обеспечения. Вы можете написать мне, и я без всякого бахвальства покажу Вам ребят, владеющих русским языком, умеющих руководить людьми и делами в России, которые могут послужить Вам бесценным подспорьем, поскольку они компетентны, дисциплинированы и, несомненно, надёжны»*[466]. Кандидатуры и время появления агентов в России согласовывались и контролировались послом Нулансом[467], проходя строгий отбор: в предвкушении межсоюзнической акции на Севере и Дальнем Востоке России, на консульства Франции и оставшуюся в Москве военную миссию были возложены достаточно широкие полномочия. Нуланс не видел необходимости, даже считал опасным, присылать сколько-нибудь существенное количество недостаточно подготовленных агентов, которые будут подвержены риску навлечь подозрения большевиков и оказаться у них в заложниках[468]. Буайе и Нуланс находились в постоянной переписке: Буайе присылал послу досье потенциальных

[465] Pondopoulo A. Paul Boyer, ses liens avec la Russie et les enjeux politiques de la réforme de l'École des langues orientales dans les années 1910 // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815-1917). Paris, 2011.
[466] AN, 62AJ/ 66. L'administrateur de l'Ecole Nationale des Langues Orientales vivantes à Monsieur Noulens, Ambassadeur de la République Française en Russie. Paris, le 15 juillet 1918.
[467] AN, 62AJ/ 67. Письмо Ж. Нуланса – П. Буайе. Архангельск, 13 ноября 1918 г.
[468] AN, 62AJ/66. Письмо Стефана Пишона Маргену (Margaine). 31 июля 1918.

агентов, интересовался, усердны ли те, кто уже служит в России, хорошо ли они знают своё дело.

Главным образом, работа была возложена на таких французских интеллектуалов как выдающийся славист Андре Мазон (отношения с кадетами), Эрлих (эсеры), журналист Рене Маршан (связи с крайне правыми и клиром), Вигье (прогрессисты)[469]. Их деятельность не была секретом для сотрудников военной миссии: Пьер Паскаль вспоминал: «Кто-то из консульства однажды сказал: «Справа у нас Маршан, в центре – Мазон, слева – Эрлих»[470].

Андре Мазон, работая при французской военной Миссии, формально не являлся её членом: он находился в России в научной командировке по заданию Министерства народного просвещения Франции. Некоторые исследователи полагают, что «научная командировка» была всего лишь легендой для прикрытия его разведывательной деятельности[471]. Граф Шевийи писал: *«Мазон приедет в Москву. Он будет заводить связи с людьми политических, университетских кругов, и я знаю его достаточно хорошо, чтобы быть уверенным в том, что он выполнит возложенную на него миссию»*[472]. Андре Мазон являлся автором программного документа «Как в настоящее время должна выглядеть французская активность в России»: в очередной раз в Париж были направлены рекомендации о том, как реорганизовать «надоедливую» пропаганду и в каких специалистах нуждается миссия. Учёный высказал мнение: в том, что касается политической контрразведки, стоит перестать направлять в Россию «специальных агентов», «вечно подозрительных и часто неспособных выполнять свою задачу». Очевидно, намекая на себя и себе подобных, Мазон говорит, что такими задачами должны заниматься специалисты, компетентные в русских делах и обладающие связями в

[469] AMAE, Propagande de la France. Note sur le Service de Propagande en Russie (21 Août 1918).
[470] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 582.
[471] Спиридонова Д.В., Филатова К.Л., Чудинов А.П. Французская лингвистическая советология: Андре Мазон // Политическая лингвистика. 2013. №1. С. 200.
[472] AN, 62AJ/66. Письмо Полю Буайе, от 15 мая 1918 г.

России[473]. Идеи Мазона в итоге были услышаны: 8 декабря 1917 года министр иностранных дел Стефан Пишон издал приказ, в котором силами специальной Комиссии требовалось в кратчайшие сроки составить список специалистов, «знающих Россию», для скорейшего их использования в этом регионе. В Комиссию входили генерал Жанен, граф Шевийи, майор Штефаник и Бенеш[474]. Важным оказалось ещё одно замечание Мазона, сделанное 12 октября 1917 г.: *«Все французы в России должны собирать информацию в своих кругах по мере своих возможностей»* [475] . Так, французская военная Миссия все более осознавалась как поле притяжения всей французской колонии на территории России.

Поль Буайе также развивал деятельность в направлении Соединённых Штатов, частным порядком задействовав двух своих учеников – Шарля Крана и Самюэля Харпера, вхожих к Вильсону, чтобы они, в свою очередь, убедили его в необходимости японской интервенции в Россию. По утверждению Буайе, такая интервенция при участии союзников горячо ожидается российскими антибольшевистскими силами, тем более что «революция – это не нерушимая глыба». Также он предлагал направить в Россию несколько десятков специалистов, подобных Андре Мазону, в регионы России «не оккупированные немцами» и людей со смешанным, франко-русским происхождением в оккупированные регионы[476].

На сегодняшний день Национальный архив Франции располагает выдержками из писем, датированных 1918 годом, которые Буайе получал из России от своих учеников: Сишеля-Дюлонга[477], Андре Мазона и Анри Гокье, представлявших т.н. «московскую группу» «агентов влияния»[478].

---

[473] Ibid. Note sur ce que devrait être présentement l'action française en Russie, le 12 octobre 1917. P. 1-2.
[474] Ibid. Приказ С. Пишона от 8 декабря 1917 г.
[475] Ibid. Note sur ce que devrait être présentement l'action française en Russie, le 12 octobre 1917. P. 1.
[476] AN, 62AJ/66. Письмо Поля Буайе (Париж, 13 мая 1918 г.)
[477] **Сишель Дюлонг** – бывший финансовый сотрудник «Анонимной платиновой палаты», владевшей платиновыми приисками на Урале. После национализации приисков в 1918 году, Сишель-Дюлонг продолжал работать в Екатеринбурге, собирая сведения о состоянии промышленности региона, и в частности золото-платиновой

Важно отметить источниковедческую деталь: письма Андре Мазона и Гокье приведены хоть и в обширных, но – отрывках. Причиной этому послужила перлюстрация писем военным министерством. Сохранилась запись самого Буайе, в которой он благодарит военного министра за возможность прочитать письма своих учеников, поскольку они содержат важные страноведческие наблюдения[479].

Гокье, по словам Нуланса, выполнял в Москве «деликатную задачу»[480]. По всей видимости, как минимум, частью этой «деликатной задачи» стало налаживание контактов с Борисом Савинковым, и, поскольку Гокье служил секретарём у консула Гренара[481], то выступал в качестве посредника между французским дипломатом и Савинковым[482]. В одном из писем мэтру он с гордостью рассказывает о знакомстве с ним: *«…спустя несколько дней я вошёл в контакт с Савинковым, у меня с ним прекрасные отношения. Как раз сегодня в тихом доме в переулке я тайно пил чай с этим человеком, чья голова оценена очень дорого…»*[483]. В научно-популярной литературе можно встретить мнение, что Гокье был направлен в Россию исключительно для работы с Савинковым. На самом деле это является не совсем корректным. Если мы обратимся к письмам выпускника Школы восточных языков, то увидим, что круг его знакомств был достаточно велик и включал в себя весь спектр политических течений в России. Главным условием отбора потенциальных кандидатов для сотрудничества представлялось желание бороться с большевиками и обладать эвентуальной способностью «принести порядок в страну». Он поддерживал тесный контакт с князем Трубецким, Борисом Камковым, Григорием Алексинским (его он почитал своим особым другом), Николаем Авксентьевым, Петром Струве и многими

отрасли, его агентом был Модест Клер, председатель УОЛЕ, впоследствии приговоренный к расстрелу. См.: Демакова Е.В. Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по пресечению противоправной деятельности иностранных фирм и некоммерческих организаций на Урале в 1920-е годы // Архивы Урала. №21, 2017. С. 241-242.

[478] Поль Буайе относит к «московской группе» и консула Фернана Гренара, обвиняемого по делу Локкарта и приговоренного к смертной казни.

[479] AN, 62AJ/ 67. Письмо П. Буайе – в Военное министерство. Париж, 11 августа 1918 г.

[480] AN, 62AJ/ 67. Письмо Ж. Нуланса – П. Буайе.

[481] Борис Савинков на Лубянке: документы. С. 397

[482] Там же. С. 398.

[483] AN, 62AJ/ 67. Extrait d’une lettre de M. G... à M. Paul Boyer, Moscou, le 24 avril 1918.

другими. Сам Гокье писал так: *«Разве это трудно понять: в настоящее время нельзя прислушиваться к русскому народу, по той простой причине, что он не видит для себя никакой высшей идеи (возможно, завтра этой идеей будет царь?..), можем ли мы полагаться на тех, что могут призвать некоторые силы для нашей общей борьбы, и навести порядок в России? Давайте использовать Деникина и Савинкова, или других подобных (их очень мало!), но не стоит полагаться на Учредилку или мёртвые Думские собрания, ничего реально не представляющие и избираемые такой же мёртвой Россией»*[484]. Контактам с Савинковым Гокье, скорее, придавал особое значение: *«два человека, с которыми я вступил в связь – Савинков и представитель Алексеева*[485] *– меня приятно порадовали: поделились разработанным планом совместных действий»*[486]. С марта 1918 года действиями бывшего подопечного Буайе руководил консул Фернан Гренар[487].

Председатель ВЧК оставил описание французского агента: *«Лет 27-28, фуражка чиновничья с белым верхом, усы по-американски довольно густые, шатен, маленький»*[488]. Что же касается его личных качеств, в кратком досье, составленным Полем Буайе, было указано, что Гокье является специалистом по русскому языку и литературе, свободно говорит и читает по-русски, прекрасно понимает устную речь, разбирается в текущей политической ситуации и чрезвычайно любит Россию и русских[489].

---

[484] Ibid. Extrait d'une lettre de M. G... à M. Paul Boyer, Moscou, le 6 juin 1918.
[485] Очевидно, генерала Алексеева. Имя представителя не упомянуто автором. Возможно, это князь Трубецкой, неоднократно упоминаемый Гокье в письмах. Весной 1918 года Трубецкой в беседе с Масариком, прося о помощи, выступал как раз от имени генерала Алексеева. См.: Рыхлик Я. Т.Г. Масарик и Гражданская война в России // Т.Г.Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г.Масарика. По материалам международной научной конференции. М., 2005. С. 15. Также это может быть генерал Б. Казанович, в описываемое время навещавший французскую военную миссию и прося помощи от генерала Алексеева. См.: Казанович Б. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май-июль 1918 г. // Архив русской революции. Т. VII. Берлин, 1922.
[486] AN, 62AJ/ 67. Extrait d'une lettre de M. G... à M. Paul Boyer, Moscou, le 6 juin 1918.
[487] AN, 62AJ/ 66. Note pour M. Litaud. Mobilisés actuellement en Russie et qu'il faudrait untiliser au mieux de leur rendement.
[488] РГАСПИ. Ф.76. Оп. 3. Д.1. Л.14.
[489] AN, 62AJ/ 66. Note pour M. Litaud. Mobilisés actuellement en Russie…

Противоречивой фигурой можно назвать и Рене Маршана, в 1919 году написавшего воспоминания «Почему я поддерживаю большевизм?», которая была издана в Париже и Лондоне. По всей видимости, в советской науке Маршан считался тайным почитателем большевиков, в фильме «Заговор послов» (1965) он выведен в качестве безымянного посетителя ВЧК, сообщившего о скором подрыве моста на Званке. История этого эпизода восходит к письму Маршана Раймону Пуанкаре, в котором журналист осуждал диверсионные операции союзных представителей на территории Советской республики. В ходе обысков сотрудниками ВЧК, проведённых во французском консульстве, это письмо было найдено и предано огласке через публикацию в газете «Известия». Тем не менее, специалист по истории спецслужб Роже Фалиго считает, что активность Маршана не была связана с искренней склонностью того к большевизму и предполагает, что французы через Маршана передали ВЧК информацию о «заговоре послов», считая его английской акцией и не желая к ней присоединяться[490]. Кроме того, как уже упоминалось выше, изначально Маршан был направлен в Миссию пропаганды для работы с крайне правыми политическими активистами и клиром.

Деятельность Службы пропаганды была также ориентирована на работу с женщинами. Согласно проекту организации пропаганды в России *«если рождается доброе или дурное мнение, женщины с лёгкостью его разносят. Необходимо, чтобы они были в наших рядах»*[491]. Так, находкой для французской службы пропаганды стала идея организации женских гимназий, с обучением на французском и русском языках, где с ученицами в рамках учебного процесса планировалось вести беседы о войне, обмениваться идеями и «объяснять проекты»[492]. В качестве объекта воздействия пропаганды, рассматривались и дети: *«много раз повторенное слово, впечатляющее изображение отпечатается*

[490] Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. Т.1. С. 145.
[491] AMAE, Berthelot Philippe, Service de propagande, Russie (nov. 1915 - fev. 1917). Programme de propagande en Russie.
[492] Ibid.

в их памяти, и когда человек станет взрослым, эти воспоминания окажут на него влияние»[493].

Директрисой гимназии Св. Петра и Павла для девочек (г. Москва) была фигурантка дела Локкарта, немолодая уроженка Савойи, Жанна-Мари Моренс, воспитанница религиозного братства Святого Иосифа в Шамбери[494], оправданная революционным трибуналом [495] . Защита Моренс сводилась к её неосведомлённости о роде занятий квартиранта, невовлеченности в политические дела в России. Тем не менее, под подозрение Жанна Моренс попала именно потому, что её постояльцем был не кто иной как диверсант Анри де Вертамон[496]. По всей видимости, она состояла в переписке с французским консулом в Самаре и обсуждала с ним политические вопросы. В середине августа 1918 г. Лев Троцкий направил Георгию Чичерину знаменитое письмо «Господам чехословацкой России», которое сопроводил документами, изъятыми у агента французской миссии в Самаре. «Его главный секретарь в пространном письме на имя некоей Жанны сообщает о том, что Самара является главным центром, из которого будут исходить все дальнейшие операции. <…> Он жалуется на то, что война и революция убили вкус к танцам и число его уроков уменьшилось. Но он не унывает. С развитием военных операций увеличится моя работа во французской военной миссии, которая учредится, несомненно, в Самаре». В дальнейшем автор письма приглашает Жанну, тоже учительницу танцев, в Самару, обещает ей выгодное занятие. «Будет создана высшая школа, и если вы будете здесь, вы будете иметь, разумеется, преимущество над русскими. Наша страна и наши представители будут со дня на день выигрывать в размерах своего влияния»[497].

Вскоре это послание Л.Д. Троцкого было опубликовано в газете «Правда». Таким образом, предположительно, Жанна Моренс привлекалась к обеспечению

[493] Ibid. P. 229-230.
[494] Des Savoyardes dans les prisons de Lénine. Le drame russe de la Congregation de Saint-Joseph de Chambéry. Société savoisienne d'histoire, 2003.
[495] Архив ВЧК. Сборник документов / Ответств. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров. М.,2007. С. 585.
[496] Там же. С. 507.
[497] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 399. Л. 2-5.

нелегальной антисоветской деятельности французских представителей и оказалась лицом, в эвакуации которого из Советской России было заинтересовано правительство Третьей Республики. В конце 1918 года между Францией и Советской республикой активно обсуждался вопрос репатриации Русского Экспедиционного корпуса[498]. Жанна Моренс была упомянута в списках лиц, подлежащих эвакуации из России в обмен на 1500 русских солдат и гражданских вместе с такими французскими деятелями как глава французской миссии в Москве майор Шапуйи, сотрудники Службы разведки Эдуард Вакье, Фо-Па-Биде и др.[499].

Среди французских интеллектуалов было немало инициативных молодых людей, желающих принести пользу Франции в России. Одним из таких был Александр Эк, русский по национальности приват-доцент Варшавского университета. Он владел четырьмя языками, был «антибольшевистски настроенным патриотом» и просил направить его в Россию, чтобы сражаться с большевиками. В качестве основной задачи для себя он рассматривал создание «Сибирской газеты». Считалось, что одним из лучших средств против ленинской и немецкой пропаганды является создание популярного, доступного издания. Тем не менее в пределах этого проекта Эк был идеалистом: он предлагал печатать газету тиражом минимум миллион экземпляров, продавать по цене от 5 до 10 копеек и давать в неё материалы с оглядкой на уровень мышления крестьян. Газета должна быть социалистической, ориентироваться на все национальные партии, кроме монархистов и большевиков. Особенно отметим, что Эк всерьёз полагал, что если не получится создавать и распространять издание легально (миллион экземпляров), нужно делать это тайно. Руководство его проект

[498] См.: Попова С.С. Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России. По неопубликованным материалам военного министерства Франции // Россия и Франция: XVIII-XX века. Вып. 1. М.: Наука. 1995.
[499] AMAE, Pichon Stephen, Affaires russes. Nationalités en Autriche-Hongrie 1914-1918. Радиотелеграмма Советскому правительству, 27 декабря 1918 г.

отклонило как нереализуемый, но решило направить его ум и энергию в район Архангельска[500].

Пропагандистская активность французской военной миссии тесно переплеталась с диверсионно-разведывательной. Однако в настоящее время в исследовании данной темы господствуют достижения советской историографии, сформировавшей тенденциозный образ противостояния с бывшим союзником по Антанте и оперировавшей строго очерченным кругом сюжетов. Как правило, когда речь заходит о деятельности разведслужб Антанты, в центре внимания исследователей оказывается т.н. «дело Локкарта», занимавшее важное место в формировании раннесоветской «политической мифологии», особенно в рамках истории становления отечественных органов госбезопасности. Несмотря на всю свою значимость, «заговор послов» до сих пор является легендарным событием. Не в малой степени это обусловлено тем, что большинство свидетельств и исторических исследований по данной теме были опубликованы в советское время, их задачей стало конструирование мифа о бдительных органах государственной безопасности и коварстве интервентов. Соответственно, какие либо сведения об этом событии становились известными в той мере, в которой отвечали данной задаче. Например, такой активный участник борьбы спецслужб лета 1918 г., как Яков Петерс ограничивается самыми общими описаниями действий противника: *«Нам стало известно, что агенты иностранной миссии особенно интересуются войсковыми частями, строят планы разложения наших частей и уменьшения боеспособности сил Советской России, не останавливаются перед поджогами и взрывами складов оружия. Мне помнится, что после грандиозного пожара на одном из вокзалов, когда сгорела масса продовольственных грузов, к нам стали поступать сведения, что это - дело агентов французской миссии»* [501] . Одновременно для исследователей были

[500] SHD/T 6 N 53, Note sur M. Alexander Eck.
[501] Петерс Я.Х. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год Революции // Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя. М., 2009. С. 378

недоступны зарубежные источники за исключением немногочисленных опубликованных воспоминаний участников этих событий.

Тем не менее, разведывательная деятельность французских спецслужб не ограничивается участием в «заговоре послов». Помимо налаживания связей с российскими политическими деятелями сотрудники французской военной миссии устанавливали контакты с офицерами, генералами и даже низшими чинами бывшей русской императорской армии, готовыми в соответствии со своими взглядами вести борьбу против большевиков. Так, в ГА РФ отложилось дело бывшего поручика Н.А. Штырёва, сотрудничавшего с разведывательными подразделениями французской военной Миссии. Сотрудники ВЧК арестовали его в начале февраля 1918 г. и вменяли ему в вину организацию покушения на Ленина, установление связи с Калединым, предполагаемую передачу денег Бурцеву[502].

По всей видимости, Штырёв был офицером, не чужд политической активности: приехал в Петроград с фронта после Февральской революции, в городе надолго не задержался, попав в неприятную переделку со студентами-горняками, взявшими его в заложники. Затем снова уехал на фронт и вернулся обратно в октябре 1917 г[503]. Создаётся впечатление, что Штырёв был человеком, находящимся в состоянии крайней растерянности, угнетённости, поражённым нервной болезнью: это отмечали чекисты, об этом говорит хаотичный, сбивчивый характер его повествования и просьбы, выдвигаемые на следствии. Очевидно, пребывая в подавленном состоянии духа, он завёл знакомство с неким Карлом Христиановичем Розитом, соблазнившим его службой французским контрразведчикам. Риторика «помощи гибнущей Родине» оказалась близка русскому офицеру и Штырёв дал своё согласие. В ноябре 1917 г. поручик был представлен «капитану Лорану, капитану флота[504] и поручику Вакье»[505]. Первым

[502] ГА РФ. Ф. Р336. Оп. 1. Д. 353. Л. 2.
[503] Там же. Л. 12.
[504] Возможно, имеется в виду военно-морской атташе Галло.

заданием Штырёва стала разработка Керенского[506]: донесение сведений о составе его штаба и отряда, людей, его окружающих, командующих отрядом, настроениях среди высших и низших военных чинов, настроениях в Петроградском гарнизоне. Кроме того, в задачи Штырева входила передача устных сообщений агентам французской Миссии, поиск контактов с правящей партией с целью осведомления о её настроениях и состоянии. Капитаном Лораном было выдано задание «похитить чемодан Ганецкого» (указывалось, что Ганецкого и Радека можно даже ликвидировать) и войти в сношения с Калединым[507]. В протоколе допроса также указано, что Штырёву поручалось найти место проживания Ленина, Троцкого, Каменева, Коллонтай и Луначарского [508] , взять на учёт винные склады, общественные организации, заводы, имеющие военное значение, для их уничтожения в случае наступления немцев на Петроград[509].

Привлечение военных выразилось, например, в организации знаменитым контрразведчиком Владимиром Орловым в феврале 1918 года Петроградского разведывательного бюро по инициативе представителей французской военной миссии Шарля Фо-Па Биде и Эдуара Вакье. Данная организация имела обширную агентуру в большевистских учреждениях и собирала материалы в пользу генерала Алексеева и союзников. В марте 1918 года она соприкоснулась со штабом военного руководителя Петроградского района генерал-лейтенанта Шварца. Штаб Шварца, в свою очередь также тесно смыкался с представителями Антанты, в том числе, с французами – лейтенантом Видором[510], майорами Корбелем и Шапуйи, и др[511]. Представляется вероятным, что взаимодействие этих двух структур было

---

[505] ГА РФ. Ф. Р336. Оп. 1. Д. 353. Л. 8.
[506] По всей видимости, имеется в виду интерес французской военной миссии к скорому выступлению Керенского Краснова 31 октября/13 ноября 1917 г. с целью восстановления власти Временного правительства
[507] ГА РФ. Ф. Р336. Оп. 1. Д. 353. Л. 10, 13.
[508] Там же. Л. 13.
[509] Там же. Л. 12.
[510] Возможно, это опечатка и имеется в виду лейтенант Александр Видхоф, действительно являвшийся сотрудником французской военной миссии.
[511] Ганин А.В. Семь «почему» российской гражданской войны. М., 2018. С. 351-352.

инспирировано сотрудниками французской военной Миссии, осведомленными о деятельности обеих организаций.

Исследователь Андрей Ганин указывает, что организации Орлова удалось собрать обширную картотеку партийных функционеров, так как в то время в советских учреждениях было несложно найти людей, недовольных новой властью. Этот подход активно использовался агентами Антанты. В одной из телеграмм[512] Дзержинский сообщал следующее: *«Мною получены сведения через Богуславского (адрес у меня), что агенты англо-франц. получили поручение составить списки советских служащих по категориям:*

1. *Большевики;*
2. *Работающие честно;*
3. *Работающие из-за нужды;*
4. *Саботажники*

Скоро должен приехать в качестве датского или норвежского курьера главный агент по этой работе. Необходимо принять меры»[513].

Примеров привлечения русских офицеров на службу французской контрразведке достаточно много. Вкратце упомянем факт сотрудничества с капитаном Пьером Лораном Бориса Никитина, бывшего полковника штабной службы русской армии, адъютанта штаба Кавказской кавалерийской дивизии, вступившего в контакт с французским контрразведчиком будучи в должности сотрудника штаба военного коменданта Петрограда[514]. В документах архива Министерства иностранных дел Франции находят подтверждение указанные А.В. Ганиным сведения о сотрудничестве генерала А.Л. Носовича с французами в апреле - мае 1918 года в Москве[515]. Согласно рапорту французского

[512] В данном случае сложно установить точную ее датировку, предполагается, что она была написана в период с июля по ноябрь 1918 г.
[513] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 22. Л. 3.
[514] Попова С.С. Между двумя переворотами. С. 363.
[515] Ганин А.В. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2. С. 6-34.

представителя при Добровольческой армии от 29 ноября 1918 года, Носович был направлен в Царицын в мае 1918 года французской военной Миссией в России[516].

Что же касается непосредственно заговора послов, то и здесь трудно упрекнуть советских руководителей в многословности. В связи с ограниченностью источниковой базы и важностью события для ранней советской истории исследователи оставили нам слабо детализированную и политически тенденциозную картину случившегося. Как правило, доступные историкам свидетельства о диверсионно-разведывательной деятельности представлены источниками наподобие письма председателя ВЧК Ф. Дзержинского адвокату Флаку [517], где он объясняет, что *«В т.н. деле Локкарта выявилось, что представители Англии Локкарт, представитель Америки Пуль, представители Франции Ловерно[518] и Гренар имели широкое разветвление своей агентуры, в задачи которой входили не только шпионаж, но и борьба с Советской властью. Борьба эта выразилась в дезорганизации сил молодой республики, особенно Красной армии, в поджоге продовольственных складов, взрыве мостов и снарядов и многих тому подобных преступлениях»*[519].

С другой стороны, и западная традиция оперировала образами события – Сидней Рейли и Брюс Локкарт стали героями комиксов, превратились в стереотипный образ «британского разведчика», всегда успешного, неизменно коварного и холеного. В свою очередь сотрудники французских разведслужб, принимавшие участие в «заговоре послов» остались малоизвестными, чем продемонстрировали более высокий профессионализм.

В данном контексте примечательна судьба одного из фигурантов дела Локкарта, французского разведчика Анри де Вертамона, осуждённого

[516] AMAE, Mission militaire française. Renseignements recueillis sur les officiers des missions envoyees en Russie, Ekaterinodar, 29 Novembre 1918

[517] Поводом к общению с французской стороной стал суд над социалистом Жаком Садулем, проходивший в Париже. В 1924 году капитан Садуль отказался вернуться по Францию, был объявлен дезертиром и приговорен к смертной казни. Париж обратился к Дзержинскому с просьбой охарактеризовать Садуля и его деятельность на территории Советской России в 1918-1919 гг.

[518] Имеется в виду генерал Лаверн

[519] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 341. Л. 1.

ревтрибуналом ВЧК и практически выпавшего из поля зрения исследователей. Его биография заслуживает отдельного описания[520], здесь лишь отметим, что вершиной его карьеры стала поездка в Советскую Россию в 1918 году по приказу Морского министерства в качестве тайного агента французской разведки. По утверждению самого де Вертамона, он принял предложение отправиться в Россию в качестве главы секретной миссии, *«целью которой было уничтожение материальных и военных запасов, которые после Брест-Литовского мира большевики уступали немцам»*[521].

Одним из источников (хотя и скудным), послужившим основой для реконструкции деятельности де Вертамона в России стал рапорт одного из сотрудников его миссии, су-лейтенанта Тессье, описавший основные механизмы формирования миссии и круга ее взаимодействий. Известно, что в нее вошли 3 офицера, двое из которых до войны проживали в России, хорошо знали русский язык и даже вместе работали в Париже в миссии военного атташе, графа Алексея Игнатьева. О целях пребывания капитана 3 ранга де Вертамона в России был осведомлен персонал французской военной миссии.

Как мы уже упоминали, ранней весной 1918 года Анри де Вертамон осуществлял диверсионные операции в Киеве. Тот факт, что сотрудник его миссии, Тессье, повествует о том, что их группа покинула Париж 11 мая и направилась в Россию через Гавр, скорее всего, объясняется тем, что де Вертамон смог отлучиться из России с целью принять вверенную ему миссию и сопроводить ее к месту пребывания.

В Гавре к миссии присоединился ещё один человек: Анри де Вертамон представил его подчиненным как мсье Матена. Ирония судьбы заключалась в том, что су-лейтенант Тессье, несмотря на предпринятую Матеном маскировку, опознал в нем «Иванова» - также бывшего коллегу по службе у генерала

[520] Галкина Ю.М. К вопросу о французском следе в «деле Локкарта»: кто такой Анри Вертамон? // Клио. 2018. №3. С. 176-186.
[521] SHD/M. MV CC 7 4e Moderne, Carton 435, Dossier 2. Личное дело Марсиаля Мари Анри де Вертамона.

Игнатьева. При этом известно, что «Матен» не ушёл от внимания ВЧК: в учебнике по чекистской работе, изданном под грифом «секретно», Матен упоминается как человек, снабжавший диверсионные группы эсеров взрывчатыми веществами и державший с ними связь[522].

В учебном пособии, составленном для сотрудников НКВД, также говорится, что де Вертамон прибыл в Москву под видом беженца и жил под легендой агента донецкой промышленности[523]. Вероятно, его попутчики, Тессье и Делавинь, были призваны подтверждать эту легенду, как бывшие реальные сотрудники французского коммерческого общества в донецком бассейне, и, возможно, консультировать своего шефа по вопросам обстановки на территории Украины.

Феликс Дзержинский охарактеризовал де Вертамона как «офицер для разрушения» и оставил словесный портрет французского диверсанта: *«фуражка чёрная, чёрный (ежиком), маленький, чёрные усы, непромокаемое пальто с поясом, курил сигару»*[524]. Де Вертамон носил незамысловатое конспиративное имя – «мсье Анри», что приводило посла Франции Жозефа Нуланса в отчаяние: это *«лишь пробуждает интерес к тайному характеру миссии»*[525]. При этом, судя по свидетельству коллег, де Вертамон работал автономно, не подчиняясь на территории России никому. Уже ближе к финалу его миссии, Жозеф Нуланс с негодованием телеграфировал, что «полная изолированность от официальных французских структур могла привести «Анри» к печальным последствиям», и что де Вертамон обязан подчиняться военно-морскому атташе в России Галло и военному атташе генералу Лаверню[526]. На подчинении де Вертамона военно-морскому атташе настаивал и сам Галло[527], подкрепляя своё мнение тем, что

[522] О некоторых приемах и методах борьбы контрреволюции против Советской власти (материалы к истории ВЧК-ОГПУ-НКВД). М., 1939. С. 58
[523] Там же. С. 50.
[524] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 1. Л. 15.
[525] AMAE, Serie Z, carton 611, dossier 1. Telegramme en clair, Vologda, 22 juin 1918.
[526] Ibid.
[527] В октябре 1918 года военно-морской атташе будет представлен к повышению в звании *«за выдающиеся заслуги, совершенные в годы Революции в России».* Кроме того, Галло и Вертамон были хорошо знакомы и вне службы в

знаком со всеми разведывательными службами посольства и военной миссии, а также способен свести *«мсье Анри» с агентами службы разведки, «сотрудничество которых может быть для нас драгоценно»*[528].

Специалистами по истории спецслужб считается, что де Вертамон имел прямое отношение к подстрекательству чехословацкого корпуса к вооруженному выступлению против большевиков [529] . Тем не менее, документов, подтверждающих это обстоятельство, пока не открыто, и мы можем только предполагать подобный вариант развития событий в конце мая 1918 года. На наш взгляд, данное предположение выглядит неубедительным. Согласно рапорту Тессье 11 мая де Вертамон однозначно находился в Гавре, следовательно, никак не мог встречаться с представителями чехословацкого корпуса в Поволжье и на Урале в преддверии выступления, разразившегося 15 мая 1918 года. Так если его контакты с чехословаками и имели место, то они приходились либо на более ранний период, либо на конец мая – начало июня, когда выступление чехословаков было свершившимся фактом.

Отечественный специалист по истории спецслужб Александр Зданович представляет де Вертамона как одного из исполнителей операции по убийству немецкого посла Мирбаха[530]. Что характерно, причастность французской военной миссии и сотрудников разведки Третьей республики к этому преступлению не была секретом даже для рядовых миссии, исповедующих коммунистические взгляды. Марсель Боди, бывший свидетелем взрыва и бегства Блюмкина и Андреева оставил воспоминание об этом инциденте: *«Как-то раз, я стою возле здания французской миссии, и вижу выходящего офицера разведки. Он подходит ко мне, перекидывается со мной парой слов и тут мы слышим чудовищный*

России – погодки, они друг за другом поступили в Эколь Наваль и обучались премудростям военно-морского дела на одних кораблях. См.: Salkin-Laparra G. Marins et diplomats. P. 232.

[528] Быков А.В., Панов Л.С. Пребывание и деятельность французского посольства в Вологде в 1918 году // Французская культура в русской провинции (Вологодский край). Материалы чтений. Вологда, 2000. С. 5-22. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/fra/nts/uzs/kaya/1.htm (дата обращения: 03.05.2017).

[529] Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. Т.1. С. 143; Ландер И.И. Негласные войны. История специальных служб 1919-1945. Т.1. Одесса, 2007. С. 141.

[530] Матонин Е.В. Яков Блюмкин. М., 2016. С. 122

взрыв: пришла в действие бомба. В то же время мы видим убегающих мужчин <…>. – Смотри! – сказал мне офицер, - я точно уверен, они приходили убить Мирбаха». Много позже я узнал, что генерал Лаверн, глава военной миссии, без сомнения был осведомлен о заговоре. Пьер Паскаль и Жак Садуль сказали мне, что в тот день он нервничал, и было видно, что он наблюдал за происходящим. С этой же целью на тротуаре стоял и сотрудник разведки»[531]. Пьер Паскаль, в свою очередь, назвал имена: вскоре после убийства Мирбаха в расположение французской миссии пришёл раненый человек, выдававший себя за убийцу, «он приходил дать отчёт Гурдину, сотруднику Борда[532], и получить инструкции»[533]. С левыми эсерами также контактировал Анри Гокье, в письмах своему учителю он сообщал: *«Я вам рассказывал, что снова встретил здесь Камкова, лидера левых эсеров, первый контакт, который вы мне передали в Школе через посредничество Ангарского[534]?..»*[535]. Под вопросом, однако же, остаётся частота таких контактов с Камковым, не исключено, что со стороны Гокье они могли быть эпизодическими.

23-24 августа 1918 г. состоялось собрание представителей Антанты в американском посольстве[536], ставшее в некотором роде легендарным событием, хрестоматийным сюжетом для книг по истории спецслужб. Свидетелем этого совещания оказался французский корреспондент «Фигаро» Рене Маршан, написавший письмо президенту Пуанкаре будучи «возмущённым» варварскими планами представителей Антанты, намеревавшимся обречь жителей Москвы и Петрограда на голод. Письмо было перехвачено и опубликовано в газете «Известия». В то же время начал складываться и позитивный образ Маршана в

[531] Body M. Un piano en bouleau de Carélie. Mes années de Russie 1917-1927. P. 63.
[532] Борд - сотрудник генерала Бертело, главы французской военной миссии в Румынии. Исполнял диверсионные операции на Юге России и в Москве. По убеждению Пьера Паскаля, Борду принадлежит поджог Рязанского и других вокзалов. Выполнял работу курьера по снабжению денежными средствами белогвардейцев.
[533] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 514.
[534] Возможно, имеется в виду Н.С. Ангарский (Клестов), после февраля 1917 г. - член Московского комитета РСДРП (б), член ВРК Хамовнического района.
[535] AN, 62 AJ/ 67. Extrait d'une lettre de M. G… à M. Paul Boyer. Moscou, le 21 juin 1918.
[536] Архив ВЧК. Сборник документов. С. 542

советской историографии – настоящего французского патриота, хотя, по иронии судьбы, сам он вел антисоветскую работу, будучи направленным в Россию в 1918 г. в качестве агента, который должен был установить связь с правыми и клерикалами, пожелавшими сохранить верность Антанте. Возвращаясь к собранию в американском посольстве, в качестве актуальной проблемы звучала необходимость разрушения железнодорожной сети с целью добиться голода в столицах Советской республики[537]. Маршан свидетельствовал, что полемизируя с планом Рейли подорвать мост через Волхов, де Вертамон упоминал о своей попытке взорвать Череповецкий мост, которая, однако же, не удалась. Журналист отмечал, будь она успешной – линии Званка[538]-Вологда-Вятка был бы нанесен непоправимый ущерб. Маршан упоминал и о том, что де Вертамон был в сговоре с путейцами, которые были готовы помочь французскому диверсанту нарушить железнодорожное сообщение на основных линиях, с обязательным условием, что французский диверсант будет пускать под откос только те поезда, что перевозят военные материалы [539] . Это, безусловно, снижало эффективность акций де Вертамона.

В Москве де Вертамон поддерживал контакт с уже упоминавшимся славистом, выпускником Школы Восточных языков Анри Гокье. По крайней мере, одна встреча де Вертамона и Гокье не ушла от внимания руководителя ВЧК: в своем блокноте Дзержинский отметил: *«Между Пушкинск. и Никитскими воротами сидели на скамейке»*[540].

Считается, что благородное происхождение сделало из Анри де Вертамона идеальную фигуру для борьбы с коммунистическими идеями, исследователи отмечают, что в России он пользовался симпатиями бывших царских офицеров,

[537] Там же.
[538] **Званка** – с 1934 г. станция Волховстрой-I
[539] Marchand R. Why I support bolshevism? London, 1919. P. 47.
[540] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 1. Л. 14-15

располагая их к себе «тактом офицера старой Франции» [541] и финансово поддерживал их оппозиционную деятельность[542].

Тем временем, чекисты стали раскручивать антисоветский заговор представителей Антанты и 1 сентября 1918 года в квартире де Вертамона в Милютинском переулке №18 комиссаром ВЧК был проведён обыск, обнаружены зашитые в мебель шифрованные телеграммы, деньги, карты местности и взрывчатые вещества[543].

Один из сотрудников миссии де Вертамона, су-лейтенант Тессье тоже не терял времени даром. Согласно его рапорту, в ходе своего пребывания в Москве ему удалось встретиться с неким полковником «дружественной ему семьи». Этот полковник, по убеждению Тессье, служил в рядах большевиков не по своей воле, и *«предвидел, что в кратчайшие сроки ему будет предложено командовать Красной армией, противостоящей чехословакам на русском Севере*[544]*»*. Пока же полковник оставался в Смоленске. Тессье продолжал, что *«в тот день, когда ему было предложено командование Красной Армией, он приехал в Москву в свой 24-часовой отпуск и заверил меня в своём намерении присоединиться к чехословакам в северной части России, чтобы не принимать тот пост, который ему предназначен»*. В итоге предприимчивый французский лейтенант предложил полковнику принять командование, так как это давало ему возможность служить интересам Франции более эффективно, чем в рядах чехословацкой армии[545].

Тессье уверял, что командование полковником было принято и что он *«получил обещание полной поддержки с его стороны, не только в части сообщений оперативных планов Красной Армии относительно противодействия чехословакам, но также любой помощи, которую он только способен оказать*

[541] Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. Т.1. С. 143.
[542] West N. MI6: British secret intelligence service operations 1909-1945. New York, 1983. P. 17.
[543] Архив ВЧК. Сборник документов. С. 507.
[544] Скорее всего, под «русским Севером» автор рапорта понимает территорию Сибири. Такая ошибка встречалась очень часто в рапортах французских офицеров.
[545] SHD/T, 7 NN 3151. Rapport du Sous-Lieutenant Tessier, de la Mission du Capitaine de Corvette de Verthamon, envoyée en Russie par le Ministère de la Marine.

Франции»[546]. Что характерно, свою разведывательную активность Тессье пытался скрыть как от «недоброжелателя Иванова», так и от шефа, Анри де Вертамона.

20 сентября Лавернь передал телеграмму в Париж, что де Вертамона активно разыскивают[547]. Согласно приговору революционного трибунала Анри де Вертамон был объявлен врагом трудящихся и приговорён к расстрелу[548]. Сам де Вертамон вспоминал это так: *«По окончанию пяти месяцев тайного положения я мог быть предан и продан большевикам, которые пытались меня арестовать, чтобы расстрелять. Мне удалось избежать «правосудия», но в течение месяца я был приговорен к смерти, за мою голову, которая искалась без передышки, была назначена цена. <…> Я смог вернуться во Францию, но меня уже считали мертвым и беспрестанно хвалили»*[549].

Подводя итоги диверсионной деятельности Третьей Республики на территории России, посол Нуланс отмечал, что французы преуспели в уничтожении материальных запасов и продовольствия, предназначенных для снабжения немцев: *«…запасы спирта, авиационный парк, электростанция, склады с боеприпасами, три железнодорожных моста, нефтяные скважины - все это было уничтожено или выведено из строя в оккупированных регионах. Наши команды продолжали свои действия на Украине, рядом с Баку и по границе Чёрного моря»*[550].

В контексте активности Анри де Вертамона крайне важно подчеркнуть проблему, поставленную А.А. Здановичем: Определённую условность терминов «заговор послов» и «дело Локкарта»[551], и вытекающую из неё попытку связать активность Анри де Вертамона с акциями представителей Великобритании. Французские агенты, несмотря на некоторую координацию усилий с союзниками

[546] Ibid.
[547] SHD/T, 6 N 221. Telegramme chiffre, Moscou viâ Stockholm 20 Septembre 1918.
[548] Архив ВЧК. Сборник документов. С. 585.
[549] SHD/M. MV CC 7 4ᵉ Moderne, Carton 435, Dossier 2. Личное дело Марсиаля Мари Анри де Вертамона
[550] AMAE, Serie Z, carton 611, dossier 1. Telegramme en clair, Vologda, 22 juin 1918
[551] Зданович А.А. Тема «Заговор Локкарта» в исторической литературе: нерешенные вопросы и воспроизведение мифов. С. 77.

по локальным эпизодам, действовали независимо от англичан, прежде всего, в интересах своей страны и своего сообщества. Более того, как мы видим на примере Анри де Вертамона – иной раз даже независимо от военной миссии и дипломатического аппарата Третьей республики в России. На данный момент по имеющейся информации единственным примером координации союзнических усилий можно назвать совещание в американском посольстве, где Анри де Вертамон и Сидней Рейли обменялись мнениями относительно диверсионной активности на объектах инфраструктуры. При этом существует гипотеза, что сообщение о подрыве моста у Званки было передано Рене Маршаном чекистам не по причине его чуткой натуры, но в связи с тем, что французы стремились отмежеваться от английской операции [552] . С учётом вышеизложенного причастность Анри де Вертамона к т.н. «делу Локкарта» пока представляется недоказанной.

Сотрудники французской военной Миссии занимались не только сбором актуальной военной, политической, экономической информации, снабжением контрреволюционных сил оружием и деньгами, но под видом эвакуации на родину содействовали незаконной переправке на Север добровольцев из числа сербов, поляков, чехов и др., согласившихся воевать против Советской республики[553].

Подводя итог, приведём достаточно курьёзную иллюстрацию того, как французское общество и французская пресса оценивала деятельность собственной страны в России: газета «Le Temps» от 26 ноября 1917 сообщала: *«Газета скорбит, что на Кэ дОрсе не могли иметь в России своих «специалистов», живущих там и изучающих русские дела с начала революции снабжающих французское правительство постоянными и точными сведениями и могущих располагая налаженными местными связями, помочь в проведении активной*

[552] Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. Т.1. С. 145.
[553] ГАРФ. Ф. Р 1005. Оп. 1а. Д. 1384. Л. 7., Зданович А.А. Польский крест советской контрразведки. С. 40.

политики»[554]. Несмотря на то, что французское военное представительство не испытывало недостатков в квалифицированных специалистах, их деятельность сложно назвать эффективной. Главным образом потому, что идея продолжения войны пользовалась в России весьма ограниченной поддержкой. Таким образом, у французов систематически получалось довольно легко привлекать на свою сторону русских, недовольных большевистским режимом и «позорным миром». Многие из них оказывались активны и предприимчивы, но переоценивали число своих возможных единомышленников и невольно вводили в заблуждение своих визави из Третьей Республики, которые были рады принимать желаемое за действительное и опрометчиво рассчитывать на «патриотов, готовых выполнять союзнический долг». Можно отметить, что, несмотря на самую высокую активность по вовлечению в антисоветскую деятельность, все попытки «контрпереворота» в столице или «провинциальных мятежей» в центральных губерниях оказались локализованы и подавлены, а проявления индивидуального террора против лидеров большевиков вызвали жестокий и масштабный ответ. Что характерно, неудача постигла французов как раз в тех частях страны, где они располагали наилучшими оперативными позициями и многочисленным персоналом.

Следует также отметить, что в первые годы советской власти угроза со стороны разведок ведущих мировых держав, была совершенно реальной. В то же время, достигнуть масштабных политических целей им не удалось, прежде всего, потому, что французские спецслужбы (и остальных стран-союзников) потерпели поражение в борьбе против органов госбезопасности, созданных «профессиональными революционерами». Неудача французской разведки в целом и миссии де Вертамона в частности в 1918 году стала этапным событием для её деятельности против нашей страны. За вычетом краткого периода присутствия представителей французских разведорганов на периферии при различных белых

[554] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 325. Л. 77.

армиях, спецслужбы Третьей республики утратили наработанные за годы франко-русского союза и Первой Мировой войны позиции в России.

§ 3.5. Интервенция как решение

В контексте антисоветской деятельности французской Миссии нельзя не затронуть вопрос о союзнической интервенции, который по сей день остаётся полем для оживлённых дискуссий. Одной из влиятельных позиций, поддерживаемых в западной исторической науке, является понимание интервенции как акции, направленной исключительно на восстановление Восточного фронта и препятствование отправки германских контингентов во Францию. С другой стороны, чем можно объяснить продолжение союзнического вмешательства во внутренние дела Советской республики после окончания Первой мировой войны? По мнению французского исследователя Патрика Люне, после Компьенского перемирия Англия и Франция бросились осуществлять интервенцию ради сохранения собственного влияния в регионе и препятствия распространению большевистской экспансии. Опять же, он подчёркивает, что вся деятельность до завершения Первой Мировой войны направлялась против Германии, а не против большевиков[555]. Подобная точка зрения не выдерживает критики в виду того, что французское руководство вполне чётко определило отношение к большевикам сразу после Октябрьской революции, но не принимало радикальных мер, чтобы не нанести вред своим экономическим интересам в России, а также соотечественникам[556]. Тем не менее, уже в январе 1918 года планировались некоторые антибольшевистские акции. В проекте организации межсоюзнической акции в Сибири, подписанном Ф. Фошем, указано, что *«В виду усиления анархии в Восточной Сибири, убийств и покушений на наших представителей, необходимо сформировать межсоюзническую миссию, которая*

[555] Lunet P. L'intervention française en Russie méridionale en 1918-1919 // Revue historique des armées. 1992. №1. P. 54.
[556] Carley M.J. The Origins of the French Intervention in the Russian Civil War, January-May 1918: A Reappraisal. P. 415.

будет действовать от имени и во имя интересов Антанты, начиная от Харбина и на всей протяжённости Транссибирской магистрали». Подчёркивалось, что миссия будет действовать в сотрудничестве с теми русскими представителями, которые считают своим долгом сохранить верность Антанте. На занятой союзниками территории планировалось осуществлять пропаганду от Иркутска и на всей протяжённости железнодорожного сообщения, а также изолировать центры влияния «максималистов», в частности, Владивосток[557]. Исследователи полагают, что двойственность позиции Фоша, выраженная в стремлении оказать поддержку большевикам параллельно осуществляя интервенцию в Сибири, была продиктована непониманием французским главнокомандующим реальной ситуации. Он полагал, что в Сибири нет большевистской власти, и что «максималисты» в Москве не будут сопротивляться союзническому вторжению на слабо контролируемую территорию. Однако большевики так не считали[558].

Иную точку зрения представляет канадский историк Майкл Карлей. По его мнению, переход к антибольшевистской линии поведения произошёл не после Компьена, но в апреле 1918 года, когда Париж посчитал, что большевики слишком слабы, чтобы защищать свой режим, и можно без труда отстоять свои интересы, приведя к власти в России своих сторонников[559]. На принятие подобного решения оказал влияние «министерский кризис», выразившийся в противостоянии позиций военного министерства и МИДа, закончившийся победой последнего. Военное министерство решало сугубо военную проблему, связанную с крахом Восточного фронта; МИД привносил в неё политическое измерение, которое в итоге стало определяющим. Карлей замечает, что 16 апреля 1918 года произошло символическое событие – представитель военного министерства генерал Лаверн, просивший у руководства Третьей республики возможности принимать решения, не зависящие от позиции дипломатических

[557] AMAE, SG, Dossier 746. Projet d'organisation d'une action interallie en Siberie, (4 Janvier 1918).
[558] Delmas J. La paix de Brest-Litovsk et le maintien en Russie de la mission militaire française. P. 220.
[559] Carley M.J. The Origins of the French Intervention in the Russian Civil War, January-May 1918: A Reappraisal. P. 436

представителей, был подчинён послу Жозефу Нулансу [560]. Таким образом, произошло символическое возвращение военного представительства Франции в России в лоно посольского аппарата с подчинением послу. «Высокое» противостояние отразилось и на отношениях внутри представителей Франции в России, не ускользнув от внимания наблюдателей. Коммерческий атташе Франции в Санкт-Петербурге Морис Верстрат вспоминал, что Нуланс недолюбливал представителей военного ведомства: *«Во время войны, говорил он мне, генералы являются необходимым злом <…>. Но в политике они ничего не смыслят»* [561]. В свою очередь, Борис Савинков подозревал, что был большой конфликт между Нулансом и военной миссией [562]. Если обратиться к диссертационному исследованию Жана Дельма, он связывает зачатки конфликта между посольским аппаратом и французской военной Миссией с назначением Анри Нисселя на пост главы Миссии и сменой места дислокации руководящих органов Миссии: из Ставки в Петроград. По итогам этого решения, принятого высшим военным руководством, посол Нуланс выразил протест, опасаясь, что в Петрограде военная Миссия станет оспаривать его авторитет, вмешиваясь в решение политических вопросов и активно контактируя с политическими кругами России[563].

Позиция Лаверня по вопросу интервенции и отношения к Советской власти изначально не была категоричной: он признавал, что у большевиков есть политические и партийные причины не желать вторжения союзников. На протяжении мая - июня 1918 г. генерал Лаверн, ссылаясь на слова В.И. Ленина, характеризовал политику большевиков как *«лавирование между двумя равно опасными коалициями».* Он справедливо полагал, что *«большевистское правительство боится интервенции, которая, во-первых, приведёт в Россию войну, избавлением от которой оно гордится, и, главное, заставит выбирать*

[560] Ibid. P. 426.
[561] Верстрат М. Дорогами прошлого. С. 249.
[562] Борис Савинков на Лубянке: документы. С. 398.
[563] Delmas J. L'état-major français et le front oriental après la révolution bolchevique. P.8.

между двумя сторонами, исключив возможность лавирования»[564]. Специфика его отношения к российской действительности заключается в том, что в отличие от многих своих коллег, несмотря на недоверие к Советской власти, он не видел и приемлемых альтернатив, способных в текущий момент как заменить её, так и противостоять ей. Но если генерал Лаверн замечал, что в России не сложилось силы, способной оппонировать большевикам, генерал Ниссель после заключения Брестского мира демонстрировал непримиримость по отношению к Советскому правительству и считал интервенцию единственно верным решением: *«…сами по себе отрицающие идею Отечества, имя которого они не желают произносить, измучив население своими насилиями и беспорядком и основывая свою программу на отказе сражаться, они [большевики] неспособны сплотить защитников против кого бы то ни было, пытающегося принести порядок в Россию»*[565]. Более того, он полагал, что союзная интервенция в Сибири встретит горячую поддержку местного населения, *«а если союзники позаботятся заявить о своем намерении уважать целостность русской территории, то он [русский народ] будет рассматривать их не как враждебных завоевателей, а как реставраторов порядка»* [566] , тем более что *«Сибирь не является и не может быть большевистской, потому как за правило там почитается частная собственность. Единственными большевистскими островками являются Иркутск и Владивосток по причине их рабочего населения»*[567].

Генерал Лаверн, несмотря на большую сдержанность в оценке влияния большевиков, старался подчеркнуть шаткость их положения, приводя статистические данные о том, что поддержка большевиков в Москве не столь разительно превосходит симпатии населения к анархистам, монархистам или эсерам. Во всяком случае, Лаверн полагает и то, что удаление большевиков из

[564] SHD/T, 7 N 761. Le Général Lavergne, Attaché militaire pres l'Ambassade de France en Russie à Monsieur le Ministre de la Guerre, President du Conseil (5 Juin 1918).
[565] AMAE, SG, Dossier 760. Telegramme de Grenard (21 mars 1918).
[566] Ibid.
[567] SHD/T, 6 N 224. Note sur l'intervention japonaise (16 mai 1918)

политического поля не гарантирует мгновенного обретения контроля над ситуацией – *«… только правые эсеры типа Савинкова видят интерес России в продолжении войны в согласии с союзниками»*[568]. Несмотря на то, что Лаверн стремился более трезво взглянуть на ситуацию, переоценивать его желание сотрудничать с большевиками не стоит: как человек, верный служебному долгу, он следовал в русле тех внешнеполитических ориентиров, что задавал Клемансо, и, несмотря на стремление объективно и с пониманием отнестись к ситуации в России, был одним из деятельных организаторов антисоветских акций и справедливо обвинён Дзержинским в шпионаже и борьбе против Советской республики[569]. Вероятно, «компромиссный» настрой Лаверня был продиктован опытом работы в России: сотрудники военной миссии, в течение военных лет действовавшие в рамках коалиционной стратегии, являвшиеся связующим звеном между генеральными штабами двух стран, были больше склонны к поиску взаимоприемлемого решения проблемы, хотя бы в виду некоторой инерции межсоюзнического взаимодействия, в отличие от сотрудников дипломатического корпуса, которые руководствовались, скорее, политическими и идеологическими императивами. Впоследствии, очевидно под влиянием позиции Жозефа Нуланса, Лаверн станет много более категоричным, в рапорте об образовании и деятельности ВЧК, он пишет: *«Здесь снова и как всегда встаёт вопрос о цели интервенции. Надо решаться. Позволять большевизму жить, это значит считать, что Запад, Германия, включая Австрию, не будут инфицированы его вирусом. В этом случае он умрёт, сам, если будет упорствовать в своих заблуждениях, или эволюционирует в направлении капитализма, без которого его народ не сможет жить. Наоборот, если есть страх эпидемии максимализма и нет желания подвергаться риску, то надо идти войной на Москву и как можно раньше, ибо красная армия, которая уже в состоянии противостоять своим*

[568] SHD/T, 7 N 761. Le Général Lavergne, Chef de la Mission militaire française en Russie à Monsieur le President du Conseil, Ministre de la Guerre (29 mars 1918)
[569] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 341. Л.1. Переписка Дзержинского с адвокатом Судебной палаты в Париже Флаком о деятельности капитана Садуля и французской военной миссии в Москве.

противникам, завтра станет крепче, чем сегодня в моральном и численном отношении»[570].

Стоит учитывать и моральную подоплёку интервенции в Россию, рассматриваемую как своеобразный вариант «благотворительности» русскому народу и исходящую из идейного неприятия большевизма, разделяемого практически всеми французскими представителями в России и вне России. Её можно выразить словами французского журналиста Людовика Нодо: не *«отдавать русский народ под тиранию узурпаторской секты»*[571].

Для французского руководства идея интервенции была наиболее привлекательным решением «русского вопроса» и чрезвычайно занимала умы военных и политических деятелей Третьей республики. Прежде всего, свои варианты вооружённого вмешательства представляли сотрудники французской военной миссии и дипломаты, имеющие представление о положении дел в России. Следует отметить «Ноту о японской интервенции» генерала Нисселя, подчёркивающую антигерманскую направленность будущего вторжения, даже в части сохранения культурного наследия Российской Империи. Генерал указывает, что местная интеллигенция считает большевиков сущим бедствием, так как интернационализм противоречит сохранению национальной традиции; при этом *«от межсоюзнической интервенции они ожидают больше великодушия и уважения к интеллектуальной традиции России»*. Интервенция в Сибири рассматривается Нисселем как потенциально эффективная, в отличие от вмешательств на Севере России (отсутствие ресурсов) и Кавказе (проблемы с логистикой и снабжением)[572].

Генерал Лаверн не представил своих прожектов, однако оставил мнение об этой акции, указав, что *«Общественное мнение, за исключением абсолютных*

[570] SHD/T, 6 N 53. Le Général Lavergne, Attaché Militaire près l'Ambassade de France en Russie, à M. Le President du Conseil, Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armée, Groupe de l'Avant, Etat-Major de l'Armée, 2ème Bureau I, Son Excellence M. l'Ambassadeur de France en Russie, à Arkangelsk.
[571] Naudeau L. En prison sous la terreur russe. Paris, 1920. P. 149.
[572] SHD/T, 6 N 224. Note sur l'intervention japonaise (16 mai 1918).

монархистов, явно благоприятно к союзникам. Каждая из партий, которые делят Россию, на разные голоса призывают вооружённую интервенцию союзников, но также каждая из этих партий хочет использовать эту интервенцию к своей частной выгоде, а не против внешнего врага, который витает на вторых планах по сравнению с нынешними заботами русского народа»[573].

Своё видение проблемы представляли и французские служащие, аккредитованные в других странах. Военно-морской атташе в Токио Роже Брылинский предложил собственное видение интервенции. Во-первых, он настаивал на немедленном прекращении сотрудничества с большевиками, во-вторых, считал необходимым сформировать Временное правительство в Харбине с последующей его отправкой в Сибирь и установлением выборного процесса на оккупированных союзниками территориях. В-третьих, Брылинский ратовал за восстановление монархии в России: в качестве потенциального кандидата рассматривался Великий князь Михаил [574]. Брылинский мотивировал монархическую реставрацию необходимостью нести в Россию «самые высокие идеалы», но подчёркивал, что демократические круги Антанты будут категорически против возвращения царизма [575]. Что характерно, в архиве министерства иностранных дел Франции это не единственный документ, постулирующий идею восстановления монархии. Предлагались проекты, согласно которым восстановление монархического порядка считалось осуществимым в России в виду тотальной аполитичности масс населения, страдающих от голода и равнодушных к политическому доктринерству. Полагалось, что люди типа «Ленин» («самоучки, не имеющие представления о реальности и вообще ни о чем») и типа «Троцкий» (тех, кого можно легко подкупить) составляют не более

[573] SHD/T, 7 N 761. Le Général Lavergne, Chef de la Mission militaire française en Russie à Monsieur le President du Conseil, Ministre de la Guerre (29 mars 1918).
[574] Ко времени написания рапорта, Великого князя Михаила Александровича не было в живых, он был убит в Перми 13 июня 1918 г.
[575] SHD/M. MV SS X1, 25 Juin 1918, La question russo-siberienne et le role du Japon.

2% населения страны. Важно не допустить увеличения количества политически активных элементов, относящихся к этим двум типам, и возвести на престол царевича Алексея при регентстве великого князя Николая Николаевича[576]. Что характерно персоны Великих князей Михаила Александровича и Николая Николаевича как потенциальных правителей России, способных консолидировать русский народ, были озвучены французами ещё летом 1917 года[577].

Политику вооружённого вмешательства союзников исследователи справедливо называют ограниченной (т.н. «точечной») интервенцией, которая осуществлялась с конца 1917 до конца лета 1918 года: это высадка англичан и французов в Архангельске, высадка экспедиционного корпуса во Владивостоке, отправка боеприпасов, материальных ресурсов и денег белой армии: Семенову и Каледину, а также снабжение чехословацкого легиона, контролировавшего Транссибирскую магистраль [578] . Причина «точечных» акций крылась в невозможности отправить в Россию сколько-нибудь значительные военные контингенты из Франции: решалась судьба Западного фронта. Поэтому представители стран Согласия в России были вынуждены опираться на «верные Антанте русские элементы» или «национальные контингенты».

Работа с национальностями была крайне актуальна в этот период и стояла на повестке дня в Третьей республике. Её активно отстаивал депутат от радикал-социалистов, создатель «Бюро национальностей» Франклин-Буйон, полагавший, что союзная интервенция если не восстановит прежней России, то, по крайней мере, окажет существенную поддержку национальностям[579], которые мыслились французским руководством в рамках теории «четырёх столпов» (Польша, Румыния, Югославия, Чехословакия) служа потенциальным заслоном против немцев после краха Восточного фронта и большевистских идей[580]. Особенно ярко

[576] AMAE, SG, Dossier 668. Au sujet d'eventualite d'une restauration monarchique en Russie (1 Janvier 1918).
[577] Соловьев О.Ф. Революция глазами Второго бюро. С. 105.
[578] Lunet P. L'intervention française en Russie méridionale en 1918-1919. P. 55.
[579] Soutou G.-H. La grande illusion. Quand la France perdait la paix 1914-1920. P. 267.
[580] Ibid., p.261-262.

национальный дискурс проявился в рапортах Нисселя – по всей видимости, он был чрезвычайно уязвлён отношением большевиков к национальным контингентам. В связи с этим обращает на себя внимание составленная им «Программа французского влияния» в России, согласно которой военная и политическая пропаганда Франции была обращена, в первую очередь, к полякам, украинцам, чехам, сербам, и др. Целью этой программы было создание боеспособных национальных частей, оснащение их необходимыми вооружениями и продовольствием, а также поддержание их боевого духа и национальной сплочённости[581]. В данном контексте принято рассматривать историю конфликта чехословацкого корпуса с советской властью, ставшим важным звеном в эскалации Гражданской войны в России. Дискуссионным на сегодняшний день остаётся вопрос о степени вовлеченности Франции в процесс подготовки и эскалации выступления чехословацкого армейского корпуса, в частности координации действий между чехами и представителями французской военной миссии. В историографии существует мнение, что выступление началось при поддержке ведущих стран Антанты (осторожнее историки относятся к утверждению о прямой инициативе Антанты в эскалации конфликта) [582] . Подтверждение этой гипотезы появилось уже в 1920 году, когда в Праге было обнародовано свидетельство переговоров вице-президента Чехословацкого Национального Совета П. Макса и главы французской военной миссии, который сообщил, что для обретения чехословаками независимости им необходимо поднять восстание против Советской республики в интересах союзников[583].

Мысль об использовании чехословацкого корпуса на территории России, стала приходить французам задолго до «мятежа». Генерал Лавернь писал Нулансу 23 марта 1918 г.: *«Вы сообщаете о выгоде, которую имело бы использование чешского корпуса для защиты союзных посольств. <…> Было бы весьма трудно*

[581] SHD/T, 6 N 224. Programme d'influence française en Russie.
[582] Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в России (1917-1920): историография: дисс. … к.и.н. Казань, 2005.
[583] Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. С. 106.

задумывать возвращение 1-го чешского корпуса на Вологду для защиты там союзных послов против русских, на стороне которых он недавно сражался»[584]. Впоследствии идея противостояния большевикам в Вологде не утратила своей актуальности: исследователи А.В. Быков и Л.С. Панов приводят свидетельства деятельности французских дипломатов по сбору разведданных на случай высадки французского десанта для освобождения Вологды от большевиков. Сотрудников французского посольства и военной миссии интересовали просёлочные дороги в окрестностях города, по которым можно было бы незамеченным подойти к Вологде. Сбор необходимых сведений был поручен вологжанину Петру Варакину, который пользуясь безответственностью некоторых служащих советских учреждений, сумел о многом их расспросить и передал сведения по назначению[585]. Историки отмечают, что союзные представители планировали захватить вологодский кремль, чтобы отсидеться там до прихода союзников, в виду угрозы ареста дипломатов Советским правительством[586].

Выступление чехословацкого корпуса в мае 1918 года, по всей видимости, привело сотрудников французской военной Миссии в некоторое смятение. Прикомандированный к чехословацкому корпусу сотрудник французской Миссии Пьер Паскаль, вспоминал, что вооружённое выступление чехов не было предусмотрено главой миссии, генералом Лавернем[587], и что чехи ссылались на некие «указания посла Нуланса»[588]. Капитан Садуль сообщал, что при чехах находились лишь два офицера французской миссии [имеются в виду Пьер Паскаль и Альфонс Гине], которые по своим личным качествам и убеждениям не были способны вдохновить чехов на выступление[589]. Рапорт Лаверня о чехословацком конфликте, направленный в военное министерство Франции, полон миротворческих инициатив и не оставляет впечатления, о французах как об

[584] SHD/T, 6 N 221. Telegramme chiffre, Attaché militaire à Ministre Guerre (Moscou, 23 mars 1918)
[585] Быков А.В., Панов Л.С. Пребывание и деятельность французского посольства в Вологде в 1918 году.
[586] Там же.
[587] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 494.
[588] Там же.
[589] Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917-1918. С. 294

организаторах выступления: генерал сообщает, что он заверял чехов в добром расположении к ним держав Антанты и в поддержке их желания поскорее отправиться на Западный фронт; майор Верже, уполномоченный при Чехословацком корпусе, встретил выступление своих «подопечных» с недоумением, телеграфируя: *«Я всегда считал обречённой на неудачу всякую (не поддержанную союзниками) попытку выступлении против воли Советов, которые располагают всеми возможностями, чтобы перерезать снабжение, железные дороги и которые, если это им необходимо, могут добиться выступления тысяч военнопленных и запросить помощи у Центральных держав»*[590]. На сегодняшний день, вопрос участия французской военной миссии в эскалации чехословацкого конфликта остаётся дискуссионным.

Исследователь Джозеф Брэдли в статье «Чехословацкое восстание против большевиков» указывает, что в выступлении корпуса отчасти виноваты представители Франции, её дипломаты и некоторые сотрудники военной миссии, так как они внушали чехам необоснованный оптимизм и надежды[591]. В качестве подтверждения своей мысли историк обращает внимание читателя на двух, по его мнению, ключевых персонажей французской миссии, которые своей волюнтаристской деятельностью внушали чехам ничем не подкреплённые иллюзии: это капитан Борд и майор Гине. Остановимся на персоне Альфонса Гине: поначалу оппозиционно настроенный к деятельности легионеров, немного погодя он становится горячим их сторонником[592] и привлекает внимание тем, что произносит перед чехословаками пламенную речь, где от имени посла Нуланса благодарит корпус за успешное выступление и начало процесса интервенции. Несмотря на то, что считается, будто Гине получал инструкции как от Нуланса, так и от главы миссии Лаверня[593], уровень согласования усилий с военным атташе кажется невысоким. Уже в августе 1918 года генерал Лаверн телеграфировал в

[590] SHD/T, 17 N 622, c.30, d.3. doc.27. Майор Верже – майору Гине, Иркутск, 30 мая 1918 г.
[591] Bradley J.F.N. The Czechoslovak Revolt against the Bolsheviks. P. 144.
[592] Mueggenberg B. The Czecho-Slovak Struggle for Independence, 1914-1920. Jefferson, 2014. P. 171.
[593] Bradley J.F.N. The Czechoslovak Revolt against the Bolsheviks. P. 148

Военное министерство: *«Я не могу поверить в то, что майор Гине сделал подобное заявление. Возможно, это Чешский Комитет злоупотребил его вниманием, желая заполучить злободневную публикацию»*[594].

На первый взгляд подобная ситуация не кажется удивительной: Пьер Паскаль отмечал, что «*когда майор Гине, заговорил с чехами о возможном соглашении с Троцким по поводу оружия, которое у них оставалось, и которое они должны были сдать, согласно конвенции подписанной в Пензе, они подняли сильный ропот»*[595]. Представляется оправданным, что Гине принимает позицию чехословаков, по крайней мере, с одной стороны, из соображений собственной безопасности, с другой – из невозможности переломить ситуацию в свою пользу. Достойные внимания свидетельства отыскал историк Джозеф Брэдли, обративший внимание на действия Гине на Урале: он отмечал, что на момент восстания Гине был прикомандирован к одному из чешских эшелонов, но «мысль о восстании была ему неприятна». Несколько позже, изолированный от своего непосредственного командира, полковника Пари, находившегося во Владивостоке до сентября 1918 года, Гине «самоназначится» главой французской военной миссии в Самаре и Челябинске[596]. Будучи в это «должности» вступит в отношения с «консулом» Жанно, «агентом Нуланса», подстрекавшим кадетов, эсеров, меньшевиков к созданию оппозиционных органов для борьбы с большевиками[597]. Брэдли утверждал, что Гине «не стеснялся решать политические проблемы в России» и «наслаждался своей важностью». Подобный волюнтаризм французского офицера казался бы странным, однако в Исторической службе Министерства обороны Франции содержатся телеграммы, согласно которым Альфонс Гине осенью 1918 г. получал инструкции, касающиеся неофициальной

[594] SHD/T. 6 N 221. Telegramme chiffre, Attaché militaire à Ministre Guerre (Moscou, 18 aout 1918)
[595] Pascal P. En communisme. Mon journal de Russie 1918-1921. P. 169.
Отметим, что данная реплика была написана Паскалем в 1920 г.
[596] Bradley J.F.N. The Czechoslovak Revolt against the Bolsheviks. P. 148.
[597] См. Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М.: Воениздат, 1940. С. 5., Попов Ф. Чехословацкий мятеж и самарская учредилка. С. 15.

деятельности коммерческих агентов Франции в России особым порядком, персонально от Клемансо[598].

С другой стороны, в идее интервенции находили отражение и корыстные устремления европейского капитала, стремившегося как вернуть утраченное в период революционных потрясений, так и приобрести в России новые выгодные позиции, поэтому поддержку антибольшевистских сил активно осуществляли французские банкиры: после прихода большевиков к власти и начала процесса национализации капиталистической собственности, представители финансовых кругов Франции требовали немедленного вмешательства собственного правительства. Ещё 8 января 1918 года министр иностранных дел Стефан Пишон пообещал члену совета директоров Русско-азиатского банка Гастону Рандру, что французское правительство сделает все возможное, чтобы сохранить свои финансовые ресурсы в России, в том числе и принадлежащие его банку[599]. *«С точки зрения исключительно французской не могу обойти молчанием тот факт, что Сибирь впредь не будет той таинственной страной, где не отваживаются рисковать: благо несколько сотен французов (персонал миссии Жанена, батальон и батареи, прибывшие из Индокитая) имели возможность проникнуть в Сибирь; они могли отдать себе отчёт, что эта земля изобилует богатствами всякого сорта; медленно, но верно […] пропаганда будет делать своё дело; в день, когда политические обстоятельства это позволят, любой дальновидный, предприимчивый и серьёзный француз найдёт в Сибири ресурсы, которые обеспечат ему бесподобное положение»*[600]. Такие предприимчивые французы находились, и действовали по инструкциям Жоржа Клемансо. В сентябре 1918 года французский премьер телеграфировал в Иркутск о миссии управляющего Русско-азиатского банка Бутри в Сибири, по изучению её финансового положения и скупке платины. Бутри не имел официальных полномочий от правительства, но

[598] SHD/T, 17 N 592. Владивосток, 10.09.1918. Французское консульство в Иркутске. Для майора Гине.
[599] Carley M.J. From Revolution to Dissolution: The Quai d'Orsay, the Banque Russo-Asiatique, and the Chinese Eastern Railway, 1917-1926. P. 725.
[600] Verge A. Avec les Tchécoslovaques. P. 161.

находился под покровительством французских военных властей[601]: он был направлен в Сибирь главой французской военной Миссии и директором общества «Товаро-Обмен» Пьером Дарси. Целью его миссии было выявление богатств сибирского региона для финансирования чешского корпуса, снабжения армии и населения территории России, свободной от большевиков, перезапуска заводов на Урале, а также для скупки платины для американцев, французов и англичан[602].

Таким образом, соблазнительно было бы представить идею интервенции, как меняющуюся под влиянием событий 1918 года на фронтах мировой войны. Напрашивается простая последовательность - от проектов акций против Центральных держав в целях восстановления Восточного фронта до смены приоритетов в пользу борьбы с большевизмом, воспринимавшимся как опасность для Европы. Но нам такая схема представляется чрезмерным упрощением в контексте систематических предложений со стороны политического, военного и делового истеблишмента Франции о желательном послевоенном «господстве в России». Инфраструктура межсоюзнического взаимодействия, сложившаяся за годы войны превратилась инструмент интервенции по факту изменения политической обстановки, а упадок государственных институтов империи и дезинтеграция её территории вызвали искушение использовать этот инструмент для попыток решения самых амбициозных задач, таких как установление своего контроля над бывшим союзником.

[601] SHD/T, 17 N 592. Владивосток 10.09.1918, французское консульство в Иркутске.
[602] SHD/T. 6 N 221. Telegramme chiffre, Attaché militaire à Ministre Guerre (Moscou, 31 aout 1918)

ГЛАВА 4. ПОРАЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ

В сентябре 1918 года Лаверн, находясь в оцепленном большевиками в консульстве США, передал руководство московским филиалом майору Шапуйи. К этому времени союзные консулы разорвали всякие отношения с Советским правительством и находились под защитой дипломатических представительств других государств. В случае Франции прибежищем для сотрудников миссии стало датское и норвежское посольства, филиалы которого действовали в Москве и Петрограде.

В первой половине октября 1918 г. практически все оставшиеся на территории России представители французской миссии в Москве были арестованы сотрудниками ВЧК по подозрению в шпионаже против Советской республики. Так началась агония французской военной миссии. Тревожные события осени 1918 года: убийство М.С.Урицкого, покушение на В.И. Ленина, подтолкнули советское руководство начать наступление на бывших союзников, развернувших в России активную разведывательную, террористическую и диверсионную работу. В архиве Исторической службы министерства Обороны Франции сохранились рапорты сотрудников Миссии, подвергшихся аресту ЧК и заключённых в Бутырскую тюрьму. Офицеры миссии охотно рассказывали обо всех лишениях, условиях заключения и особенностях допроса, стараясь даже бравировать собственной храбростью и хитростью, проявленной в общении с сотрудниками ВЧК. Майор дю Кастель, арестованный, как и многие члены миссии, в период с сентября по октябрь 1918 г., докладывал: *«Последний [председатель ЧК Петерс – прим. Ю.Г.] хотел добиться от меня показаний, что я знал капитана 2 ранга Вертамона, которого он рассчитывал обвинить в покушении на русское правительство: играя на ошибке в орфографии этого имени, которую допустил Петерс, я отрицал знакомство с этим офицером. Поняв, что он не сможет ничего из меня вытянуть, Петерс велел проводить*

меня прямо в Кремль, где я был посажен в камеру, которую до того занимал английский представитель Локкарт»[603].

В ночь с 1 на 2 сентября комендатурой Выборгского района революционной охраны г. Петрограда на квартире французского агента («господина Зая») были арестованы и доставлены в ВЧК двое сотрудников 2 Бюро Генштаба Франции: Шарль Фо-Па Биде[604] и Эдуар Вакье. На квартире агента были обнаружены два револьвера и деньги (чуть более 30 тысяч рублей) из фондов Службы разведки, которые были переданы Заю на нужды этой Службы в случае отъезда военной Миссии в Финляндию[605]. Оба разведчика были заключены в Петропавловскую крепость и впоследствии допрошены следователем при Президиуме ВЧК французом, Жоржем (Георгием) де Лафаром, в 1917 году перешедшим на сторону большевиков и которого арестованные соотечественники называли не иначе как «предателем и ренегатом». Что касается поведения на допросах, Фо-Па Биде отрицал всякую причастность к шпионажу и категорически отказывался отвечать на вопросы, требуя очной ставки со всеми свидетельствовавшими против него фигурантами. Вакье также ни в чем не сознался: по всей видимости, помимо общих вопросов, касавшихся связей и организации контрреволюционной деятельности, ему «приписали» подвиги другого француза – Гокье, действовавшего в Москве. За отсутствием доказательств все обвинении с Вакье были сняты, однако же, сразу выпускать его из Бутырской тюрьмы, куда он был переведён перед началом следствия, большевики сочли излишним[606]. Что касается Фо-Па Биде, после своего освобождения 17 января 1919 года, он выехал в

[603] SHD/T, 6 N 220. Note sur l'arrestation et incaceration au Kremlin de Moscou du Commandant du Castel.
[604] Шарль Фо-Па-Биде в годы войны был направлен в Россию в качестве особого инспектора Парижской префектуры. В конце декабря 1917 года генерал Нисселя ходатайствовал о награждении Фо-Па-Биде Крестом Ордена Почетного Легиона за «исключительную службу, исполненную в России по организации служб разведки и контрразведки». См.: AMAE, SG, Dossier 758. После войны служил в качестве Особого инспектора Сюрте Женераль и длительное время работал по «московской линии», разоблачая разведывательные сети Коминтерна и ОГПУ. См.: Forcade O. La République Secrète. Histoire des services spéciaux français de 1918 à 1939. Paris, 2008. P. 360, 379-380.
[605] SHD/T, 6 N 220. Rapport du Capitaine Faux-Pas-Bidet
[606] Ibid. Rapport du Capitaine Edouard Vaquier (S.R. de Petrograd) au sujet de son arrestation par les autorités bolchéviques russes.

Петроград, куда к тому времени направил требование о возвращении 30 тысяч рублей, изъятых во время ареста. Разумеется, деньги ему так и не вернули. Агент Зай, арестованный вместе со своими кураторами, умер вскоре после освобождения - 12 октября 1918 года, от тифа, подхваченного в тюрьме[607].

Макс Барре, заведующий шифровальным Бюро миссии, арестованный в ночь с 23 на 24 октября, в беседе с де Лафаром подчёркивал свою незначительность: *«…если бы большевики хотели, то могли допросить генерального консула Гренара и генерала Лаверня до их высылки, дабы не арестовывать вместо них офицеров и солдат, всего лишь неукоснительно исполнявших свой воинский долг. Впрочем, такова тактика большевиков: они боятся крупных персон и нападают на маленьких»* [608] . Причастность к шифрованию телеграмм Барре отрицал, и всякое слово следователя обращал к необходимости допрашивать начальство в лице майора Шапуйи. Свою деятельность в апреле 1918 года, будучи диспетчером на станции Званка, по передаче разведданных о промышленных и военных материалов, прошедших через станцию с указанием дат отправки и пунктов прибытия, Барре объяснял как «сотрудничество с большевиками против немцев» по поручению Троцкого[609].

23 октября арестовали Эдуар Иллиаке, заведующего беспроволочным телеграфом. Как и другим членам миссии де Лафар предъявил ему обвинение в шпионаже и потребовал письменного объяснения о средствах, используемых для связи с французским правительством и назначении радиостанции, которая располагалась в помещениях датского посольства. Иллиаке заявил, что его станция работала только на получение информации о ходе войны с Германией и обзоров военной прессы Парижа и Лиона. Что характерно, вряд ли это было лукавством – как минимум до конца июля 1918 в Россию действительно поступали коммюнике из Парижа и Лиона, а также данные о дислокации

[607] Ibid. Rapport du Capitaine Faux-Pas-Bidet
[608] Ibid. Rapport du Capitaine Barré
[609] Ibid.

немецких армий[610]. 12 ноября московская ЧК изъяла телеграфную станцию. Но и здесь не обошлось без диверсий: под предлогом помощи чекистам в демонтаже оборудования, Иллиаке удалось вывести из строя важную деталь радиостанции - гетеродин[611].

В числе арестованных находились руководитель миссии Эдуар Шапуйи (после ареста он передал управление миссией в Москве суб-лейтенанту Пюиссану), Марсель Фуасси (за ведение антисоветской деятельности на Севере России: весной 1918 года он являлся агентом службы разведки на территории русского Севера), заведующий продовольственным бюро Фелициан Жанно, немолодой начальник службы паспортов Леон Гибер (он имел в обширные связи во французской колонии в России, и, по свидетельству Анри Оливари, знал всех банкиров, промышленников и представителей богемы[612]) и рядовые миссии. Все они покинули заключение в январе 1919 года и выехали на родину в обмен на русских солдат, находившихся во Франции.

Аресту подверглись не только члены французской военной миссии, но и те, кто оказывал ей активное содействие и был замечен в антисоветской деятельности: 31 августа 1918 года в Петрограде был арестован Пьер Дарси, затем выпущен и 17 сентября, будучи арестованным в Москве, препровожден в Бутырскую тюрьму. Там он провёл три месяца и освобождён из-за тяжёлого состояния: у него случилось кровоизлияние в мозг. 22 декабря по ходатайству Красного Креста Феликсу Дзержинскому освобождён, на следующий день скончался[613]. В конце июля 1918 года арестовали журналиста Людовика Нодо за контрреволюционную пропаганду, параллельно с этим была закрыта «Journal de Russie»[614]. Не избежал аналогичной участи и Андре Мазон, арестованный в Петрограде после убийства Урицкого. Советское правительство не признало его

[610] РГВА. Ф.3. Оп.1. Д. 96. Л. 6-8, 48-56, 63-64, 66, 70-71, 99-100.
[611] SHD/T, 6 N 220. Rapport du Lieutenant Illiaquer de la Mission Militaire Française de Moscou.
[612] Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie (1916). P. 141.
[613] Kuzmina S. Pierre Darcy (1870-1918), acteur majeur du développement de l'industrie métallurgique en Russie au début du XXe siècle. P. 511-512.
[614] Naudeau L. En prison sous la terreur russe. P.1.

дипломатом и включило в список расформированной французской миссии. Из заключения он писал письма Пьеру Паскалю, Паскаль, в свою очередь, так вспоминал об этом: «Он хочет, чтобы советское правительство убедилось, что он всего лишь безобидный библиотекарь»[615]. Андре Мазон был выпущен 12 декабря 1918 года[616].

Таким образом, осенью 1918 года началась агония французской военной миссии. Деятельность оставшегося в Москве немногочисленного персонала миссии была парализована арестами. Многие сотрудники Миссии нашли пристанище в регионах, где аккумулировались антибольшевистские силы. Одним из таких центров притяжения можно считать русский Север, где с конца июля 1918 г. находился посол Франции Жозеф Нуланс и служба военного атташе Франции. В октябре 1918 года, исполняющий обязанности атташе полковник Доноп продолжал направлять в Париж подробные рапорты о положении Мурманска и Архангельска, материальной обеспеченности региона, состояния добровольческих формирований русских, сербов, поляков, итальянцев, вооружённой борьбе с большевиками [617] . В Мурманске и Архангельске обосновались такие сотрудники бывшей миссии, как майор Юрстель, капитан Аршан.

Активным участником сопротивления большевистским силам был Марсель Фуасси - сотрудник 4 Бюро, готовивший выступление в Петрозаводске на момент высадки союзнического десанта на Мурмане. Согласно обвинительному приговору ревтрибунала, Фуасси занимался активной вербовкой железнодорожного персонала, слежкой за русскими политическими лидерами в регионе [618] , а также контролировал прибытие и размещение национальных контингентов, руководил работой мобильных секретных агентов Франции на линии Петрозаводск - Кемь - Кандалакша, которые снабжали его сведениями о

[615] Паскаль П. Русский дневник (1916-1918). С. 577.
[616] Там же.
[617] Рапорты хранятся в : SHD/T. 6 N 220.
[618] ГАРФ. Ф. Р 1005. Оп. 1а. Д. 1384. Л. 8-9, 11.

составе населения местных городов, их отношении к союзникам, о состоянии российской инфраструктуры, движении поездов и судов в северном регионе, шире - о событиях в Кеми, Петрозаводске, Сороке, Кандалакше, Мурманске, Архангельске, Шуе и др[619].

Кроме того, ещё в апреле 1918 г. сотрудники французской миссии согласно проекту лейтенанта Шарпантье, направленному на имя руководителя французской военной комиссии в портах Севера России, мыслились как будущие сотрудники службы разведки в этом регионе[620].

Современная историография в большинстве случаев отмечает, что переход франко-русских отношений во враждебные состоялся после отъезда послов стран Антанты из России 25 июля 1918 года[621]. Французские историки видят причину неудач политического курса в отношении большевиков в плохой информированности руководства Франции о реальной ситуации и перспектив советской власти в России[622]. Тем не менее, как мы продемонстрировали выше, французское руководство едва ли могло жаловаться на недостаток информации о России и из России. Более того, информация поступала не только от кадровых офицеров и дипломатов, представлявших официальные структуры Франции, но и от представителей торгово-промышленного капитала, банкиров и журналистов. События 1917 года в России широко освещались, по меньшей мере, представителями прессы Франции, Англии и Соединённых Штатов. Уровень информированности был достаточно высок: английский журналист Джонс Стентон писал: *«… благодаря моим друзьям в Военно-революционном комитете и Думе мы имели возможность получать достоверные сведения обо всем, что*

[619] Донесения агентов Фуасси хранятся в: SHD/M. MV SS Q 53.
[620] Ibid. Rapport du S/Lieutenant Charpentier au Capitaine de Lagatinerie, Chef de la Commission Militaire Française des Ports du Nord de la Russie, au sujet de l'organisation du Service de Renseignements pour la region Mourmansk-Arkhagelsk. Mourmask, le 14 avril 1918.
[621] Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. С. 142.
[622] Напр.: Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917-1924. Paris, 1981. P. 32; Winock M. Clemenceau. Paris, 2007. P. 571.

происходит в Ставке»[623]. Скорее следует говорить о неспособности адекватно оценить эту информацию и распорядиться ею наиболее эффективно. Кроме того, во второй половине 1918 года среди французского персонала в России стала нарастать «антибольшевистская истерия», связанная как с провалом собственно усилий союзников, так и с бескомпромиссной политикой большевиков в отношении представителей Антанты. Ранее представлявший весьма взвешенную точку зрения генерал Лавернь в октябре 1918 г. стал оценивать ситуацию в ином ключе: *«Силу большевистских идей в России не следует преувеличивать. Она оставляет после себя много руин, неконтролируемую анархию, но её решительные сторонники составляют не более, чем меньшинство, хотя и очень активное»*[624].

Алексей Миллер в предисловии к книге Л. Вульфа «Изобретая Восточную Европу» в рамках сюжета о «воображаемом» использует понятие «ментальная карта» - «созданное человеком изображение части окружающего пространства». Подчёркивается, что, как правило, это внутреннее представление является субъективным[625]. Если мы обратимся к имагологическим сюжетам, то увидим, что отношения между союзниками по Антанте зависели от политической конъюнктуры и военных успехов – так, русские «отказывались» (или пытались отказываться) от любого рода этностереотипов в отношении англичан и французов с началом Первой мировой, подчас глобально их трансформируя на страницах газет и журналов[626]. Это нельзя отнести к французскому союзнику: их отношение к России практически не претерпело изменений на протяжении

[623] Cariguel O. «À l'Est, tout est nouveau». Note sur l'établissement du texte // Markovitch M. La Révolution russe vue par une Française. P. 36.
[624] SHD/T, 6 N 53. Le Général Lavergne, Attaché Militaire près l'Ambassade de France en Russie, à M. Le President du Conseil, Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armée, Groupe de l'Avant, Etat-Major de l'Armée, 2ème Bureau I, Son Excellence M. l'Ambassadeur de France en Russie, à Arkangelsk.
[625] Миллер А. Предисловие // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2005. С. 5.
[626] Поршнева О.С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 г. // Уральский исторический вестник. 2014. №1. С. 43-52.

Первой мировой войны, но к 1917-18 гг. превратилось в сплошной негативный слепок.

Примечательным с точки зрения описания «русского пространства» является письмо майора Шапуйи (непонятному адресату). *«Вам надо бы, мой полковник, почувствовать русский менталитет в течение нескольких дней, чтобы убедиться в той истине, что эти люди в настоящий момент хотят варягов, как во времена Рюрика. Им нужна энергичная иностранная помощь, чтобы выбраться из этой лужи, из этой трясины. Без помощи союзных, я бы даже сказал французских, штыков Россия останется инертной массой»* [627]. Русское пространство представляется Шапуйи неким «полем притяжения» к иностранному, европейскому основанию; а ещё точнее – остро нуждающимся в этом основании. Он отмечает: *«Русские во все времена были безвольными, им нужен стальной стержень, образующий скелет статуи»*[628]. Любопытным в этом контексте является ощущение положения России во франко-германском конфликте: французский журналист Робер Воше в сборнике очерков «Большевистский ад», привёл следующие слова посла Франции в России Жозефа Нуланса: *«Россия не может спасти сама себя, ей, как и всегда, нужен иностранец. Она должна определиться между Германией и Союзниками…»*[629]. В рапортах глав французской миссии также просматривается ощущение России как «второстепенного», неполноценного участника конфликта, не способного на самостоятельную позицию, но склонного примкнуть к какой-либо из «основных сторон». Так, Ниссель пишет: *«Все русские согласны считать, что социальный порядок может быть восстановлен только при внешней поддержке. Если Антанта не предложит такой помощи, Центральные державы предложат ее, как только сочтут момент благоприятным. Так они обеспечат себе*

[627] SHD/T, 6 N 220. Lettre du Commandant Chapouilly en Mission en Russie.
[628] Ibid.
[629] Vaucher R. L'enfer bolshevik. Paris, 1919. P. 87.

признательность, которая даст им в России преобладающее влияние»[630]. Что характерно, вынесенная в заглавие тема поиска Рюрика звучит не только в докладах представителей французской миссии. Ученик Поля Буайе Поль Блей, в одном русских писем замечал так: *«Нынешнее отношение России к Германии напоминает мне призыв, произнесённый в 862 году, адресованный варягам от славян: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Придите к нам властвовать и всем владеть»*[631].

Примечательно в данном случае не желание помочь (оно предельно объяснимо – отношение в Англии и Франции к событиям в России не было однозначным и целиком увязывалось с вопросом о влиянии революции на способность России продолжать войну), сколько попытка представить некий интеллектуальный взгляд на суть российской цивилизации. Принципиальная невозможность найти modus vivendi с большевиками по вопросу коалиционного взаимодействия толкала французов на попытки объяснить самим себе причины нежелания вести дальнейшую войну против немцев со стороны России и искать механизмы преодоления этой ситуации (интервенция – силами Антанты или в согласии с большевиками?). Так помимо военно-технической и экономической помощи, использовались и средства «морального воздействия». В качестве примера можно привести визиты в Петроград делегаций социалистов стран Согласия, как членов союзных правительств, так и левых депутатов парламентов. Левые социалисты Антанты в большей степени, чем социал-патриоты и правительства, были солидарны с русскими лидерами Советов в вопросе об официальном пересмотре целей войны, однако и они исходили при этом из интересов войны до победы[632]. Подобная стратегия породила политическую миссию капитана Жака Садуля. Садуль не являлся большевиком, не разделял веры советских руководителей в силу революционного сознания, и т.д., однако на

[630] SHD/T, 6 N 224. Note sur l'intervention japonaise (16 mai 1918).
[631] AN 62AJ/66. Etude sur la situation en Russie.
[632] Поршнева О.С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 г. С. 48.

протяжении своей деятельности он был активным посредником между французами и русскими большевиками, в силу своих левых убеждений более склонный понять большевизм *(«Я остаюсь единственным связующим звеном между революционным правительством и союзниками»*). Садуль пытается понять ту «советскую реальность», в которой ему приходится работать, то есть медиация как попытка наладить не только формальное, но и «чувственное» взаимодействие - объяснить французу русского, и наоборот.

Если майор Шапуйи, убеждённый в цивилизаторской миссии Франции (и шире – Европы) и капитан Садуль – представитель «партнерского крыла» представляют точку зрения, основанную на необходимости взаимодействия и возможности диалога с Россией (разве что с разной степенью самостоятельности русских), майор Ланглуа последовательно проводит идею понимания русского пространства как перманентно ксенофобского, скорее нуждающегося в преодолении; данные настроения, по его мнению, значительно усилились с началом войны. Майор Ланглуа с 1915 года периодически отмечает *«пассивность русского человека»*, называет его характер «оборонительным» и рассматривает русского как «безразличного к движению» (он идёт вперёд или назад по приказу командира, а не по некоему внутреннему «убеждению», «мотору»)[633]. Ощущение России также проявляется в попытках найти в стране восточные черты: *«Россия со многих точек зрения немного азиатская, питающая ненависть к иностранцу»*; в 1917 году Россия рассматривается как *«страна с восточным типом взаимодействия»* (по крайней мере, в отношении французов). Развивая свою мысль, Ланглуа приходит к выводу, что основным инструментом такого взаимодействия является «шантаж», характерный для политического и военного истеблишмента Российской Империи в отношении представителей Антанты и её руководства[634].

[633] SHD/T, 7 N 1547. Rapport du Commandant Langlois sur la huitieme Mission en Russie (19 Mars 1917).
[634] Ibid.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что французские военные рассматривали «русский характер» и «русскую цивилизацию» как некое препятствие на пути к налаживанию продуктивного взаимодействия и понимания друг друга; «русское пространство» было тем непреодолимым и «непонимаемым», что заставляло союзников-французов (скорее всего, неосознанно) оперировать характерными для европейской цивилизации клише – «миссионерство Европы», «восточный тип взаимодействия» в России, и т.д. Они как бы «преодолевали русское» (или желали его «переработать») ради сохранения целостности Восточного фронта.

Французы расценивали мотивы и поведение русских, прежде всего в контексте целесообразности для интересов Франции и часто принимали желаемое за действительное. Некритически принимая позицию противников революции (а они, как правило, были их братьями по оружию в течение долгих лет войны) французы пребывали в уверенности незначительности поддержки и обречённости «большевистского режима». Поэтому оказались не в состоянии осознать тот факт, что для основной массы русского общества повестка внутреннего переустройства, революция, стала куда более насущной и актуальной, нежели изнурительная и бесполезная война. Как справедливо заметил исследователь А.А. Вершинин, французы не могли адекватно осмыслить русскую революцию, потому что для этого им было необходимо выйти за пределы принятого во французской политической культуре дискурса о революции как об освободительной борьбе нации против авторитаризма[635]. Об этом свидетельствуют постоянные отсылки представителей французской военной миссии и политической элиты Третьей республики к образам и сюжетам Французской революции. Лаверн докладывал в 1918-м: *«Предшествовавшее им Временное правительство обязано было считаться с Думой, выборы которой оно готовило, с советом рабочих и солдат, с партией большевиков, не говоря уже об анархистах. Это была ситуация,*

[635] Вершинин А.А. Революция 1917 года в России глазами французских политиков. С. 144.

идентичная ситуации Дантона и Робеспьера, вынужденных маневрировать между Конвентом, Якобинским клубом, Коммуной и бабувистами» [636] . Представляется точным замечание А. Вершинина, что на революционные события в России во Франции смотрели сквозь призму собственного революционного опыта, но фоном для их осмысления была Первая мировая война[637]. Отмечая пассивность и апатию русских в важных для себя вопросах, французы упускали из виду колоссальную энергию беспрецедентного по своим масштабам «левого проекта».

[636] SHD/T, 6 N 53. Le Général Lavergne, Attaché Militaire près l'Ambassade de France en Russie, à M. Le President du Conseil, Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armée, Groupe de l'Avant, Etat-Major de l'Armée, 2ème Bureau I, Son Excellence M. l'Ambassadeur de France en Russie, à Arkangelsk.
[637] Вершинин А.А. Революция 1917 года в России глазами французских политиков. С. 127.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе Первой мировой войны французское военное представительство как структура, призванная налаживать взаимодействие между партнёрами по коалиции, претерпела существенные изменения. Если до войны 1914-1918 гг. фигура военного атташе в России (в частности, маркиза де Лагиша) была, по сути, одной из функций посольского аппарата, а невеликий объем требуемых от него военным министерством сведений позволял пользоваться дипломатическими каналами связи, не перегружая его, то к концу 1914 года во взаимной политике стран Согласия обнаружилась нескоординированность действий, спровоцированная новыми вызовами и проблемами, которые поставила Первая мировая война. Быстро затухшие наступательные действия русской армии вызывали в Париже тревогу, разрешить которую требовалось, в том числе и военному атташе. Ситуация осложнялась тем, что *«ни одна из держав не приняла в мирное время мер, способных подготовить и взять на себя руководство действиями коалиции, и вся первая фаза войны была осложнена недостатком организации»* [638] . Коалиционный формат взаимодействия, между тем, был жизненно необходим для успешного ведения боевых действий, так как Великая война оказалась войной «нового формата», в котором возможность победы рассчитывалась количеством ресурсов воюющих сторон.

Первоначальная попытка интенсифицировать информационный обмен между двумя Ставками путём расширения французского военного представительства при русской Ставке (приезд генерала По) по ряду причин не привела к желаемым результатам: новый генерал не пользовался доверием в среде русского военного руководства, и без того не стремящегося раскрывать двери перед иностранцами. Вскрыть недостатки французского военного представительства позволили командировки офицера связи Жака Ланглуа, предложившего комплекс мероприятий по реорганизации французской военной

[638] Mémoires du maréchal Joffre, 1910-1917. T. 2. P. 95.

миссии. Параллельно с этим предпринимались попытки отреагировать на проблемы взаимодействия, обозначенные генералами По и Лагишем, а также военным агентом во Франции Алексеем Игнатьевым – в Россию была оперативно направлена военно-техническая миссия, целью которой было помочь преодолеть России общее для всех воюющих сторон явление – снарядный голод. В свою очередь, весной 1916 года, в рамках реализации рекомендаций Ланглуа по структурной трансформации французской миссии, в Россию был направлен новый руководитель – генерал Морис Жанен со своим аппаратом, который стал компромиссной фигурой для Парижа и Петрограда. По и Лагиш, в свою очередь, были отозваны во Францию. Французская военная миссия была выстроена в духе централизации и единоначалия, однако финализировать этот процесс удалось только к лету 1917 года, когда Военное министерство окончательно, с опорой на существующую нормативную базу, определило полномочия Мориса Жанена по отношению ко всему французскому персоналу в России. Таким образом, «русский опыт» позволил Франции обнаружить недостатки в работе аппарата военного атташе и трансформировать его согласно требованиям конфликта нового типа и впоследствии транслировать его в другие союзнические страны.

В 1916 году, осознав все трудности, с которыми столкнулась Российская Империя: низкая эффективность железных дорог, рабочей силы, отсутствие материальных и человеческих ресурсов для создания высокотехнологичных производств, французское руководство превратило миссию в инструмент военно-технической помощи союзнику и задействовало значительное количество ресурсов для обеспечения военной жизнеспособности партнёра по коалиции. Это достигалось при помощи увеличения персонала миссии, привлечения технических специалистов в области авиастроения, радиоразведки, криптографии, логистики, а также путём выстраивания миссии в духе единоначалия. Морис Жанен координировал действия всего французского персонала, всех локальных миссий на территории России, согласовывая с Парижем каждого прибывающего в

Россию сотрудника. Французская военная миссия не только стала автономной от своего посольства, но являлась самостоятельной структурной единицей, решавшей вопросы увеличения или уменьшения численности персонала, привлечения военно-технических и гражданских специалистов. При этом важно отметить, что в современной отечественной историографии недооценена степень участия французов в реорганизации, главным образом, военно-промышленного комплекса Российской Империи: их наиболее результативное участие можно констатировать в сфере снарядного производства, организации железнодорожной логистики. Тем не менее, добиться успеха в более высокотехнологичных областях промышленности (например, авиастроении) французам так и не удалось в виду технологической отсталости Российской Империи.

Отметим, что французская военная миссия стремилась выйти за пределы своей корпорации и в интересах службы сотрудничала с обширным кругом гражданских лиц и организаций: интеллектуалов, промышленников, финансистов, политиков, став для них определенным центром притяжения. Начало этому положило прибытие миссии Пио и включение финансово-промышленных кругов Франции, работавших в России, в деятельность по производству снарядов французского образца. Появление службы пропаганды, в свою очередь, позволило привлечь к сотрудничеству с французской миссией интеллектуалов, медиков, учителей, переводчиков и др.

Все эти меры позволили создать крепко спаянную колонию, которая, осознав невозможность продолжения Россией войны, после падения монархии и неудачного наступления Керенского (май – сентябрь 1917 г.), в интересах Третьей республики сумела встать на позиции политического вмешательства во внутреннюю политику России: сначала через «реанимацию» Восточного фронта силами национальных контингентов и русских подразделений, сохранивших верность Антанте, а затем, в ходе идеологического сращивания немецкой и большевистской угрозы, благодаря расширению пропагандистской

антибольшевистской деятельности, активизации диверсионно-разведывательной активности, вербовки лояльных Антанте общественных лидеров и военных контингентов. Как справедливо заметил исследователь А. Вершинин: широкое присутствие и связи французов с самыми различными политическими, оппозиционными кругами позволили им втянуться в политические события в России, «превратиться из наблюдателей в участников» [639] . Широкое проникновение французов в самые различные сферы общественной деятельности, от создания собственных разведывательных структур до активной работы практически со всем существующим к 1917 году политическим спектром, научными, образовательными и профессиональными учреждениями, вызывало иллюзию собственного могущества и соблазн вмешаться в политические баталии в России. Руководство Третьей республики отдавало себе отчёт в глубоком кризисе российского государства и последовательно пыталось восстановить его силами национальных армий, социалистических «эмиссаров», проекта интервенции и даже через помощь большевистскому руководству на почве идеи воссоздания Восточного фронта, в котором сама была заинтересована. Вместе с тем, восстановление сотрудничества с Россией было актуально, скорее, при условии французского старшинства в данном сотрудничестве. Антибольшевистская политики нашла своё отражение в вооружённой союзнической интервенции, с использованием ресурсов т.н. «второй миссии Жанена»[640]. Акцентируем внимание на том, что миссия Мориса Жанена в Сибири не является логическим продолжением французской военной миссии в России, как это демонстрируют О.С. Данилова и Т.В. Краева в своей статье [641], но представляет собой отдельную структуру с совершенно иными целями и задачами, поставленными французским руководством. Несмотря на некоторую преемственность в отношении личного состава миссии, была подчинена задаче

[639] Вершинин А.А. Революция 1917 года в России глазами французских политиков. С. 128.
[640] Термин «вторая миссия Жанена» был использован Арсеном Верже.
[641] Данилова О.С., Краева Т.В. Французская военная миссия в России (1916–1919)...

низложения текущего в России политического режима с опорой на антибольшевистски настроенные контингенты.

На примере донесений и отчётов сотрудников французской военной миссии, а также лиц, выполнявших задания по их приказу, видна причина провальной политики Франции в отношении Советской России: клишированное понимание «восточного соседа», попытки провести параллели с французской революцией 1789 года и продуцировать ожидания исходя из данного опыта, миссионерский пыл, проистекающий из ощущения себя как носителей передовой политической идеи, а также недооценка уровня поддержки большевиков населением России. С другой стороны, приходится констатировать недостаточность и однобокость изучения темы противостояния Франции русскому большевизму: как отечественная, так и зарубежная историография изобилуют тенденциозными описаниями такого противостояния, в то время как многие яркие аспекты деятельности французских и советских спецслужб в 1917-1918 гг. остаются за пределами профессионального изучения.

Предположим, что обилие экспертных оценок, разнообразие аналитических рапортов, передававшихся в Париж специалистами французской военной миссии и командированными сотрудниками иных структур Третьей республики, - все это не способствовало выработке строгой картины событий, происходивших в 1917-1918 годах в России. В подобной ситуации, можно предположить, что французское руководство принимало и опиралось на интуитивно понятные европейскому человеку решения (т.е. соответствующие их привычному образу мысли), одновременно отвечающие их политическим и экономическим интересам, что привело к поражению политики стран Антанты в годы Революции и Гражданской войны.

Отдельной строкой отметим, что на сегодняшний день в России можно констатировать слабый исследовательский интерес к международному левому движению, которое в 1917-1918 году предоставляло французам платформу для

общения с большевистскими лидерами. Несмотря на то, что левая идея не была чужда французской политической жизни, её «большевистский ракурс» сумел завоевать сердца весьма ограниченного количества сотрудников миссии, принадлежащих, как правило, к её рядовому составу («апологетами большевизма» стали Жак Садуль, Марсель Боди, рядовые Дейме и Пети). При этом декларируемая приверженность некоторых французских офицеров большевистской идее осложняла и без того расколотое состояние миссии в 1918 году. Тем не менее, по сей день отношения французских левых, оказавшихся в революционной России, с советской властью и их участие в предпринятых ею преобразованиях остаются на периферии исследовательского пространства[642].

Перспективы дальнейшего развития темы связаны с исследованием функционирования института военных атташе и военных миссий Франции в других странах-союзниках в годы Первой мировой войны (например, в Румынии, Сербии), их последующем сравнительном анализе. В качестве продолжения темы можно избрать становление и изучение франко-советских отношений в период с 1918 по 1924 гг. Разумным продолжением текущей работы можно также считать исследование вопроса о взаимодействии французских спецслужб и белых армий в годы Гражданской войны в России.

[642] Краева Т.В. Французские левые в русской революции: 1917-1921 гг. С. 192.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

1. Archives Nationales (AN).

1.1. Des archives de l'Ecole nationale des langues orientales vivant. 62 AJ/66, 62AJ/67.

2. Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (AMAE).

2.1. Agence consulaire. Z 607 3.

2.2. Cabinet du Ministre. Dossier d'affaires.

2.3. Consulats de France. Z 607 2.

2.4. Missons Militaires Françaises en Russie. Z 611 1.

2.5. Papiers d'agents. Berthelot Philippe, Pichon Stephen.

2.6. Personnel. Noulens, Grenard.

2.7. Personnel diplomatique et consulaire. Z 607 4.

2.8. Propagande de la France. Z 620 3.

2.9. Serie «Guerre 1914-1918».

3. Service historique de la Défense (SHD).

3.1. Terre (SHD/T)

3.1.1. Cabinet du ministre. 5 N 74, 5 N 75, 5 N 139, 5 N 140, 5 N 142;

3.1.2. Fonds Clemenceau. 6 N 53, 6 N 220, 6 N 221, 6 N 224;

3.1.3. E.M.A. 2e Bureau. 7 N 757, 7 N 758, 7 N 759, 7 N 760, 7 N 761;

3.1.4. E.M.A. Attachés Militaires. 7 N 1545, 7 N 1555, 7 N 1547, 7 N 1548, 7 N 1549, 7 N 1550, 7 N 1552, 7 N 1553;

3.1.5. Troisième République, supplément (archives rapatriées de Russie). État-major de l'armée (1872-1940). 7 NN 2013, 7 NN 2341;

3.1.6. Grand Quartier General (G.Q.G). 16 N 2960, 16 N 2961, 16 N 3016;

3.1.7. Missions militaires Françaises. 17 N 570;

3.2. Marine (SHD/M).

3.2.1. Personnel (1914-1992). MV CC 7 4e Moderne;

3.2.2. Première Guerre Mondiale. MV SS Eb 115, MV SS X1;

3.2.3. Service du renseignement. MV SS Q 53.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

4.1. Ф. Р336. Следственная комиссия революционного трибунала при Петроградском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Оп. 1. Д. 353.

4.2. Ф. Р5802. Бурцев Владимир Львович. Оп. 2. Д. 486.

4.3. Ф. Р1005. Верховный трибунал при Всероссийском центральном исполнительном комитете. Оп. 1а. Д. 1384.

5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

5.1. **Ф. 71**. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) (1931-1991). Оп. 35. Д. 325, 399.

5.2. **Ф. 76.** Дзержинский Феликс Эдмундович (1877-1926). Оп. 3. Д. 1, 17, 22, 341.

6. Российский государственный военный архив (РГВА)

6.1. Ф.1. Управление делами народного комиссариата по военным делам (Наркомвоен). Оп. 1. Д. 34.

6.2. Ф.3. Высший военный совет. Оп.1. Д. 96.

7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

7.1. Ф. 512. Управление уполномоченного Главного артиллерийского управления по заготовке снарядов французского образца. Оп. 1. Д. 2, 658, 1100.

7.2. **Ф. 15304.** Русская военная миссия во Франции. Оп. 12. Д. 1.

1.2. Опубликованные источники

1. Архив ВЧК. Сборник документов / под ред. В. Виноградова, А. Литвина, В. Христофорова. — М.: Кучково поле, 2007. — 720 с.

2. Борис Савинков на Лубянке: документы / сост. В.К. Виноградов, А.А. Зданович и др. — М.: РОССПЭН, 2001. — 576 с.

3. Варнек П.А. Русский Север в Первую мировую войну / П.А. Варнек // Первая мировая война на Европейском Севере России глазами ее участников и современников. — Архангельск: Лоция, 2014. — С. 6-118.

4. Верстрат М. Дорогами прошлого. Воспоминания банкира / М. Верстрат // Из глубины времен. — 1999. — № 11. — С. 244-282.

5. Гельсхорн К. С германскими войсками на Украине: к истории германской катастрофы // Украина —1918. Взгляд из Германии / пер. с нем. и комм. Л.В. Ланник. — М.: Содружество «Посев», 2018. — С. 281-332.

6. Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни / Б.В. Геруа. — Париж: Танаис, 1970. — Т.2. — 218 с.

7. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне / Н.Н. Головин.— Париж: Товарищество объединённых издателей, 1939. — Т.1. — 211 с.

8. Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914-1915 / Ю.Н. Данилов. —Берлин: Слово, 1924. — 396 с.

9. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю / А.А. Игнатьев. — М.: Правда, 1989. —Т. 2. — 448 с.

10. Казанович Б.И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май —июль 1918 года / Б.И. Казанович // Архив русской революции. — Берлин, 1922. — Т.7. — С. 184-202.

11. Ленин В.И. Письмо американским рабочим / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. — Т. 28. — С. 44-57.

12. Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата / Р. Локкарт. — М.: Военная книга, 2017. — 416 с.

13. Нуланс Ж. Моя посольская миссия в Советской России. 1917—1919 гг. / Ж. Нуланс // Заброшенные в небытие. Интервенция на русском Севере глазами её участников (1918-1919). — Архангельск: Правда Севера, 1997. — С. 84-161.

14. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны / М. Палеолог. — М.: Международные отношения, 1991. — 240 с.

15. Памятная записка народного комиссариата по военным и морским делам РСФСР в Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР о реорганизации дипломатической службы в отношениях с США и Европой (10 апреля 1918 г.) // Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918-1926. — М.: Международный фонд «Демократия», 2002. — С. 17-18.

16. Паскаль П. Русский дневник (1916-1918) / П. Паскаль. — Екатеринбург: Гонзо, 2014. – 591 с.

17. Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. —М.: Государственное издательство, 1922. — Т.2. — С. 130-175.

18. Петерс Я.Х. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год Революции / Я.Х. Петерс // Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя. — М.: Индрик, 2009. — С. 373-381.

19. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907-1916 гг. / А.А. Поливанов. —М.: Высший военный редакционный совет, 1924. — Т.1. — 240 с.

20. Пуанкаре Р. На службе Франции 1914-1915: воспоминания. Мемуары / Р. Пуанкаре. — М.: Аст, Минск: Харвест, 2002. — Т.1. — 784 с.

21. Пуанкаре Р. На службе Франции 1915-1916: воспоминания. Мемуары / Р. Пуанкаре. — М.: Аст, Минск: Харвест, 2002. — Т.2. — 592 с.

22. Ронге М. Разведка и контрразведка / М. Ронге. —СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. —325 с.

23. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 - январь 1919) / Ж. Садуль. — М.: Книга, 1990. — 400 с.

24. Соловьев О.Ф. Революция глазами Второго бюро // Свободная мысль. — 1997. — №9. — С. 102-110.

25. Троцкий Л. Французский империализм и советская Россия в период Бреста / Л. Троцкий // Сочинения. —М.: Государственное издательство, 1926. — Т.17. — Ч.1. С. 132-133.

26. Body M. Un piano en bouleau de Carelie. Mes années de Russie 1917-1927 / M. Body – Paris : Hachette, 1981. – 320 p.

27. Extraits du rapport du 30 octobre 1915 du Capitaine de Frégate PICOT, commandant la mission D // Delannoy G. Guerre 1914-1918. Citations a l'ordre de l'armee des formations et batiments de la marine française. — Leipzig: Amazon Distribution, 2011. — P. 163-166.

28. Janin M. Le journal inedit (1916-1917) / M. Janin. — Paris : L'Harmattan, 2015. — 283 p.

29. Marchand R. Pourquoi je me suis ralliè à la formule de la revolution sociale / R. Marchand. — Petrograd: International communiste, 1919. — 79 p.

30. Marchand R. Why I support bolshevism? / R. Marchand. — London: British socialist party, 1919. — 79 p.

31. Markovitch M. La Révolution russe vue par une Française / M. Markovitch. — Paris: Agora, 2017. — 344 p.

32. Mémoires du maréchal Joffre, 1910-1917. — Paris : Plon, 1932. — T. 2. — 468 p.

33. Naudeau L. En prison sous la terreur russe / L. Naudeau. — Paris: Hachette, 1920. — 245 p.

34. Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie 1916 / H. Olivari. – Paris : L'Harmattan, 2008. – 441 p.

35. Pascal P. En communsime. Mon journal de Russie 1918-1921 / P. Pascal. —Paris: L'Age d'Homme, 1977. — 226 p.

36. Rapport № 15 // La Roumanie dans la Grande Guerre et l'effondrement de l'armée russe. Édition critique des rapports du général Berthelot chef de la mission militaire française en Roumanie 1916-1918 / J.-N. Grandhomme, M. Raucaud, T. Sarmant. – Paris: L'Harmattan, 2000. – P. 239-242.

37. Rapport № 24 // La Roumanie dans la Grande Guerre et l'effondrement de l'armée russe. Édition critique des rapports du général Berthelot chef de la mission militaire française en Roumanie 1916-1918 / J.-N. Grandhomme, M. Raucaud, T. Sarmant. – Paris: L'Harmattan, 2000. – P. 327-344.

38. Rapport № 26 // La Roumanie dans la Grande Guerre et l'effondrement de l'armée russe. Édition critique des rapports du général Berthelot chef de la mission militaire française en Roumanie 1916-1918 / J.-N. Grandhomme, M. Raucaud, T. Sarmant. – Paris: L'Harmattan, 2000. – P. 357-370.

39. Rapport du capitaine Vitrat, chef de la mission française d'aviation en Serbie, au ministère de la Guerre, sous-secrétariat de l'Aéronatique militaire, sans date // La memoire conservée du general Milan Rastislav Stefanik dans les archive du Service Historique de la Defense. — Paris : SHD, 2008. — P. 56-68.

40. Sinanoglou I. Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde russe et soviétique. — 1973. — №1-2. — P. 86-204.

41. Vaucher R. L’enfer bolshevik / R. Vaucher. — Paris: Perrin et Companie, 1919. — 434 p.

42. Verge A. Avec les Tchécoslovaques / A. Verge. — Paris: Editions René Guillon, 1926. — 206 p.

43. Verstraete M. Mes cahiers Russes / M. Verstraete. — Paris: Editions Georges Cres et companie, 1920. —362 p.

2. Литература

1. Алексеев М. Военная разведка России / М. Алексеев. —М.: Издательский дом «Русская разведка», 2001. — Кн.3. — Ч.1. — 512 с.

2. Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900-1917) / Е.З. Барсуков. — М.: Воениздат МВС СССР, 1948. — Т.1.—392 с.

3. Бодров А.В. Формирование военно-технического сотрудничества России и Франции в 1915 году / А.В. Бодров // Великая война 1914-1918. — М.: МБА, Квадрига, 2013. — Вып.3. — С. 42-48.

4. Бодров А.В. Доставка военных грузов через порты Север России / А.В. Бодров // Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны. — СПб.: Издательство РХГА, 2017. — С. 431-477.

5. Быков А.В., Панов Л.С. Пребывание и деятельность французского посольства в Вологде в 1918 году / А.В. Быков, Л.С. Панов // Французская культура в русской провинции (Вологодский край). Материалы чтений. Вологда, 2000. С. 5-22. — Режим доступа: https://www.booksite.ru/fulltext/fra/nts/uzs/kaya/1.htm

6. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы / Н.Е. Быстрова. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 368 с.

7. Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в России (1917-1920): историография: дисс. … к.и.н.: 07.00.09 / Валиахметов Альберт Наилевич. — Казань, 2005. — 306 с.

8. Васюков В.С. Предыстория интервенции. Февраль 1917 – Март 1918 / В.С. Васюков. — М.: Политиздат, 1968. — 296 с.

9. Вершинин А.А. Коммунисты и социалисты во Франции: утерянное единство (1920-1923) / А.А. Вершинин // Французский ежегодник. — 2009. — С. 174-190.

10. Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919-1923): к истокам французского коммунистического движения / А.А. Вершинин. — М.: URSS, 2012. — 200 с.

11. Вершинин А.А. Революция 1917 года в России глазами французских политиков / А.А. Вершинин // Новая и новейшая история. — 2017. — № 5.— С. 126-148.

12. Галкина Ю.М. К вопросу о французском следе в «деле Локкарта»: кто такой Анри Вертамон? / Ю.М. Галкина // Клио. — 2018 — №3. — С. 176-186.

13. Ганин А.В. Семь «почему» российской гражданской войны / А.В. Ганин. — М.: Пятый Рим, 2018. — 864 с.

14. Ганин А.В. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. / А.В. Ганин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2017. — № 2. — С. 6-34.

15. Герварт Р., Хорн Д. Большевизм как фантазия: страх перед революцией и контрреволюционное насилие (1917-1923 годы) / Р. Герварт, Д. Хорн // Война во время мира. Военизированные конфликты после Первой мировой войны 1917-1923. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — С. 63-80.

16. Гужва Д.Г. Военные газеты и журналы в годы Первой мировой войны как основное средство информирования русской армии / Д.Г. Гужва // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политик и поэтика. — М.: ИМЛИ РАН, 2013. — С. 546-557.

17. Данилова О.С., Краева Т.В. Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания ее сотрудников о пребывании на Урале / О.С. Данилова, Т.В. Краева // Вестник Уральского отделения РАН. Наука, человек, общество. — 2011. — № 1. — С. 87–98.

18. Демакова Е.В. Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по пресечению противоправной деятельности иностранных фирм и некоммерческих организаций на Урале в 1920-е годы / Е.В. Демакова // Архивы Урала. — 2017. — №21. — С. 239-247.

19. Зданович А.А. Деятельность иностранных разведок в России во время Первой мировой войны / А.А. Зданович // Клио. — 2016. — №1. — С. 167-173.

20. Зданович А.А. Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918-1938 / А.А. Зданович. — М.: Крафт+, 2017. — 480 с.

21. Зданович А.А. Тема «Заговор Локкарта» в исторической литературе: нерешенные вопросы и воспроизведение мифов / А.А. Зданович // Клио. — 2017. — № 8. — С. 73-91.

22. Зданович А.А. Свои и чужие. Интриги разведки / А.А. Зданович — М.: ОЛМА-пресс, 2002. — 320 с.

23. Казакова Н. Медиа-магнат Иван Сытин / Н. Казакова // Россия XXI. — 2014. — № 5. — С. 96-109.

24. Краева Т.В. Французские левые в русской революции: 1917-1921 гг. / Т.В. Краева // Французский Ежегодник. — 2009. — С. 191-207.

25. Ландер И. И. Негласные войны. История специальных служб 1919-1945 / И.И. Ландер — Одесса: Друк, 2007. – Кн.1. — 622 с.

26. Ланник Л.В. Русский фронт 1914-1917 гг. / Л.В. Ланник. — СПб.: Наука, 2018. — 288 с.

27. Матонин Е.В. Яков Блюмкин / Е.В. Матонин. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 431 с.

28. Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века: учебное пособие. — URL: http://www.evartist.narod.ru/text1/84.htm

29. Миллер А. Предисловие / А. Миллер // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 5-11.

30. О некоторых приёмах и методах борьбы контрреволюции против Советской власти (материалы к истории ВЧК-ОГПУ-НКВД). — М., 1939. — 137 с.

31. Павлов А.Ю. Французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны / А.Ю. Павлов // Великая война 1914-1918. — М.: МБА, Квадрига, 2013. — Вып.3. — С. 33-41.

32. Павлов А.Ю. Русско-французское военно-техническое сотрудничество: французская авиационная миссия в России / А.Ю. Павлов // Первая мировая война, Версальская система и современность. — СПб., 2015. — Вып. 3. — С. 248-258.

33. Павлов А.Ю. Стратегическое взаимодействие России и Франции / А.Ю. Павлов // Россия в стратегии Первой мировой войны. — СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2014. — Кн.1. Россия в стратегии Антанты. — С. 7-115.

34. Поликарпов В. Русская военно-промышленная политика 1914-1917. Государственные задачи и частные интересы / В. Поликарпов. — М.: Центрполиграф, 2015. — 384 с.

35. Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам) / С.С. Попова. — М.: Ладомир, 2010. – 620 с.

36. Попова С.С. Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России. По неопубликованным материалам военного министерства Франции / С.С. Попова // Россия и Франция: XVIII-XX века. — М.: Наука. 1995. — Вып. 1. — С. 196-216.

37. Поршнева О.С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 г. / О.С. Поршнева // Уральский исторический вестник. — 2014. —№1. — С. 43-52.

38. Поршнева О.С. Союзники глазами русского общества в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) / О.С. Поршнева // Общество и война: материалы докладов международного научного семинара. Екатеринбург, 26 ноября 2009 г. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. — С. 17-37.

39. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. / Л.П. Репина. — М.: КругЪ, 2011. — 560 с.

40. Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией 1914-1918 / Ф.А. Селезнев. — СПб.: Алетейя, 2017. — 180 с.

41. Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в коалиционной войне, 1914-1917 гг. / Е.Ю. Сергеев // Первая мировая война, Версальская система и современность. Сборник статей. — СПб., 2012. — С. 20-31.

42. Сергеев Е.Ю. Новые подходы к исследованию Первой мировой войны / Е.Ю. Сергеев // Великая война: сто лет. — М., СПб.: Нестор-история, 2014. — С. 13-22.

43. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А.Л. Сидоров. — М.: Наука, 1973. — 656 с.

44. Спиридонова Д.В., Филатова К.Л., Чудинов А.П. Французская лингвистическая советология: Андре Мазон / Д.В. Спиридонова, К.Л. Филатова, А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2013. — №1. — С. 198-202.

45. Трофименков М. Поколение мертвых / М. Трофименков // КоммерсантЪ Weekend. — 2014. — №24. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/2493842

46. Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб / Р. Фалиго, Р. Коффер. — М.: Терра, 1997. — Т.1. — 528 с.

47. Хайрулин М., Кондратьев В. Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне / М. Хайрулин, В. Кондратьев. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — 472 с.

48. Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация / В.В. Хрулев. — М.: Воениздат, 1940. — 100 с.

49. Audoin-Rouzeau S., Becker A. 14-18, retrouver la Guerre / S. Audoin-Rouzeau, A. Becker. — Paris: Éditions Gallimard, 2000. — 398 p.

50. Becker J.-J., Berstein S. Histoire de l'anti-communisme en France / J.-J. Becker, S. Berstein. — Paris: Olivier Orban, 1987. — T.1: 1917-1940. — 407 p.

51. Beneteau A. Servir les intérêts français en plein chaos révolutionnaire. Étude des attachés militaires en Russie, 1916-1920 / A. Beneteau // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. — 2018. — №47. — P. 61-72.

52. Bradley J.F.N. The Czechoslovak Revolt against the Bolsheviks / J.F.N. Bradley // Soviet studies. — 1963. — №2. — P. 124-151.

53. Bradley J.F.N. The allies and Russia in the light of French archives (7 November 1917 – 15 March 1918) / J.F.N. Bradley // Soviet studies. — 1964. — №2. — P. 166-185.

54. Cariguel O. «À l'Est, tout est nouveau». Note sur l'établissement du texte / O. Cariguel // Markovitch M. La Révolution russe vue par une Française. P. 11-52.

55.Carley M.J. From Revolution to Dissolution: The Quai d'Orsay, the Banque Russo-Asiatique, and the Chinese Eastern Railway, 1917-1926 / M.J. Carley // The International History Review. — 1990. — №4. — P. 721-161.

56.Carley M.J. The origins of the French Intervention in the Russian Civil war, January-May 1918: a reappraisal / M.J. Carley // The Journal of Modern history. — 1976. — №3. — P. 413-439.

57.Cochet F. 6-8 décembre 1915, Chantilly: la Grande Guerre change de rythme // Revue historique des armées. — 2006. — № 242. — URL: http://rha.revues.org/4062

58.Cœuré S. Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme / S. Cœuré. — Lausanne: Les éditions noir sur blanc, 2014. – 416 p.

59.De Lastours S. Avant-propos / S. de Lastours // Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie (1916). — P. 9-19.

60.Delmas J. La paix de Brest-Litovsk et le maintien en Russie de la mission militaire française / J. Delmas // Aux vents des puissances. — Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2009. — P. 209-227.

61.Delmas J. L'état-major français et le front oriental après la révolution bolchevique. Thèse de 3e cycle, sous la direction du doyen Pierre Renouvin. — Paris, 1965. — T. 1-2. —327 p.

62.Delporte C. Journalistes et correspondants de guerre / C. Delporte // Encyclopedie de la Grande Guerre. — Paris : Bayard, 2004. — P. 675-686.

63.Des Savoyardes dans les prisons de Lénine. Le drame russe de la Congregation de Saint-Joseph de Chambéry. — Chambéry : Société savoisienne d'histoire, 2003. — 125 p.

64.Doughty R. A. Pyrrhic victory: French strategy and operations in the Great War / R.A. Doughty. — Cambridge, Mass.; London: Belknap press of Harvard university press, 2005. — 592 p.

65.Forcade O. Information, censure et propagande / O. Forcade // Encyclopedie de la Grande Guerre. — Paris: Bayard, 2004. P. 425-438.

66.Forcade O. La République Secrète. Histoire des services spéciaux français de 1918 à 1939 / O. Forcade. — Paris: Nouveau Monde éditions, 2008. — 701 p.

67.Grandhomme J.-N. Le Général Berthelot et l'action de la France en Roumanie et en Russie méridionale (1916-1918) / J.-N. Grahdhomme. — Paris: Chateau de Vincennes, 2000. — 1120 p.

68.Greenhalhg E. The French army and the First World War. Cambridge, 2014

69.Greenhalhg E. Victory through coalition. Britain and France during the First World War / E. Greenhalhg. — Cambridge : Cambridge University press, 2014. — 322 p.

70.Heiser S., Texier N. Archives militaires : mode d'emploi. Guide du lecteur dans les fonds du Service Historique de la Défense. — Paris, 2013. — 79 p.

71.Henninger L. La nouvelle histoire-bataille / L. Henninger // Espaces Temps. —1999. — №71-73. — P. 35-46.

72.Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917-1924 / A. Hogenhuis-Seliverstoff. — Paris: Publications de la Sorbonne, 1981. — 316 p.

73. Kuzmina S. Pierre Darcy (1870-1918), acteur majeur du développement de l'industrie métallurgique en Russie au début du XXe siecle / S. Kuzmina // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815-1917). — Paris: École national des chartes, 2011. — P. 495-513.

74. Le lieutenant Georges Mayeur et la Mission d'Aviation en Russie (1917-1918) // Revue historique des armées. — 1999. —№3. — P. 32-41.

75. Le Moal F. La Serbie: du martyre à la victoire 1914-1918 / F. Le Moal. – Paris : 14-18 Editions, 2008. – 253 p.

76. Lunet P. L'intervention française en Russie méridionale en 1918-1919 / P. Lunet // Revue historique des armées. — 1992. — №1. — P. 52-62.

77. Mueggenberg B. The Czecho-Slovak Struggle for Independence, 1914-1920 / B. Mueggenberg. — Jefferson: McFarland, 2014. — 322 p.

78. Nicot J., Schillinger Ph. La mission d'Albert Thomas en Russie: problems et incertitudes de l'alliance russe (mai-juin 1917) / J. Nicot, Ph. Schillinger // Revue historique des armées. — 1973. — № 3. — P.64-84.

79. Noulens R. À la recherche d'une «belle et bonne alliance». Le général Maurice Janin (1862-1946) et la Russie / R. Noulens // Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917). — Paris : L'Harmattan, 2015. — P. 9-24.

80. Otu P. L'influence de la doctrine militaire française sur l'évolution de l'armée roumaine (1878-1940) / P. Out // Revue historique des armées. — 2006. — № 244. — P. 38-49.

81. Pénicaut E. Missions militaires françaises auprès de puissance alliées / E. Pénicaut // Archives de la Grande Guerre. Guide des sources conservées par le Service

historique de la Défense relatives à la Prèmiere Guerre mondiale. — Paris: Service hstorique de la Défense, 2014. — P. 41-43.

82. Philpott W. Attrition. Fighting the First Word War / W. Philpott. — London: Abacus, 2014. — 400 p.

83. Pondopopulo A. Paul Boyer, ses liens avec la Russie et les enjeux politiques de la réforme de l'École des langues orientales dans les années 1910 / A. Pondopoulo // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815-1917). — Paris: École national des chartes, 2011. — P. 341-359.

84. Porte R., Cochet F. Histoire de l'armée française 1914-1918 / R. Porte, F. Cochet. — Paris: Tallandier, 2017. — 520 p.

85. Prost A., Winter J. Penser la Grande Guerre Un essai d'historiographie / A. Prost, J. Winter. — Paris : Éditions du Seuil, 2004. — 344 p.

86. Salkin-Laparra G. Marins et diplomats. Les attachés navals 1860-1914 / G. Salkin-Laparra. — Paris: Service historique de la Marine, 1990. — 500 p.

87. Sarmant T. La désintégration de l'armée Russe sur le front roumain d'après les rapports du Général Berthelot 1917-1918 //La Roumanie dans la Grande Guerre et l'effondrement de l'armée russe. Édition critique des rapports du général Berthelot chef de la mission militaire française en Roumanie 1916-1918 / J.-N. Grandhomme, M. Raucaud, T. Sarmant. – Paris: L'Harmattan, 2000. – P. 57-77.

88. Soutou G.-H. La grande illusion. Quand la France perdait la paix 1914-1920 / G.-H. Soutou. — Paris: Tallandier, 2015. —377 p.

89. Torrey G. Henri Mathias Berthelot: Soldier of France, Defender of Romania / G. Torrey. – Oxford: The center for Romanian studies, 2000. – 400 p.

90.Totentanz : Der Ersten Weltkrieg im Osten Europas // Osteuropa. — Berlin: 2014. — URL : https://www.zeitschrift-osteuropa.de/hefte/2014/2-4/

91.Winock M. Clemenceau / M. Winock. — Paris: Perrin, 2007. — 688 p.

92.West N. MI6: British secret intelligence service operations 1909-1945 / N. West. — New York: Random House Inc., 1983. —266 p.

93.Zimmer L. Un septennat policier. Dessous et secrets de la police républicaine / L. Zimmer. — Paris: Fayard, 1967. — 240 p.